

МАРТА БРОМИС

Непокорное сердце Еньки
Малиновской

Непокорное сердце Еньки Малиновской

Яркое, но еще холодное солнышко привечало стосковавшийся за зиму по теплу народ, выманивая его на улицу. Прохладный ветерок забирался в самые укромные местечки под одеждой и загонял всех обратно в помещение. И неизвестно, кто из них победил бы, но необходимость подготовки тусы по поводу дня рождения Витька Артемьева вносила свои коррективы.

Народ на дачу, как называли родители Виктора этот небольшой дмамак в деревне, начал стекаться уже с десяти утра, хотя праздновать планировали только часов в шесть вечера. Кто-то привез продукты, кое-кто занимался кухней, кто-то дровами, мангалом и прочей шашлычной атрибутикой. Работы хватало всем. При этом все действия сопровождались умеренными, а временами не очень умеренными возлияниями.

К часам трем уже вся группа собралась в полном составе, салаты были нарезаны, котлеты пожарены, а шашлык грозился превратиться в угли, если застолье будет отложено на запланированный час. И посему, тщательно организованные приготовления плавно переросли в неорганизованное празднование. Так называемые «развлекательные мероприятия» возникали стихийно в разных концах участка и так же внезапно затухали. В беседке за домом орала музыка, там же играли в бутылочку. Рядом, на будущем газоне, засеянном альпийской травкой, девушки крутили из своих тел фигушки, «играя» в твистер. Рядом с ними крутились парни, дожаривая шашлыки, и пуская слюну на гибкие тела одноклассниц. А за сараем, где на весну были запланированы грядки под зелень, огурцы и помидоры, народ азартно играл в баскетбол. Причем, вместо кольца решили использовать «мишень», которой стала дверь на чердак многострадального сарая. Грохот стоял на всю улицу, но это не смущало никого, кроме соседей. Некоторые из них, время от времени, появлялись на оккупированной студюзусами территории с целью контроля над целостностью участка вообще, и дома в частности. Какое-то время они наблюдали и, подоброму завидуя, посмеивались над выкрутасами подвыпившей компании. А после удалялись со словами «Эх, молодежь!»

Температура на улице понижалась из-за уходящего за горизонт солнца, а градус в организмах повышался благодаря количеству выпитого. Общий или, правильнее будет сказать, средний градус по тусовке оставался стабильным. То ли избыток развлечений, то ли изобилие закусок было тому причиной, но ни перепивших студентов, ни конфликтов между ними не предвиделось. Праздник был практически идеальным.

Для Евгении Малиновской, Еньки или Жекачки, как называли её друзья и подруги, все изменилось часов в восемь вечера, когда за одним из одноклассников, Олегом Ивановым, приехал его старший брат с другом. Время было детское, компания веселая, настроение отличное, поэтому Олег стал уговаривать брата зависнуть на даче с ночевкой. Тем более, эти двое были весьма популярны и любимы в этой компании. У мелкого пакостника были все шансы склонить стрелку весов в свою сторону. Старший брат души не чаял в нем и частенько велся на провокации младшего.

— Дим, ну, давайте еще посидим, там ребята сейчас на гитаре играют, романтика... — начал вполне себе нейтрально Олежка, он еще не понял какое у брата настроение и какую

тактику лучше применить.

— Пора... — категорично заявил Дима и покосился на сильно пьяного друга, — ты Дрона видишь? Куда ему оставаться?

— А где вы уже посидели? И на фига сюда приехали в таком виде? Ты решил мне праздник испортить? Меня первый раз родители отпустили самостоятельно, но нет! Пришел Димон и решил все испортить! — включил «обидульки» Олежа.

— Не важно. У Дрона проблемы, не мог же я его бросить, а родки просили за тобой заехать, что бы ты не влип в неприятности. Поехали, надо еще Дрона домой отвезти, а я уже засыпаю. Устал.

— Тем более давай останемся, с ночевкой. Дим... Тут места полно, — вкрадчивым голосом продолжил уговоры младший, — Посидим немного, потом спать пойдете, а завтра трезвые и бодрые поедem домой. А Дрону будем только сок наливать, он все равно вкус не почувствует. Ну, что сейчас дома делать? Телек смотреть или в игрушки резаться? А здесь природа, милые девушки, — продолжал уговаривать Олег, приобнимая за талию проходившую мимо Еньку.

— Уйди, противный, — писклявым голоском подыграла девушка, усмехнулась, оттолкнула Олега и уже собралась продолжить поход на кухню за очередной партией салатов, когда наткнулась на прожигающий взгляд черных глаз Андрона. Было в этом взгляде что-то властное, собственническое. Еньке захотелось подчиниться прямо здесь, на полу в коридоре, по спине пробежала странная дрожь. Она испугалась, встряхнула головой, избавляясь от наваждения, и медленно направилась за салатами.

— Ладно, уговорил, сейчас родакам наберу, — согласился старший Иванов, не обратив внимания на гляделки друга.

Уже через пару минут Ивановы направились в беседку. Вечер обещал быть классным, старшего откровенно забавляли эти пьяненькие детки.

Андрон же на словосочетание «милые девушки» отреагировал вполне однозначно. Девочки из нового модельного агентства «Милые девушки» ценились на вес золота.

Владелец этого цветника, еще в студенческие годы, начитавшись исторических трактатов о японской культуре, буквально заболел гэйги токухон, правилами гейши. Они его настолько увлекли, что молодой историк сначала написал дипломную работу, а потом и кандидатскую защитил на эту тему. Но и этого ему показалось мало, он решил возродить древнее искусство хотя бы в пределах одного модельного агентства. Разумеется, от юных прелестниц никто не требовал ходить в кимоно, делать японские прически и наносить сложный макияж, но что касается всего остального... Теперь уже кандидат исторических наук и предприниматель Титомиров буквально дрессировал девчонок, "вколачивая" в них правила этикета, знание литературы, искусства, умение петь, танцевать и слагать стихи. Отбор был жесткий, как для обучения, так и во время обучения. Поэтому в свет допускались не многие. Услуги их были практически запредельные по стоимости, но влиятельные мужи успели оценить такой эскорт, и цена их не останавливала. Тем более, то ходили слухи, что некоторые девушки оказывали не только услуги сопровождения. Запись велась на несколько месяцев вперед.

Андрон решил, что появление «милых девушек» на студенческом сейшне — несанкционированная вылазка авантюрной молодежи, поэтому поспешил воспользоваться выпавшим шансом. Он направился на кухню, где еще возилась Женечка.

— Сколько? — поинтересовался Андрон у студентки, пошатываясь и притягивая её к

себе за бедра.

— Что «сколько»? — не поняла девушка и отстранилась от него.

— Сколько стоит ночь с тобой?

— У тебя столько нету! Отвали, — взбесилась из-за оскорбления Енька.

— На шлюху хватит, — засмеялся Андрон.

— Дурак? Или перепил? Иди проспись, утром поговорим, — про утро слова были лишними. Пьяный парень мыслил в данный момент только линейно — баба набивает себе цену.

— Ага, утром поговорим, а до утра разговаривать нам будет некогда, — мерзко заржал этот придурок, схватил Еньку за руку и потащил за собой, — ну, показывай, где тут спальня...

— Эй, отвали, скотина! Да ты совсем охренел! Урод! Ты что себе позволяешь? Отцепись от меня! — она перешла на ультразвук, пытаясь зацепиться свободными конечностями за выступающие детали интерьера.

Силы были неравными, но в этот момент на кухне кто-то загремел посудой, Андрон отвлекся. Енька воспользовалась моментом и успела вырваться из захвата, шмыгнув в приоткрытую дверь кладовки. Еще полчаса Андрон матерился и искал не состоявшуюся жертву в доме, а потом отправился обследовать территорию дачного участка.

Вытащив из кучи одежды свою куртку и схватив рюкзак, короткими перебежками от забора к забору, от куста к кусту, Енька рванула к деревенской автобусной остановке.

Сосед Артемьевых, Дядя Сема, шестидесятилетний мужчина, габаритами уступающий только Гераклу, дураком не был. Выезжая со своего участка, он увидел испуганную девчущку, «незаметно» перебегающую от одного укрытия к другому и нервно озирающуюся по сторонам. Он сразу смекнул, что для того, чтобы после студенческой гулянки не пришлось идти свидетелем по уголовному делу, лучше отвезти горемыку домой:

— Что, нагулялась? Домой пора? — притормаживая рядом с бедолагой, поинтересовался дядя Сема.

— Да, засиделась что-то. А вы не знаете, когда следующий автобус? — все еще нервно оглядываясь на дачу одногруппника, спросила Малиновская.

— Отчего ж не знать, знаю, — глянул на часы дядя Сёма, — через сорок минут будет. Может подвезти, раз спешишь?

— Да, да, подвезите, я заплачу, — обрадовано закивала девчонка, — Мне только до города, там я на автобусе...

— Садись уже, — добродушно усмехнулся мужчина, — заплатит она...

«Не хотела ехать, и не надо было, — ругала себя Женечка, сидя в машине и перебирая события в голове, — Праздника захотелось идиотке! Отпраздновала, блин! Что я не так сделала? Чем могла спровоцировать? Хорошо, что не изнасиловал, вовремя я смоталась. А то еще и в криминальной хронике засветилась бы. Тогда отец меня точно прибил бы». На душе становилось все гаже и гаже. Размышления давно уже перешли в категорию «самоедство», но отвлечься было не на что. Музыка в машине не было, водитель попался неразговорчивый, чему, впрочем, девушка была рада — уж очень не хотелось рассказывать о том, что случилось на даче. А на улице было уже темно так, что силуэты домов и деревьев едва угадывались. Только две желтые полосы ближнего света от автомобильных фар освещали

асфальт, гипнотизировали, как два змеиных глаза, навевали тоску и рождали гадкие предчувствия.

Уже дома, после расслабляющих ванны и чая, лежа в постели, когда сон уже почти пленил перевозбужденный мозг, голову посетила первая позитивная мысль: «Хорошо, что никто из ребят ничего не видел, а Ивановы болтать не станут, даже если Андрон им расскажет. Да и вряд ли он в таком состоянии меня запомнил».

Этой ночью Евгения почти не спала, как всегда перед сессией нервишки пошаливали. Она знала, что уже вечером её отпустит, но сейчас, перед первым зачетом, девушку не по-детски потряхивало. Она направилась на кухню, в надежде на бодрящую чашку чая.

— Доброе утро, доченька! — традиционное утреннее приветствие Риммы Власовны прозвучало как-то не совсем обычно. Такие слащавые нотки в голосе торкнули и без того расшалившиеся нервишки.

— Привет, мама, — Енька поцеловала Римму в щеку и направилась за чайником.

— Доча, сегодня не задерживайся, вечером у нас будут гости.

— И что, крайне необходимо мое присутствие? — удивленно вскинула брови девушка.

— Да! — повисла пауза.

Женечка ждала подробностей, мама интриговала. «Маска загадочности», по мнению родительницы, должна была придать торжественности моменту.

— Как-то уж слишком загадочно, не находишь, мамочка? — фокус не удался, по правде сказать, Римма была никудышной актрисой и такой же интриганкой.

— Хотели с отцом сюрприз тебе сделать, а ты не даешь, — капризным голосом сказала Римма Власовна.

— И не дам. Ты знаешь, что я не люблю сюрпризы, особенно, если они без повода. Рассказывай.

— Хорошо... — пауза, выразительный театральный взгляд на дочь. По всей видимости, мать посчитала, что ребенок все-таки должен проникнуться торжественностью момента.-

— Не томи, — Еня не оценила и только сильнее занервничала.

— Сегодня мы ждем в гости твоего жениха! — с интонациями ведущего церемонии Оскар, провозгласила мама-Римма.

— У меня нет жениха, и ты об этом знаешь, — все еще пыталась сопротивляться ужасным новостям Жека, — Ма, хватит прикалываться, серьезно скажи, кого вы пригласили?

— Я тоже серьезно, — обиделась Римма Власовна, — Если тебя до девятнадцати лет не заинтересовали парни, это не значит, что они к тебе так же равнодушны. Уж не знаю, где и как, но ты сумела произвести впечатление на сына одного из партнеров отца. Вот они и решили поближе вас познакомиться...

У Еньки случился нецензурный шок. Года три назад в их семье довольно долго витала идея «отдать ребенка в надежные руки». Тогда она очень перенервничала, даже несколько раз ссорилась с отцом, уж очень не хотелось, как в старинных любовных романах, становиться заложницей деловых отношений. Постепенно разговоры стихли, и Еня решила, что смогла донести до родителей, что выйдет замуж только за любимого. Сегодняшние события говорили, что тогда просто не нашлась подходящая кандидатура.

— ... он замечательный мальчик, положительный во всех отношениях! — продолжала восторженно щебетать Римма Власовна, — К тому же, он очень симпатичный. Старше тебя всего на шесть лет, а уже вице-президент семейной компании. Если после вашей свадьбы удастся объединиться в холдинг, то это положительно отразится на нашей компании! Представляешь, какие перспективы открываются?

— Значит бизнес. Сделка... Ага, представляю, понимаю... Мама, а ты отца любишь? — перебила Женечка Римму.

— Люблю, конечно! Но при чем здесь?.. Опять ты пытаешься разговор на другую тему перевести! Доча...

— Я не перевожу! Я тоже любить хочу, и чтобы меня любили хочу! Мама, я мужчину любить хочу, а не счет в банке. Ну, неужели вам с отцом мало того, что у вас уже есть? Да этих денег хватит еще на три поколения Малиновских, даже если они работать не будут!

— Дурочка, — как маленькую пожурила Римма, — Да о таком парне все девчонки мечтают. Ты хоть представляешь, сколько их бегают за молодым, красивым и успешным мужчиной? А он выбрал тебя. Те-бя! Ты ему очень понравилась. Даже не сомневайся. Ну, сама подумай, ты же не единственная половозрелая девушка в нашем кругу, а сватается он к тебе! Я уверена, он уже тебя любит. И ты его полюбишь, вы будете счастливы. А все остальное — это приятный бонус к счастливому браку! — монолог грозил затянуться.

— И как имя этого влюбленного счастливца? — прервала восторженный спич родительницы Енька.

— Андрон! Андрон Лутак. Правда, звучное имя? Как скала! Говорят, у него и характер такой же, мощный и несгибаемый. Идеальный защитник для семьи, — снова подседа на свою волну Римма Власовна.

Что такое сессия, по сравнению с надвигающейся катастрофой? Леденящий ужас лавиной окатил Евгению. Ровно две недели прошло с незабываемого «знакомства». Женечка уже успела поверить, что неприятности миновали и, даже, стала забывать о случившемся. И вот вечером она будет представлена будущему супругу, которым, по закону подлости, оказался Андрон. Слабая надежда на то, что Дрон её не вспомнит, была, и девушка цеплялась за неё из последних сил. Она, как могла, себя успокаивала: «Но ведь ничего не произошло, я вовремя уехала. Совесть моя чиста, как и репутация. Да и дворецкий подтвердит, что я вечером уже была дома. А потом, даже если Дрон вспомнит меня, вряд ли он станет рассказывать, что пытался меня изнасиловать. Это же была попытка изнасилования. Однозначно».

Но тревога и смутные предчувствия, почему-то, не покидали Женечку. Одни и те же мысли крутились в голове, как карусель. Она пыталась и не мог понять причины той агрессии, и даже ненависти, которую выплеснул на неё Андрон на даче Артемьевых. Енька боялась Лутака, пыталась успокоиться и разобраться в ситуации, но только накручивала себя. Весь день она был рассеяна и невнимательна, чуть не попала под машину, когда возвращалась из университета. Но даже это не смогло её отвлечь от предстоящего ужина. Весь день она молила высшие силы, чтобы Лутак её не вспомнил.

Андрон вспомнил...

Евгения стояла у окна гостиной и блуждала невидящим взглядом вдоль улицы. Её тонкие пальцы слегка подрагивали, выдавая напряжение, с которым не получалось справиться весь день, а сейчас оно было готово выплеснуться истерикой. За спиной раздался голос отца:

— Добрый вечер, Герман Архипович, Андрон Германович, Лилия Валерьяновна, — слишком уж радушно, явно переигрывая, вешал отец Женечки, пожимая руки гостям.

— Можно просто Андрон, — улыбнулся Лутак-младший.

— Андрон. Знакомьтесь, моя супруга Римма Власовна и дочь Евгения, — торжественно провозгласил Борис Васильевич.

Римма широко улыбалась, что-то говорила и пожимала будущим родственникам руки. Женечка же смогла только нервно кивнуть. Руку для пожатия она протянуть боялась — она дрожала. Отец глянул на бледную дочь, неодобрительно хмыкнул, но гостям «заговорщически» сообщил:

— У Женечки трудный день, сессия началась.

Все понимающе заулыбались, кроме Андрона. На какую встречу рассчитывал новоиспеченный жених, представить сложно, но такая реакция его взбесила. Он усмехнулся:

— Здравствуй, Евгения, ты не рада меня видеть? Или ты просто шокирована скоростью развивающихся событий? — родители замерли, всем хотелось узнать романтическую историю знакомства чад, — Признаться, когда мы с тобой развлекались, я тоже предположить не мог, что все это окончится свадьбой! — самодовольно заявил Андрон.

Повисла гнетущая тишина. Не это хотели услышать родители. Атмосфера заледенела.

— Когда? — как удар прозвучал вопрос Бориса Васильевича.

— Две недели назад, на дне рождения его одноклассника, Артамонова или Артемьева, не помню точно, — с пошлой ухмылкой заявил Андрон.

— Сынуля, ты такой же шустрый, как и твой отец, сразу берешь быка за рога, — попыталась разрядить обстановку мама Андрона, Лилия Валерьяновна.

— Ты лжешь! Не было ничего! Я уехала сразу же после того, как ты с Димой Ивановым приехал. У меня есть свидетель, меня в город отвез дядя Сеня, сосед Артемьевых! — выпалила Женечка.

Казалось, сердце остановилось, в горле застрял ком, дышать получалось через раз, её всю начало трясти. Девушка и в самом страшном кошмаре не могла себе представить подобного унижения. Все было гораздо хуже, чем она рисовала себе в кошмарах.

— У меня тоже есть свидетели, — рассмеялся Андрон, — Ивановы до сих пор вспоминают, какие звуки доносились из комнаты, где мы с тобой общались.

— Я не знаю, с кем ты общался, но точно не со мной, — в отчаянии кричала Женечка, — Отец, это неправда! Дворецкий видел, когда я вернулась, он подтвердит! И вообще, если не веришь, мы даже можем завтра сходить к врачу...

— И что? Он мне предоставит список входящих? — зло прошипел отец, — Прекращай этот балаган! Отношения будете выяснять без свидетелей. А за свои поступки надо отвечать. Свадьба будет в середине августа, — уже громко объявил Борис Малиновский, — Этого времени должно хватить на приготовления, — и сквозь зубы прошипел дочери, — Надеюсь, ты не залетела, не хотелось бы переносить сроки свадьбы из-за очередной твоей глупости.

Возражений не было. Лутак младший сиял оскалом победителя. «Сватовство заняло не больше пяти минут... Это конец», — с досадой подумала девушка. Она посмотрела на лица родителей. Ни понимания, ни сочувствия в них не проглядывалось. Отвечать не было смысла, все равно её никто не собирался слушать. Она вылетела из гостиной и рванула в свою комнату. Слезы душили, отчаяние деревянным молотком стучало по голове. Она ненавидела себя за эту дурацкую беспомощность. Девушка металась по комнате, все её естество требовало действий, только не понятно каких. Минут через десять раздался стук в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла Римма Власовна:

— Евгения, ты ведешь себя неподобающе. Ты уже успела сегодня опозорить нашу семью, не усугубляй... — тон был просто арктическим.

— Я ничего не делала, я не виновата ни в чем, мама, поверь, он все придумал! Спроси дворецкого, когда я вернулась! Мама... — захлебываясь слезами, затараторила Женечка.

— Прекрати истерику, — рявкнула Римма Малиновская, при необходимости она могла быть жесткой, — Хватило смелости на подвиги, наберись смелости ответить за них! Кто виноват, что у тебя мозги куриные, и ты не смогла все сделать по-умному? Ты виновата! Пришло время отвечать за свои дела! Сейчас ты встанешь, приведешь себя в порядок, вернешься за стол и будешь там мила и обходительна! На все про все тебе десять минут! И не усложняй! Отец и так в бешенстве!

Пока Евгения приводила себя в порядок, она увидела всего две возможные линии поведения за ужином. Первая — убедить Андрона, а заодно и родителей, что они ошиблись. Вторая — забить на этого урода, а потом добиться от родителей расторжения так называемой «помолвки».

Оба варианта были слабенькими. Женечка откровенно растерялась. Она впервые в своей жизни попала в такую страшную историю. Жутко захотелось кинуться к родительнице на ручки, уткнуться носом в плечо и зашептать: «Мама, миленькая, спаси, помоги, я не знаю, что мне делать...». Но мама-Римма уже дал понять, что на родительскую защиту уповать не стоит и эту кашу придется расхлебывать самостоятельно.

Когда она вернулась в гостиную, то поняла, что вариант номер один провальный. За столом все делали вид, что ничего не произошло. И даже нападки на девушку со стороны Андрона оставались якобы незамеченными, родители с обеих сторон словно глохли, когда в адрес Женечки летела очередная шпилька. Больше бояться было уже нечего. Поэтому, весь оставшийся вечер нареченная сидела за столом сломанной куклой с белым лицом и остекленевшим взглядом и гоняла мысли по кругу. Самое ужасное, что могло произойти в этот вечер, уже случилось. На вопрос «кто виноват?» ответ найти не получалось, а «что делать?» Женечка решила отложить на «потом». Эмоции зашкаливали и не давали мыслить логично — она слишком сильно переживала обвинение в распущенности. Но еще обидней было то, что родители, самые близкие люди, поверили не ей, Евгении Малиновской, которую они знали более девятнадцати лет, которую сами воспитали и вырастили, а совершенно чужому человеку. Поэтому в беседах участия она не принимала, даже не слушала их.

Сон не шел. Женечка лежала в кровати и планировала разговор с родителями. Она вспоминала, кто в их компании был самым трезвым, кого можно было бы попросить выступить в защиту себя любимой. Собиралась попросить у Витька номер телефона дяди Сёмы. Выстраивала линию своей защиты и искала факты и аргументы.

В мыслях получалось достаточно убедительно и легко. Девушка даже стала гордиться собой и стыдить себя же за панику и трусость, в которые она ударилась на ужине. Чтобы окончательно успокоиться, Еня отправилась на кухню выпить теплого молока, как в детстве. У дверей, услышала окончание разговора родителей:

— Надо было её три года назад замуж отдать...

— Она была еще несовершеннолетней, и не сформировавшейся, рано было.

— Зато головной боли могли избежать. Да и брачный контракт мы бы подписывали, а теперь жди, когда она соизволит согласиться. Тем более Лутак повел себя с ней как скотина. Подумаешь, трахнул. Она не первая и не последняя замуж невинной пойдет. Тем более, в наше время. Обидно только, что клинок prospорил. Знал бы, что так выйдет, вообще из дома не выпускал бы эту дуру.

— Перестань, она наша дочь. А Андрон известный ловелас, вряд ли перед ним смогла бы устоять наша наивная девочка. А по поводу брачного договора не волнуйся, я смогу на неё надавить, — проворковала мама.

Решимости у Женечки поубавилось, и чтобы не обнаружить свое присутствие и не огрести за подслушивание, она быстренько убралась восвояси. Там она забралась в кровать, закуталась в одеяло — её стало изрядно потряхивать — и принялась выстраивать новый план беседы с родителями. Так она и уснула.

Был уже почти полдень, а в доме Малиновских стояла гробовая тишина. Наверное, родители отсыпались за неделю. Хотя, может просто наслаждались обществом друг друга. Что ни говори, а любили Малиновские друг друга по-настоящему, сильно, нежно, страстно, как и двадцать с лишним лет назад, когда встретились в студенческом лагере. С тех пор они всегда были вместе, всегда заодно. Казалось, что у них биение сердца одно на двоих. И даже отношение к детям у них было одинаковое.

К детям, потому что Римма родила двойняшек, младший мальчик, умер в день родов. Малиновские оба очень переживали смерть сына, порой казалось, что абсолютно вся их любовь осталась с малышом. К дочери же они относились ровно, порой, даже прохладно. Однако Женечка другого отношения не помнила, поэтому считала, что так и должно быть. А требовательны к ней исключительно ради её же блага. Все остальное, как то: внимание, нежность и самое главное — любовь, дарила ей бабуля, мама Риммы Малиновской. К несчастью, ушедшая в мир иной полтора года назад.

Еще в раннем детстве Еню приучили к тому, что заходить в спальню к родителям ей категорически нельзя. Даже если в доме случится пожар. Будить их — тем более. Мама называла это уважением к личному пространству. Битых три часа Енька уважала это чертово пространство. Она, сидя в своей комнате, нетерпеливо поглядывала на часы, листала журнал и ждала, когда же родители проснутся.

Женечка была перевозбуждена, она была в предвкушении и лелеяла надежду, что родители её выслушают и поймут. Она даже несколько раз дергала дворецкого в надежде, что родители уже проснулись. Подходила к двери в их спальню и прислушивалась, даже пыталась постучать, но смелости не хватало. Наконец-то, в начале первого, Женечка услышала смех мамы. Она досчитала до ста и пошла на голос.

— Отец, послушай... — шла десятая минута разговора, Женечка терпеливо пыталась убедить отца просто выслушать её версию, но Борис был неумолим.

— Хватит, Евгения! Разговор окончен. Больше на эту тему мы говорить не будем. Решение принято и менять его никто не собирается, — рявкнул Борис Васильевич.

Было очень страшно. Енька никогда раньше не видела отца в таком состоянии, но донести до родителей всю правду было необходимо:

— Пап, я прошу, только выслушай, только выслушай и я...

— Хватит! Что тебе не понятно в словосочетании «разговор окончен»? Хватит! Будет так, как Я скажу, и мое решение уже ничто не изменит, тем более твой детский лепет! Марш в свою комнату, готовься к сессии и не показывайся сегодня мне на глаза, а еще лучше, не показывайся мне на глаза до свадьбы! — орал Борис Васильевич, его по-мужски красивое лицо покраснело и исказилось гримасой злости. Большие голубые глаза, казалось, вылезли из орбит и налились кровью. Он был похож на разъяренного быка, и с каждым произнесенным словом все больше казалось, что орет он из-за того, что боится узнать что-то важное, что укажет на его ошибки. А Малиновский-старший не мог ошибиться априори!

Решение отца придавило Женечку словно бетонная плита. Она сидела, не в силах пошевелиться, в уголках глаз собирались слезы. Видимо, отец тоже понял, что перегнул палку, но не сумев остановить свою ярость, просто вылетел из гостиной, громко хлопнув дверью.

— Ну что, добилась своего? Вывела отца? Я еще вчера тебе сказала, чтоб ты выкинула всю блажь из головы и перестала позорить имя Малиновских, — подлила масла в огонь мать.

— Это Андрон Лутак позорит имя Малиновских, а не я. А вы ему потакаете. Ты еще скажи, что не слышала, как он меня оскорблял вчера! — попытался донести хотя бы до мамы то, что собирался сказать отцу.

— Не оскорблял, а подначивал. Сама виновата! Нечего было ноги раздвигать. И раз мозгов не хватило сделать все по-тихому, теперь будет так, как сказали. Да и плюсы от этого брака огромные. Объединение бизнесов выводит семьи на новый уровень. Если же ты выкинешь какую-нибудь глупость, будешь жить только на то, что сама сможешь заработать, — при этом она небрежно бросила на стол папку, — Прочитай на досуге и подпиши. Советую не затягивать.

Как говорила Римма Власовна: «Человек верит только в то, во что хочет верить и переубедить его очень сложно, а порой — невозможно». Верить Женечке не хотел никто.

Снова было больно в груди, снова тряслись руки, а холод разливался по позвоночнику, снова был ком в горле, и хотелось плакать. Уже ничего нового. Поэтому Евгения развернулась и пошла в свою комнату. Там она плюхнулась на кровать, уткнулась лицом в подушку, и позорно разревелась. Истерика не отпускала долго. Все девятнадцать лет своей жизни она верила в то, что мама любит ее, несмотря ни на что. Оказалось, показалось.

Бизнес дороже.

Она была не готова к сложившейся ситуации ни морально, ни во всех остальных смыслах. Без денег, без образования, без прав, без советов и поддержки близких людей. Зато с обязанностью. Хотелось выть, говорить гадости, драться, крушить все вокруг. Но выть и крушить было нельзя, чтобы не отправили в психушку. Тогда-то точно у предков и жениха будут развязаны руки. А говорить гадости она могла и мысленно, только это все равно это не помогало изменить ситуацию.

Она ненавидела сейчас всех. Родителей за предательство, Андрона за его отношение к людям вообще и Женечке в частности, его родителей за их молчаливое одобрение поступков сына и ее предков, Диму Иванова за то, что притащил с собой Дрона, Витька Артемьева за то, что он организовал этот шалман и не побеспокоился о безопасности девчонок. Она даже одноклассников своих ненавидела за то, что они не видели, как Женечка удирала. Она ненавидела и понимала, что никто из них не виноват. Ну, может, кроме родителей и Андрона. Их не получалось оправдать никак.

Ближе к обеду Женечка собралась и незаметно выскользнула из дома. Оставаться там, и общаться с родителями было выше её сил. Весь день она гуляла по городу, замерзла, устала, проголодалась. Но монотонное перебирание ногами успокаивало и упорядочивало поток мыслей, а усталость приглушала бурлящую ненависть, обиду и огонь переживаний.

Решение уйти из дома формировалось постепенно, можно даже сказать рождалось в муках. Но благодаря этому, оно не казалось взбалмошным, наоборот, в течение дня были взвешены многие «за» и «против». По всему выходило, что это единственный шанс оставить за собой право жить своей жизнью, а не существовать как марионетка.

Только поздним вечером Женечка направилась домой. Настроение лучше не стало, но истерика прошла. Теперь у неё была цель и желание её достичь.

Идея побега из дома захватила Еньку полностью. Мысль о том, что могут быть другие варианты решения проблемы, выветрилась из головы, как бесперспективная. Отъезд она планировала на июнь, сразу после сдачи сессии в институте. Оставаться без образования девушка не собиралась. Поэтому вариант с границей отпал. Оставались только бескрайние просторы Родины. С этим и предстояло разобраться в ближайшее время. Но, на всякий случай, чтобы больше не оказаться в безвыходной ситуации, Женечка сложила в рюкзак, кроме тетрадей с лекциями и зачетки, студенческий и паспорт. Потом, обратила внимание на отделение для ноутбука и решила, что там прекрасно разместятся все её документы. При подробном изучении содержимого зелёной папки, обнаружилось много интересного. Например, документы на квартиру, которую, оказывается, ей оставила в наследство бабуля. Это было приятной неожиданностью. Женечка всегда считала, что наследство досталось маме и только после того, как выйдет замуж, квартира перейдет ей. Новые обстоятельства очень обрадовали. Осталось только найти ключи.

В понедельник Женечка проснулась раньше, чем обычно. На часах было пять пятнадцать, она сходила в душ, прибралась в комнате, собралась, позавтракала и пробралась в кабинет отца. Енька знала, что только в этот час есть возможность пробраться в святая святых. Ключи нашлись быстро, в верхнем ящике комода. Девушка, не раздумывая, схватила их и выскользнула из комнаты. В шесть сорок пять она уже выходила из дома. Родители еще спали.

В универ она отправилась пешком. До начала занятий было больше часа. Пешие прогулки Женечке нравились всегда, но теперь они стали лекарством для её нервной системы — размеренный ритм шагов успокаивал и расслаблял. А еще позволял сосредоточиться. Жалость к себе любимой она почти «выходила» накануне, после неудавшегося разговора с родителями. Страдать она себе запретила тогда же. Ответ на вопрос «Кто виноват?» тоже был найден вчера. Теперь пришел черед вопроса «Что делать?».

Основной план родился еще вечером, сейчас же он обрастал подробностями, деталями и новыми вопросами, без которых решение проблемы будет невозможным или сильно затруднительным. Самое главное было решить — куда уезжать. Связи даже у мамы были неплохие, а уж у отца... А уехать и спрятаться надо было так, чтобы её не могли обнаружить до тех пор, пока она не закончит универ и не устроится на работу. Женечка понимала, что даже после этого родители не перестанут на давить. Но, имея надежный тыл в виде хорошей работы, можно будет держать оборону. А там может и семьей повезет обзавестись. Настоящей, любящей, не договорной.

С такими мыслями Женечка вошла в аудиторию, где уже собралась почти вся группа.

— По-здра-вля-ем! По-здра-вля-ем! По-здра-вля-ем! — восторженные вопли и аплодисменты выдернули Евгению в реальный мир.

— Енька! Поздравляем с помолвкой! — искренне вопили одноклассники. Парни похлопывали по спине, девушки завистливо стреляли глазками.

— Спасибо, — растерянно пролепетала Женечка, — А откуда вы знаете?

— Димка сказал, — гордо заявил Олег Иванов.

А говорят, что мужики не сплетничают, ага, как же. Теперь понятно, откуда ветер

может дуть. Остается надеяться, что Димка больше ничего не знает, или ему хватит ума не рассказывать подробности. Женька поморщилась. Еще один сюрприз, и снова неприятный.

— Покажи кольцо, — кто-то дернул Женечку за рукав.

— Я его не надела, — еще больше смутившись, ответила Енька. И, то ли с удивлением, то ли с радостью, вспомнила, что кольца-то не было, а значит помолвка не настоящая, по крайней мере, для неё, для Евгении.

— Что, потерять боишься? — с издевкой спросила Кира Блумина. Женечка промолчала, сделала вид, что не услышала, — Или такое маленькое и страшненькое колечко жених тебе преподнес, что надеть стыдно? — не унималась Блумина.

Женечка даже растерялась, она никак не ожидала такой злости от Киры. Они, конечно подругами не были, но и не враждовали никогда, поэтому сейчас девушка стояла, молча офигевая от удивления.

— Ну, а что удивляться, какая невеста, такое и кольцо, — продолжала свою злобную философию Кира, — Я бы вообще тебе пластмассовое подарила. Нет, тебе бы, — она выделила голосом последнее слово, — вообще не подарила.

Все, кто стояли рядом, тоже пребывали в шоке от такой немотивированной агрессии. От хохотушки и заводилы Кирочки никто не ожидал такого выпада.

— Кир, ты чего к Женечке цепляешься? Чем она тебя обидела? — выдал, наконец-то выйдя из оцепенения, Олег Иванов. Кира только фыркнула и ушла в другой конец аудитории.

После пары Енька зашла в раздевалку за своими вещами. Была поздняя весна, но выдалась она холодной. Кое-кто, как и Женька, еще носил плащи и куртки. За одной из вешалок с одеждой Енька услышала одногруппников.

— Какого ты цепляешься к Малиновской? — окликнул Киру Блумину Иванов.

— Она увела у меня парня!

— Серьезно? И кто он? — удивился Иванов, а Еньке стало смешно.

— Не придуривайся, тебе не идет. Я говорю об Андроне, — начала заводиться Кира.

— А можно с этого места поподробней? — все еще не веря словам Киры, прикалывался Олег. А вот в душу Еньки посетили очередные нерадостные предчувствия, она даже задержала дыхание, боясь выдать свое присутствие.

— Мы с Андроном решили встречаться, когда были на днюхе у Витька. Он весь вечер от меня не отходил...

— Кира, да он же был пьян, как фортепьян. О каких серьезных отношениях ты говоришь? — перебил Иванов, захлебываясь непонятными даже себе эмоциями.

— Ты не понимаешь! Он мне все рассказал, его предали, поэтому он выпил! Его предала девушка, которую он любил. Эта гадина еще и слила какую-то важную информацию конкурентам, и Андрон потерял важный контракт! Он не был пьян! Он был сильно расстроен! А мне он поверил, он знает, что я его не предаю, я его люблю...

— И вы переспали, — буквально офигев от такой новости, перебил Олежка.

— Откуда ты знаешь? — ошалело выпалила Кира.

«Все-таки приврал Лутак, нет никаких свидетелей Ивановых. Вот скотина!» — мелькнула мысль у Еньки.

— Догадался. Короче, я все понял... — проговорил Иванов, выходя из-за вешалки, но замолчал на полуслове, увидев Малиновскую.

— Ты что замолчал-то? Договаривай... — с вызовом отчаявшегося цыпленка потребовала Блумина, картина повторилась, но уже с участием Киры.

Только выражение лиц у них было слишком разное. Олег излучал сочувствие и сожаление, что Женечке пришлось услышать неприятную для новоиспеченной невесты информацию. А вот Кира готова была кинуться с кулаками на соперницу.

Саму же Еньку уже душила обида. Ну как можно было перепутать её, Женьку, с Кирой. Кира субтильная, невысокая, коротко стриженная блондинка с большими голубыми глазами. Куколка и милашка, как называли её все друзья и знакомые. А Енька длинноволосая шатенка с темно-серыми глазами, ростом чуть выше среднего и спортивной фигурой.

Единственное, что в тот день их могло сделать похожими — это толстовки. Кира приехала на дачу в черной толстовке с аппликацией котейки из стразов на груди, с капюшоном и кошачьими ушками на нем, а Женечка была в черной толстовке с принтом MUSE. Ну и джинсы. В них ходят все. Нормальному человеку и в голову не могло прийти, что этих двоих можно перепутать даже по-пьяни. Но, оказывается, можно.

— Да забирай себе этого Андрона, я буду только рада... — сорвалось у Еньки с языка.

— Хочешь сказать, что ты его не любишь и не будешь за него бороться? — меняясь в лице, недоверчиво уточнила блондинка. Её наивность граничит с инфантильностью.

— Хочу сказать, что и он меня не любит, а этот брак — коммерческая сделка, в которой я не заинтересована, — припечатала Енька, развернулась на каблуках и пошла к выходу, потом, сообразив, что сморозила, обернулась и сказала, — Надеюсь, у вас двоих хватит ума не болтать на эту тему.

Обида душила новой волной: «Ему настолько безразличны девушки, что он даже не запоминает их! Как можно с таким человеком строить семью? Бред какой-то!»

Неделя ничем особенным не отличалась. Студенческие будни омрачала только подготовка к сессии. Ажиотаж по поводу замужества Малиновского прошел, умы студентов занимали только зачеты, рефераты и курсовые. Кира больше к Еньке не подходила. Они вообще игнорировали друг друга. Так было проще. Зато, как-то к девушке подошел Олег:

— Женечка, ты почему мероприятия прогуливаешь?

— Ты о чем? — не поняла Малиновская.

— Ну как же? День рождения Димы... — смутился такой реакции Иванов, — в прошлую субботу... Были все друзья Димки со своими парами... а Дрон один пришел... сказал, что ты приболела... — Олежа выдавал информацию с большими паузами. Может, надеялся, что Женечка вспомнит и сама продолжит? Вспоминать Малиновской было нечего, она просто не знала о мероприятии. Этот спектакль начинал смешить, но она решила подыграть:

— А, да, точно, живот прихватило, ага. Ты извинись там за меня перед Димой. Надеюсь, было весело?

— А разве Лутак ничего не рассказывал? — задал очередной глупый вопрос Олежа.

— А, нет. Мы еще не виделись после вашего праздника. У Андрона дела, у меня сессия. Наверное, только в выходные сможем увидеться, — Енька не могла понять, прикалывается Олег или просто не поверил, что брак планируется договорной. В любом случае, было очень неприятно. Толи выглядеть жалкой дуррой, толи делать окружающих дураками, а скорее всего, все вместе, не хотелось совсем.

— Да? А Лутак говорил, что вы с ним каждый день видите, что ты почти все вещи к нему перевезла, — проговорил недобитый следователь, он все-таки решил выяснить, кто врет — Женечка или Дрон, но Малиновская не собиралась облегчать ему задачу.

— Ну, про переезд он пошутил. Последнее время он часто выдает желаемое за действительное. Ты же знаешь, мои родители такого не позволяют, — отбилась Енька и нацепила дежурную улыбку, — Ладно, Олежа, мне пора, мама совсем замучила подготовкой к свадьбе. Пока-пока! Привет Диме!

Енька боялась проболтаться, да и действительно спешила. У неё была назначена встреча. Всю неделю после занятий девушка пыталась найти опытного риэлтора, чтобы поскорей разобраться с наследством бабули и, наконец-то, ей повезло. Молодой мужчина оказался классным специалистом, отзывы в интернете не ввали. Его услуги стоили прилично, но в пределах разумного. Сроки, которые он назвал, Еньку тоже устраивали. Риэлтор даже взялся помочь с продажей библиотеки, коллекции чайников и мебели, что остались от бабули.

Женечка брела по весенним улицам, ветер и солнце высушили все лужи и теперь играли прошлогодней листвой и пылью. Маленькие смерчки появлялись то тут, то там, раскидывая мусор и дразня дворников. Была очередная суббота, значит родители дома, значит надо подольше погулять.

После того жуткого разговора Енька виделась с мамой пару раз. Они сталкивались на кухне, когда девушка уже убегала, а мама шла готовить завтрак отцу. Они только здоровались, и лишь однажды Римма поинтересовалась, когда Женечка вернет подписанный брачный контракт. Девчонка буркнула что скоро, и убежала. С отцом они не пересекались вообще. Енька откровенно его избегала. Родителей же, похоже, все устраивало.

От назойливых мыслей девушку отвлек звонок мобильного. Звонили Малиновские-старшие, напомнили, что на вечер запланирован визит к Лутакам. Женечка не стала притворяться, что ей жаль пропускать вечеринку, просто соврала, что еще в институте, вернется не скоро, и даже не просила извиниться за свое отсутствие. На это Борис Васильевич заявил, что Евгения своим поведением позорит фамилию, добавил в адрес дочери еще несколько красочных выражений, позаимствованных из Большого Загиба Петра Великого, и резко отключился. Эмоциональный порыв Еньки был настолько сильным, что она, ни на секунду не задумавшись, рванула в сторону стоянки такси:

— В районный ЗАГС, пожалуйста...

Тишина и холодность официального учреждения не способствовали спокойствию Женечки, она разнервничалась и еще сильнее себя накрутила. Обида разрослась до вселенского масштаба, перекрыв своими объемами способность мыслить, а посему, в эту минуту никто не смог бы отговорить девчонку от задуманного. Она нашла бланк и написала заявление о смене фамилии. Немного подумала, смяла исписанный лист, схватила новый и заодно внесла изменения в графы «имя» и «отчество». Просто так, на всякий случай, чтобы уже ничем не позорить и не компрометировать Бориса Васильевича Малиновского и его родственников. С выбором новой фамилии она заморачиваться не стала — списала с образца, висевшего на стенде. Отчество она списала оттуда же, а вот имя придумала сама. Производное от Евгения. Евгения — Ева. Через два месяца Евгении Малиновской предстояло стать Евой Александровной Шаниной.

Настроение улучшилось. Уже сейчас девушка чувствовала себя другим человеком. Она была новой и чистой, не запятнанной презрением и ненавистью теперь уже чужих для нее людей. Теперь можно было идти домой и собирать вещи, до счастливого освобождения оставалось совсем чуть-чуть.

В родительский дом Женечка вернулась на подъеме.

— Евгения Борисовна, Ваши родители уехали всего десять минут назад. Если желаете, я вызову для такси, платье висит в комнате. Вы еще успеете на встречу, — отрапортовал дворецкий.

— Спасибо, но сегодня я останусь дома. Устала, — ответила Енька, а про себя раздраженно подумала: «Чтоб ты так в чужие дела лез, когда меня Лутак позорил. Смелый, только когда отца рядом нет».

Енька поднялась к себе в комнату, включила лэптоп и занялась поиском подходящего

университета. Как ни крути, а доучиться надо. Ей повезло, специалистов её профиля готовили во многих вузах. Девушка выбрала наиболее престижные и начала активную переписку, в какой возьмут переводом на бюджет, сколько предметов досдавать, есть ли общага и прочие организационные вопросы, которые надо было решить до отъезда.

***

В начале июля все, что можно было продать, было продано, деньги в виде векселя на предъявителя были у Еньки на руках. Квартиру, по договору, она должна освободить только через полтора месяца. Девушка об этом не просила, но риэлтор настоял на этом пункте договора, со словами: «Мало ли что». Потом подумал и добавил: «Выписаться не забудь». Документы на квартиру бабули мужчина видел, не раз держал в руках, читал и прекрасно знал, что в квартире никто не зарегистрирован. Это было самым большим намеком на то, что чужой человек догадался, что у Еньки проблемы и не просто выполняет работу, но и помогает в силу своих возможностей. Женечка благодарно улыбнулась. Больше никаких намеков со стороны молодого мужчины не было.

Чуть раньше, в середине июня, девушка получила свидетельство о перемене фамилии и сразу отнесла заявление на замену паспорта. Еще через месяц на руках был новенький, пахнувший типографской краской, документ. Дальше — открытие счета в банке, получение карты. И непредвиденные проблемы, из-за которых последние дни перед отъездом оказались очень насыщенными.

***

Андрон появился поздним вечером, когда родителей Женечки не было дома. Женька встала, чтобы встретить незваного гостя. Но тут, же застыла немым изваянием. Парень снова был пьян в лоскуты. Дрон, не проронив ни слова, шатаясь, подошел к девушке и со всей дури прижал её грудью к ближайшей стене. Силу, как и любой пьяный, он явно не смог рассчитать. Женечка попыталась оттолкнуть этого медведя:

— Дежавю, блин! Дебил, ты что творишь? Руки убери, с-с-скотина... — почти хрипела Енька. Удар об стену выбил весь воздух из легких, а Дрон навалился всей своей пьяной тушей. Обе кисти девушки были перехвачены правой рукой насильника и закинута над головой. Второй рукой он шарил по телу девушки, как будто что-то разыскивал.

— Дрянь, урод, прекрати... Убери руки, скотина! Я тебе этого никогда не прощу! Ты сядешь, гад, за изнасилование, — хрипела девушка и пыталась выкрутиться из жесткого захвата.

Андрон молча сопел и продолжал свое дело. Казалось, что он настолько туго соображает, что не в состоянии сконцентрироваться на двух вещах одновременно. Малиновская поняла, что Дрон её просто не слышит и, если она не позовет на помощь, то проиграет. Плевать на репутацию. Енька заорала:

— Спасите, насилуют! Помогите, полиция! А-а-а-а! — она орала на грани своих возможностей, прямо в ухо Лутаку, но и это не останавливало насильника.

Женечка уже лишилась половины своей одежды: футболка была разорвана, домашние штаны болтались в районе колен. Девушка изо всех сил брыкалась, старалась оттолкнуть Дрона и продолжала орать во весь голос, в надежде, что хоть кто-нибудь из обслуги придет на помощь. Помощи не было, времени тоже. Енька вывернулась, насколько смогла и, в отчаянии, вцепилась Дрону зубами в плечо, во рту тут же появился привкус крови. Лутак рыкнул и ударил девушку наотмашь по лицу. Сознание девчонки поплыло. Мужчина подтолкнул девушку в сторону дивана, Енька упала на пол. Дрон молча схватил девушку за

волосы и попытался дотащить до горизонтальной поверхности. Не получалось, толи но сил не хватало, толи схватился неудачно. Ноги заплетались, сила притяжения увеличилась кратно количеству принятого на грудь и не давала возможности свободно перемещаться. Тогда он выкрутил девушке руки, перевернул на живот и прямо на полу гостиной овладел ей.

Сознание вернулось, когда пьяное тело еще елозило на Женечке, причиняя невероятную душевную и физическую боль. Потом Лутак выплеснулся и захрапел. Когда Енька смогла выбраться из-под спящей туши, первым делом она направилась в ванную. Почти весь путь пришлось преодолеть на четвереньках, встать на ноги не представлялось возможным. Болело все, даже корни волос.

В зеркале отразился весь ужас «акта любви». Тело было в синяках, даже на шее остались следы от пятерни, по ногам стекала кровь. Сил плакать не было. Она только скулила и тихо подвывала во время движений, приносящих особенно сильную и резкую боль. До неё дошло, что если на её крики не откликнулась прислуга, то на это была причина. Единственной причиной мог стать страх перед отцом. Видимо, лезть в их с Дроном отношения, было запрещено всем. Хотя, вряд ли отец предполагал изнасилование, но запрет был жестким. Сначала в груди появилась обжигающая боль: «Почему?», а следом накрыли пустота и безразличие. Было не до размышлений.

Она выпила обезболивающее, четыре таблетки сразу. Больше не стала — испугалась отравления, хотя соблазн из-за резкой боли был громадный. Посидела полчасика на полу в ванной, дождалась, когда боль начнет затихать. Вымылась. Доковыляла до своей комнаты, надела черные штаны бойфренд, первую попавшуюся водолазку и темно-серую толстовку с капюшоном, не важно, что не по погоде, зато можно спрятать лицо и синяки. Собрала волосы в низкий хвост. Вызвала такси. Пока машина ехала, покидала в спортивную сумку самое необходимое, брать что-то еще не было сил, да и время, оставшееся до приезда машины, поджимало. Туда же сунула рюкзак. Возвращаться в этот дом Евгения больше не собиралась, здесь было все чужое, злое, даже стены и воздух.

Сейчас, чтобы защититься, необходимо спрятать себя от всего мира. И она окуклилась, закрылась щитами ото всех. Ощущение, что каждое живое существо, каждый предмет несет потенциальную угрозу и при удобном случае активизируется, стало единственным, которое связывало с миром. Надо защищаться! Все остальные чувства были либо мертвы, либо находились в коме. А еще внутри жила обида, и она жалила, жалила, жалила, разливая яд апатии, безразличия и неверия. Диагноз — обширный некроз души. И с каждым отмершим участком связь внутреннего и внешнего миров становилась все меньше. Она только помнила, что надо жить, а вот зачем — нет.

Квартира бабули встретила пустотой. Только кресло-кровать и чемодан, который девушка купила недавно на распродаже, и с которым собиралась уезжать. Женечка вызвала неотложку, оставила дверь открытой, приготовила крупную купюру за молчание и улеглась животом вниз на кресло.

Совсем молоденький фельдшер, наверное, сразу после училища, вошел в квартиру наигранно бодрым шагом. Он был почему-то один, без напарника. Нервозность и дерганость выдавала страх парня, а взгляд с вызовом выглядел немного нелепо на его лице. Но Женке было все равно. Когда же медик увидел раны девушки, сначала впал в ступор, потом его накрыла паника. Единственное, о чем он сумел сразу вспомнить, то, что о таких случаях он обязан сообщать в полицию. Женька взмолилась:

— Не надо. Пожалуйста, не звоните в полицию, — просила она громким шепотом,

говорить было трудно из-за сорванного голоса и мучавшей боли, — все равно никого не найдут, я даже не рассмотрела его, ну, в смысле, насильника, он сзади напал, по голове ударил, а когда я очнулась, уже никого не было. А если родители узнают, то мне конец, — Женька говорила это так убедительно, с таким ужасом в глазах, что фельдшер поверил. И ведь почти не соврала.

— Ладно, собирайся, в больницу поедem... — дрожащим голосом вынес вердикт юный эскулап.

— Нет, нельзя в больницу, — в шоке зашипела девушка, — Отец тогда точно узнает. Он прибьет меня.

— У тебя такие гематомы по всему телу, а если внутреннее кровотечение есть? Да и там, — кивнул головой на самое пострадавшее место, — тебя зашивать надо, — уже начал злиться медик.

— Пожалуйста... — прошептала Женька, и посмотрела со всей преданностью и доверием в глаза фельдшеру, — Никто не должен узнать, я заплачу.

— Я не умею сам. Я еще ни разу сам не зашивал такие серьезные раны! А если не получится? А если осложнения пойдут? — похоже, оба были на одном градусе ужаса и паники, правда, вызванными разными событиями. Кто-то должен был взять себя и ситуацию в руки.

— У тебя получится, я знаю, — прошипела Женька. Эта слепая вера напополам с отчаянием заставила фельдшера снова попробовать мыслить профессионально.

— Ладно, давай попробуем, только сейчас я вернусь на базу. Закрою смену. На сегодня это мой последний вызов. Возьму шовный материал и все остальное. Минут через двадцать — тридцать вернусь. Сейчас только осмотрю, обезболю и вколю антибиотики. Согласна? И да, меня Паша зовут.

— Ага, я Женя, можно Еня. Паш, а ты не мог бы мне еще справку для института написать и диагноз какой-нибудь безобидный там? А то мало ли? А еще, поесть купи, а?.. Деньги и ключи на подоконнике. Я вставать не буду, все болит...

Как и обещал, через сорок минут или чуть меньше, загруженный сумками, вернулся Павел. Медик уже не дрожал и выглядел намного спокойней и уверенней:

— В общем, я оформил ложный вызов, а еще отцу позвонил, он хирург. Жаль живет в соседнем городе. Батя, правда, ругался сильно, сказал, что ты идиотка, а я идиотице, и что на такое способна только безответственная молодость, — хохотнул парень, — но проконсультировал. Если ты не возражаешь, я буду в процессе операции с ним разговаривать, а еще фото и видео надо будет отправить, мне так спокойней будет, — смутился эскулап.

— Делай, что считаешь нужным. Только в ютуб не выкладывай, — попыталась пошутить девушка, — Звони с моего, у меня безлимитка.

Еще через пятнадцать минут приготовлений, парень приступил к операции. Его отец оказался весьма острым на язык. Доктору и пациентке досталось по полной. В отличие от сына, в историю Женьки он не поверил, попытался раскрутить ее. Но девушка держалась, как партизан на допросе. Под руководством Пашкиного отца процедура заняла не так много времени, как думала пострадавшая, а после Павел еще и успокоительное сделал.

Когда Женька проснулась, у противоположной стены стояла раскладушка, а из кухни доносились ароматы съестного.

— О, уже проснулась, я думал, проспичь до ужина. Как себя чувствуешь? — Пашка был

в настроении, видимо победа над собственным страхом и удачные оперативные манипуляции его вдохновили.

— Привет. Вроде нормально, не поняла еще. А сколько времени?

— Почти час. Я тут раскладушку притащил, несколько дней у тебя поживу. За тобой уход нужен, — тоном, не принимающим возражений, заявил эскулап.

Как ни странно, такое наглое вторжение даже обрадовало Малиновскую. Женька боялась себе признаться, что ей страшно оставаться одной, а тут такая удача:

— Я только «за», — улыбнулась она. Только я через две недели должна буду уехать.

— Вот и отлично. За две недели ты уже полностью выздоровеешь. А сейчас бульончику попьешь. Наверное, голодная? Извини, но тебе сейчас лучше только бульон выпить.

— Еще ночью ты не был так уверен в моем выздоровлении, — улыбнулась девушка.

— Я боялся шить тебя. Но все получилось просто отлично. Я молоток!

Пашка опекал свою пациентку больше недели, а потом каждый день забегал с инспекцией. За это время они сдружились ровно настолько, насколько это бывает у пациента и хорошего доктора. Женька Пашку почти боготворила, а Павел гордился своей работой и девушкой.

Оказалось, что Пашка — студент третьего курса мединститута, на скорой подрабатывает уже полгода. А к Женьке приехал без доктора, по дури, на спор. В результате такой аферы он мог сильно попасть, но высшие силы его берегли, и все сложилось так, как сложилось. Енька — первый самостоятельный пациент парня. Лечение курировал только отец, да и то дистанционно, чем Пашка жутко гордился.

В общем, жизнь Евгении распорядилась так, что родные люди стали чужими, а чужие помогали, как могли.

Поезд в новую жизнь отправился в воскресенье, в 14:22, с провонявшего пивом и потом третьего пути второй платформы. Девушка забралась на застеленную полку и устроилась в окно. Ноги гудели. В субботу и воскресенье с утра пришлось пробежаться по банкоматам, чтобы снять деньги с карточки Евгении Малиновской — банкоматы выдавали их ограниченными суммами, а для того, чтобы снять наличку через кассу, пришлось бы ждать понедельника и предъявлять документы. Это Женечку не устраивало совсем.

Потом, все так же, через банкоматы, пополнила счета Евы Шаниной и, только после этого, зашла в квартиру, которая была её убежищем последние несколько недель. Оттуда забрала чемодан, вызвала такси и отправилась на вокзал. Она так спешила убраться из этого города, что на квартире не стала даже чай пить, хотя была голодна. Телефон без сим-карты, с удаленными контактами, но вместе с зарядкой и запиской «На счастье!», остался на столике в кафе, куда Женечка зашла перекусить за час до отправления поезда.

Теперь, она могла расслабиться. Стук колес, то ускоряясь, то замедляясь, сначала перебивал мысли Евгении, но потом они вошли в резонанс и уже существовали в одном ритме. В её голове мелькали события последних четырех месяцев. Девушка проводила ревизию всех событий, оценивала их и пыталась сделать выводы и разобраться, не ошиблась ли она, сбежав от семьи.

Во-первых, сдала сессию, забрала документы из института под предлогом того, что выходит замуж. В деканате покрутили у виска, но документы отдали. Во-вторых, нашла ВУЗ, в который готовы принять на бюджет и досдать нужно будет всего пять предметов, зато универ престижней. И общежитие у них есть. В-третьих, решила все финансовые вопросы, в том числе написала для отца отказ на право наследования его имущества. Выписалась из квартиры родителей. И все это провернула до получения нового паспорта.

Все сделала правильно. Остаться чьей-то куклой не хотелось. Пренебрежение девушкой достигло критической точки. Для этих людей она стала лишь средством достижения целей. А уж после изнасилования Андроном, ей не то, что жить рядом с ними, оставаться на одной планете расхотелось.

Енька вспомнила вечер субботы 27 июля. «Это же надо, все судьбоносные события происходят со мной по субботам, — с горечью подумала девушка, — хорошо, что мама позвонила только на третьи сутки...»

До этого родители считали, что Енька «зависает» с Андроном и, по их словам, не хотели мешать. «А что, дело молодое, перед свадьбой полезное», — сказала мама. Как выяснилось из дальнейшего разговора, идея визита принадлежала Борису Малиновскому. Это была так называемая попытка сближения будущих супругов. Девушка заметила родителю, что никакого сближения не получилось, правда, детали уточнять не стала, так как рассказывать о случившемся она не планировала. Все равно не пожалеют, а то еще и виноватой сделают. Римма Малиновская почему-то решила, что Енька считает себя обделенной вниманием, и кинулась защищать жениха: «Ты неблагодарная, дочь! Мальчик старается на благо семьи, трудится, не покладая рук, чтобы обеспечить тебе достойную жизнь. Твой будущий супруг заработался, не смог вырваться, у него столько дел! А ты капризничаешь! Воспитанные девушки в твоём возрасте знают, чем себя занять, пока муж

зарабатывает». Девушка почти не слушала эту отповедь, было противно, особенно про «достойную жизнь». Только угукала, наверное, даже, невпопад. А потом напонила маме, что её, Евгению, забыли предупредить о визите жениха, поэтому она никого не ждала и, соответственно, ни на кого не обижается. «...А в квартире бабули я решила пожить временно, пока отрабатываю практику. Отсюда добираться ближе... Нет, помощь не нужна, и деньги тоже, да-да, попрошу Дрончика обо всем позаботится... Тоже целую, ага, тоже привет... Позвоню, когда будет время. Нет, ты сама не звони, можешь помешать...» — заливала красочным словоблудием Енька. Мама поверила.

Тогда, после разговора, Еня положила трубку и разревелась. Это была самая настоящая истерика, плакала она долго и с наслаждением, а потом просто вырубилась без сил. Разбудил её звонок мобильного. На этот раз звонила Лилия Валерьяновна, мама Андрона. Она оказалась не настолько легковёрной и не поверила в то, что молодые не встречались. Да и охрипший после слез голос Ени её насторожил. Лилия настойчиво предлагала встретиться и поговорить. Повод она придумала самый веский на данный момент — уточнить детали свадьбы. Но Енька ссылалась на простуду, неважное самочувствие и необходимость рано вставать из-за практики. Выкрутиться удалось и встречу перенесли на «потом». Лилия Валериановна звонила ещё несколько раз, но Енька каждый раз находила причину, чтобы отложить встречу. И подлила еля, сказав, что надеется, что всю организацию свадебной церемонии обе родительницы возьмут на себя, так как у них больше опыта. И вообще, Женечка хочет, что бы свадьба была для неё сюрпризом. Енька за всю свою предыдущую жизнь меньше врала, чем за последние две недели.

Лилия Лутак была единственным человеком, к которому Енька сохранила уважение и, с кем при других обстоятельствах, с удовольствием бы подружилась. Казалось, на тот момент Лилия Валериановна была, чуть ли ни единственной из тех, кто не потерял разум, и единственной, кто пытался понять девушку и помочь ей. Она многое видела, кое о чем догадывалась, искренне жалела Еньку и сочувствовала ей, но реальной помощи предложить не могла — они были ещё чужими.

Жалеть себя девушка позволить не могла, так как знала, что раскиснет и не сможет ничего сделать, пустит все на самотек, а потом будет жалеть всю жизнь об упущенной возможности.

***

Она смотрела в окно на убегающие пейзажи. Вот так и жизнь, как эти картинки за окном — сейчас есть, а через пару секунд они уже в прошлом. Так же быстро и неуловимо... Ева думала о том, сколько же времени ей понадобится, чтобы забыть это странное и страшное прошлое. Мрачные и не очень воспоминания долго терзали мысли девушки. Но постепенно, соразмерно пройденным километрам, уходило нервное напряжение, и она начала физически ощущать, как рвется связь со старой жизнью.

На леса и поля, пробегающие за окном, навалились сумерки, в купе зажегся свет. Девушка этого не заметила, только отметила чьи-то немигающие пустые глаза напротив. Стало жутко, она знала, что в купе, кроме неё никого нет. Ева огляделась, взгляд снова мелькнул в районе окна. Её же собственное отражение испуганно смотрело на девушку. Ева развеселилась — с таким выражением лица она распугает всех на новом месте. Оставшийся вечер она сначала корчила себе рожицы, потом репетировала удобоваримые выражения, потом снова начала кривляться.

Утро встретило Еву ближе к обеду, хорошим настроением и вполне однозначными

руладами желудка. Все-таки в поездах спится отлично, почти как в детской колыбели. Да еще и «рожетерапия» отлично расслабила. Девушка быстро умылась и отправилась в вагон-ресторан. Свободных мест почти не было, зато был шум, суета и приятные запахи. Желудок снова жалобно булькнул.

— Уважаемая, вы еще долго собираетесь гипнотизировать помещение? Оно больше от этого не станет. Проверено не единожды. Или вас свободные места чем-то не устраивают? — молоденький официант с полным подносом прожигал взглядом Еву и «сурово» сводил к переносице бровки — явно студент из педа на подработке.

— Думаю, устраивают. Просто я их не вижу, — улыбнулась Ева.

— Горе луковое, иди за мной, — подражая кому-то, вздохнул и направился к одному из столиков работник, — советую заказать комплексный обед, а то долго ждать придется.

— Тогда мне комплексный, — снова улыбнулась Ева, — а еще шоколадку и сок. Приятного аппетита, — это уже той компании, к которой её «подселили» на время обеда. — Надеюсь, не помешала?

— Нет, не успела. Спасибо, и тебе приятного... — продолжил высокий русоволосый парень, он улыбнулся и стал представлять своих друзей.

Но Ева почти его не слышала, только вежливо кивала. Всем вниманием девушки овладел молодой мужчина лет двадцати пяти — двадцати восьми. Взгляд его невероятно синих, как сапфиры, глаз, парализовал мозг. Видимо, такую картину все пятеро друзей наблюдали уже не впервые, но все еще не устали от этого. Молодые люди, в предвкушении веселья, притихли, правда, улыбки сдерживать не получалось.

— Может быть, ты все-таки скажешь, как тебя зовут? — бархатный голос синеглазого незнакомца донесся до девушки как сквозь толщу воды. Ева потрясла головой, избавляясь от наваждения. Дружный хохот пятерки заглушил общий гул вагона. Девушка рассмеялся тоже.

— Я Ева, приятно познакомиться, — улыбалась, порозовевшая от смущения девчонка.

— Не смущайся, девушка, — пробасил русоволосый, — на нашего Богдана все так реагируют. И реакция почти у всех одинаковая, ты еще быстро себя в руки взяла.

— Глаза необычные, я такие никогда не видела, — пробормотала слова оправдания Еня.

— Ага, он своими глазами наповал бьет и парней, и девушек. Мы его даже отпускать от себя боимся, вдруг украдут.

Енька бросила взгляд в сторону Богдана, тот, не смущаясь, рассматривал девушку, слегка опустив веки. Как минимум — оценивал, как максимум — пытался прочитать. Такой сам, кого хочешь, украдет. По всему видно, что альфа активно пользовался своей необычной внешностью без зазрения совести.

Принесли обед. Сказать, что народ застучал ложками, было бы сильным преувеличением, но и на манерную светскую беседу обед не был похож. Еву довольно дружелюбно приняли — осторожно подкалывали, смеялись над её шутками.

— Ты в каком вагоне едешь?

— В девятом, а вы?

— В двенадцатом. В купе студенты обычно не ездят.

— Меня родители решили побаловать — ехать долго, только завтра утром на месте буду, — откровенничать с незнакомцами не хотелось, а их настойчивое любопытство только провоцировало сильнее закрыться.

— Домой?

— Нет, на учебу. Просто мне еще практику отрабатывать, — воистину, волшебная вещь

эта практика — все, что угодно, на неё свалить можно.

— Скучно, небось, одной ехать? — поинтересовалась одна из девушек. Ева не услышала ни одного имени, пока глазела на голубоглазого, а теперь было неудобно переспрашивать.

— Я еще не успела заскучать, только недавно проснулась, но если пригласите к себе в гости, то не откажусь, — девушка не стала кокетничать, — вы далеко едете?

— Намного ближе, чем ты. Но до семи вечера мы совершенно свободны, — парни прикупили пива для себя и соков для своих половинок — ассортимент вагона-ресторана был скудным. Компания выдвинулась в плацкартный двенадцатый вагон.

Поезд прилично дернуло как раз в тот момент, когда Ева, сопровождаемая Богданом, единственным свободным парнем, шагнула в переход между вагонами. Девушку повело, и синеглазый обхватил её сзади за талию. Енька внезапно ощутила, что стало трудно дышать. Ладони вспотели, а пальцы заледенели, как на морозе, и начали мелко дрожать. Сердце стучало, как сумасшедшее, а к горлу подкатывала тошнота.

— Ева, с тобой все в порядке? Эй, зайка, тебе плохо? — Богдан затащил девушку в тамбур и пытался привести в чувство. Но чем больше парень старался, тем становилось хуже.

— У неё что, гаптофобия? — блеснула знаниями одна из девушек.

— Это что за дрянь?

— Боязнь чужих прикосновений...

— Ух, ё... Что ж теперь делать? Как её в норму привести? — запаниковал Богдан, — может, само пройдет?

— Ага, ты еще скажи, что её здесь оставить надо, — прошипела другая девушка. Красавчиком, похоже, восхищались не все.

— Я бы оставил, все равно прикоснуться к ней нельзя, а так посидит, сама успокоится. Знал бы, что она психичка, ни за что не позвал бы к нам в гости.

— Она не психичка, как ты выразился. И звал её не ты. Вали уже отсюда, герой-любовник драный, предупреди наших, что я с Евой задержусь и передай Шурику, чтобы он успокоительное принес. Пузырек у меня в косметичке, в синей сумке, — больше на Богдана девушка не отвлекалась, — Ева, смотри на меня. Молодец, а теперь давай дышать вместе...

Шурик принес валерьянку, Еву заставили глотнуть прямо из крышечки пузырька. Постепенно её отпускало, становилось легче.

— У меня никогда раньше такого не было, честно... — оправдывалась Ева.

— Не оправдывайся, это не заразно. Просто сходи к психологу. Тебе надо узнать из-за чего паническая атака случилась. Будем надеяться, что не из-за Богдана, а то придется его синие глаза за очками прятать, — девушка была очень зла на парня, — Хотя, и без этого его морду надо под маской прятать. Совсем совесть потерял. Ну что, стало легче? Пойдем теперь, а то ребята волнуются.

— Я пас, мне лучше сейчас полежать, поспать, — после эскапады Богдана перспектива общения больше не радовала. Свою порцию презрения Ева получила в прошлой жизни. Там же ее решила оставить.

— Идем, провожу тебя. Слышь, если у тебя гаптофобия, то тебе наоборот лучше в толпе быть — самый верный способ от неё избавиться.

— Не сегодня...

На ужин она не пошла, провожать ребят тоже. Ей не хотелось видеть свидетелей её слабости, да и друзьями они не стали. Так, мимолетные попутчики. Она снова смотрела в окно, теперь уже без единой мысли в голове. Казалось, что все мысли она уже передумала, и

они, замызганные, потертые и уставшие, сами прятались от Евы подальше. Мерный стук колес и легкое покачивание снова сморили девушку.

Проводник шепотом, почти по-домашнему, разбудил Еву и еще нескольких пассажиров за полчаса до прибытия. Остальные ехали дальше. Поезд подошел к платформе без опоздания. Было раннее утро, но спать не хотелось. Еньке казалось, что за тридцать семь часов пути она успела выспаться на неделю вперед.

Несмотря на лето на перроне было свежо. Она куталась в толстовку и мечтала о шапке и куртке. Девушка вошла в здание вокзала, покрутилась там, рассматривая его архитектуру и мрачных невыспавшихся пассажиров, в надежде составить приблизительный портрет среднестатистического жителя этого города. Попытка оказалась неудачной. То, что нарисовал его небольшой жизненный опыт и богатое воображение, представляло собой весьма грустную картину. Воображаемые жители оказались хмурыми, раздражительными и похабными. Мириться с этим образом Енька не хотела, а посему выкинула его из головы, и пошла искать остановку. Маршрутка стояла, гостеприимно раскрыв двери. Девушка забралась внутрь, отдала водителю деньги и устала в окно. В 6:00 полупустой микроавтобус отправился в путь.

Город просыпался. На улицах появлялись одинокие прохожие, и с каждой минутой их становилось все больше и больше. Магия города завораживала, вытравливая из головы первые страхи. А ощущение, что пассажиры маршрутки подсматривают самые интимные моменты жизни этого громадного существа, имя которому Город, зарождало внутри чувство собственной порочности и заставляло мириться с мелкими недостатками местных реалий.

Еве показалось, что пора выходить. Она попросила водителя остановиться, как выяснилось, чуть раньше, чем было нужно. Рядом с работающим кафе и решила позавтракать, время позволяло. Громадина университета уже виднелась вдалеке, а до начала рабочего дня было почти два часа. Можно не торопиться.

Ева расположилась в кресле на веранде. Солнце лениво потягивалось лучами между зданий и деревьев, и нежно ласкало кожу. Легкий ветерок шевелил листву, принуждая её шептать: «Хорошо, все будет хорошо...». Енька нежилась от удовольствия, пила горячий американо, заедала пахлавой, и думала, что если в этом городе все будет таким же благостным, как это утро, то она приняла самое верное в своей жизни решение и получила шанс на счастье.

***

Громыхая колесами чемодана, Ева приблизилась к дверям ректората. На её осторожный стук, дверь с мерзким скрипом отворилась. Часы в приемной показывали девять ноль-ноль. В помещении было пусто.

— Не стой на проходе, зайди внутрь. Мешаешь, а мне полы надо мыть, — отчитала Еньку пожилая тетка в синем халате, по-видимому, уборщица — Это ты новая секретарша? Тряпку сейчас принесу, пыль вытрешь, полы там я уже помыла, — выдала информацию специалист по чистоте и удалилась. Объяснения девушки её не интересовали, главное было избавиться от лишней работы.

От нечего делать, Ева повозила тряпкой по почти чистым поверхностям, потом вымыла чашки, потом полила цветы, после чего почистила и вымыла кофе-машину. Больше дел не осталось. Время было, начало одиннадцатого.

Первый обитатель этого помещения появился в тот момент, когда Ева расположилась в кресле за дверью, с чашкой кофе. Светлая шатенка, с приятными чертами лица и со следами от подушки на нем, серо-зелеными сонными глазами, ростом чуть ниже Евы, по-хозяйски вошла в приемную, бормоча:

— Уборка, уборка, перейди на Федорку... Блин, какого я так рано приперлась, если Кузьминична уже все убрала...

Ева рассмеялась, девушка подпрыгнула от неожиданности:

— Ты кто?

— Ева Шанина, перевожусь к вам из другого города. Я звонила на прошлой неделе и по электронке заявление отправляла.

— Да-да, я помню. Я Лика Армас. Секретарь и личный помощник ректора. Давай, что тебе там? — представилась девушка, отойдя от шока. А потом рассмеялась, — Это ты здесь хозяйничала?

— Ага, ты нашаманила, — ничуть не смутилась Енька, — уборщица перепутала меня с новой секретаршей и попросила пыль вытереть...

— А ты не захотела расстраивать старушку, — ухмыльнулась Лика.

— Ну, как-то так, — замялась Енька, — К тому же, мне было скучно.

Почти полтора часа ушло на оформление документов. Лика печатала приказы, заполняла какие-то бланки, вносила информацию в компьютер. Ева писала заявления, варила кофе, заправляла картридж, ксерокопировала. Короче, помогала, как могла. Несколько раз Лика пристально рассматривала Еньку, но вопросов не задавала. Сначала Еву вспышки пристального внимания напрягали, но сделать она ничего не могла.

Первый раз студентка ощутила взгляд, когда Лика обнаружила несоответствие фамилий в документах. Ева, молча, протянула паспорт и свидетельство о перемене фамилии, имени и отчества, секретарь кивнула и продолжила оформлять документы. Второй, когда заработала кофе-машина:

— Надо же, она уже две недели мертвая стояла, я в ремонт её хотела везти, — задумчиво проговорила Лика.

— Я только почистила, — начала оправдываться Ева, заливаясь краской, ей показалось, что она влезла не в свое дело.

После третьего раза, когда Ева вытащила картридж из ксерокса и начала его заправлять, под пристальным взглядом секретаря, девушка решила, если что не так, Лика сама спросит или скажет. А раз молчит, значит все в порядке. И перестала реагировать на задумчивые взгляды. К концу первого часа девчонки общались, как старые знакомые и понимали друг друга почти с полуслова.

— Я правильно понимаю, ты будешь искать себе работу? — спросила Лика.

— Ну да, работа не помешает, — согласилась Ева.

— Тогда я предлагаю тебе место помощника секретаря, ну или второго секретаря в ректорате. Думаю, мы сработаемся. Да, к тому же, ты с техникой дружишь, а вот я нет! — рассмеялась Лика. Ева только смогла кивнуть, о такой удаче она и не мечтала.

Еще час у них ушел на оформление Еньки на работу и в общежитие.

— Вот! Сергей Сергеич, одним ударом двух зайцев убила, — хвасталась Лика по телефону начальнику отдела кадров. — И секретаря, и технаря в одном лице нашла, к тому же, красавицу. Заходите на кофе, сами убедитесь!.. Да, она кофе-машину починила... Приказы я уже напечатала, номера сами поставите, я вам их вместе с её заявлением и

подписями ректора в конце рабочего дня занесу, часа в четыре, не поздно?.. Или вы зайдете на чашечку кофе?.. Хорошо, до встречи.

Благодаря новым связям, Еньку поселили в общежитии преподавателей и аспирантов, в одном блоке с Ликой. Это было пожелание Лики. Общежитие было ближе остальных к университету. Строили его, то ли по экспериментальному проекту, то ли по заграничному. Благодаря блочной системе, по уровню комфорта общежитие превосходило некоторые многозвездочные гостиницы.

Каждый двухуровневый блок рассчитан на проживание четырех — восьми человек одновременно. На первом уровне размещались небольшой гардероб для верхней одежды, туалет, душ, кухня и общая комната, которую называли гостиная или расширитель. На втором уровне были четыре личные комнаты, по две слева и справа. А еще ванная, туалет и кладовая.

Ли́ка жила в этом блоке уже третий год. И за это время успела основательно обрасти вещами. Самыми ценными были лэптоп и телевизор с гигантской диагональю, который стоял в общей комнате. Армас была убеждена, что в спальне, а свою комнату она считала спальней, телевизора быть не должно. Все остальные жильцы блока активно поддерживали это убеждение. Да и их предпочтения в кино и прочих программах, после покупки телека, стали подозрительно похожи на Ликусины. В кухне набор бытовой техники был общажно-коммунальным. Её большая часть предоставлялась администрацией общежития, а мелочевка доставалась в наследство от съезжающих аспирантов и преподавателей. В общем, для полного комплекта не хватало только стиральной машины. Её и купила Енька, чем заработала себе дополнительные бонусы.

Кроме Ли́ки, в блоке жили еще две аспирантки. Девчонки не работали в университете, только учились, по какой-то странной «очно-заочной» системе. Девушки появлялись в общаге нечасто. Ликуся потом рассказала, что обе они помолвлены и чаще обитают у своих женихов.

Новая жизнь студентки-секретаря Евы Шаниной началась на следующий день после приезда. Девушка осваивалась на новом месте, знакомилась с преподавателями, узнавала расположение корпусов университета, готовилась к сдаче «хвостов». Для досдачи Еве дали время до конца семестра, но два из пяти экзаменов она умудрилась сдать, не сходя с рабочего места еще в августе, а оставшиеся три сдала в сентябре.

Среди студентов близких друзей себе Ева так и не нашла. Она со всеми общалась, была дружелюбна, но никого не выделяла. Да и новый образ жизни не сильно располагал к студенческим тусовкам. День девушки начинался в 5:30 утра. К 6:45 она была уже в приемной, где традиционно вытирала пыль, мыла чашки, проверяла работу оргтехники, при необходимости чинила её или настраивала, выполняла рутинную работу секретаря. Потом бежала на занятия, обедала в студенческой столовке и снова в ректорат. Отказываться от полной ставки ей не хотелось, чтобы не потерять в зарплате, а кое-что из заданий можно было сделать и на рабочем месте. В общежитие она возвращалась не раньше восьми вечера. Сил хватало только почитать, или посмотреть телек.

Обретаясь на лобном месте, трудно остаться без внимания. К Еньке начали подкатывать с разных сторон. Цели были разные, чаще все-таки расчет шел на «коммерческую» дружбу.

— Достали, сил нет! — возмущалась Енька после визита одного из студентов, — Ли́ка, почему к тебе так не липнут, а? Научи, я тоже хочу передвигаться по универу свободно и не шарахаться от очередного так называемого «друга». Блин, Лик, прикинь, некоторые даже не

скрывают, что ищут завязки в ректорате.

— Ну не все же такие. Вот вчера к тебе забегал паренёк со второго курса.

— С шоколадкой?

— Ага. Смотрю, ты на него все же обратила внимание, — улыбнулась Армас. Ева смутилась, этот парень действительно чем-то зацепил.

— Согласись, хорошенький, — продолжала секретарь, — А как смотрит на тебя... У-уу... Его взгляд, так и говорит: «Отдамся в добрые девичьи руки», — уже вовсю веселилась Лика, — Хватай его. Статус поменяешь с одиночки на занятую. Большая часть поклонников сама отвалится.

— Ты про него как про щенка говоришь.

— А он и есть щенок, милый и добрый.

— Вряд ли у меня получится.

— Получится. Инстинкт девушки — продолжение рода, а он требует приручить и одомашнить перспективного самца. Так что действовать будешь на инстинктах. Или считаешь, что мальчик недостаточно хорош? — Лика испытующе смотрела на девушку, а Енька молчала, — Так ты знай, с принцами у нас напряг. Мы живем в таком захолустье, что до нас даже кони не все доходят, не то, что принцы.

Ева не ответила. Она была не готова делиться своей историей. И искренне считала, что не имеет права портить жизнь парню. Мысль о том, что она, Ева, запятнана, по-прежнему временами врывалась в её светлую голову и отравляла существование. Вот и сейчас она разрывала сердце.

— Это не твоя мысль, перестань её думать, — категорично заявила Лика, увидев на лице Евы горечь.

— Ты, конечно, права. Но нет, я не буду морочить голову парню. Вряд ли у нас получится семья.

— Хорошо, семья не получится, может быть хотя бы легкий роман? Для статуса. Ну и секс, опять же...

— Мне церебрального выше крыши, — отшутилась Ева.

Так что лучшим другом стала Лика. Они обе уважали чужие тайны, никогда не лезли друг к другу с расспросами, а если что-то всплывало, то секрет тут же прятался на задворки памяти с грифом «СС». Молчать обоим было о чем. Например, завтраки и обеды в судочках, которые готовила Лика на их общей кухне и носила на работу, но не ела сама. А еще, заказы мужского нижнего белья и носков в онлайн магазинах. Да и еще много мелочей, которые говорили о том, что у Лики кто-то есть.

***

Енька сдала последний хвост. На радостях она сбегала в кофейню, которая недавно открылась недалеко от главного корпуса. Там набрала разных пирожных с шоколадом, шоколадным кремом, шоколадным бисквитом и прочими шоколадными радостями для Лики. «Пахлавушек» для себя. Счастливая и довольная, в предвкушении праздника живота, она ввалилась в приемную и никого там не обнаружила. Для буднего дня это было необычно. Лика никогда не оставляла приемную пустовать. Секретарь Шанина решила все проверить. Сгрузив пироженки на подоконник, девушка подошла к кабинету проректора, постучала, прислушалась, ответа не дождалась, дернула дверь — закрыто. Она подошла к двери в кабинет ректора, постучала и, не дожидаясь ответа, дернула дверь. Та открылась и, сразу же, закрылась, не без помощи секретаря. То, что увидела Ева, выходило за рамки делового

общения, и, как она справедливо заметила, эта информация относится к категории «Совершенно Секретно».

— Привет, Евушка, — через пару минут из кабинета вышла, как всегда опрятная Ли́ка. Выдавали её лишь припухшие губы.

— Привет, а я вот... — Ева показала на подоконник, где своего часа дожидалась выпечка, — последний хвост сдала. Решила, что надо отметить.

Румянец от смущения еще не сошел со щек Еньки, и она старалась не смотреть в глаза подруге.

— Поздравляю! Ставь чайник, а там много? — кивком указывая на пирожные, уточнила Ли́ка.

— Хватит на всех, — уже почти придя в себя, улыбалась Шанина, они вышли на новый уровень отношений. Это было молчаливое взаимопонимание, а не закрытость, — там с шоколадом было шесть видов, я каждого взяла по одному...

— Тогда кофе делай тоже, — улыбалась Армас.

***

В середине ноября среди входящей корреспонденции Ева обнаружила запрос из управления МВД её родного города. Искали Евгению Борисовну Малиновскую. Енька запаниковала. Её жизнь наконец-то вошла в колею, а тут родственнички нарисовались. Сначала хотела написать заявление об увольнении и по-быстрому сделать ноги куда-нибудь за полярный круг. Но потом вспомнила, что в этом городе, ни одна живая душа, кроме Ли́ки, не знает её прежнюю фамилию. А напарнице совсем нет никакой необходимости знать о существовании этого запроса.

Енька напечатала ответ, где сообщила, что за последние пять лет студентка с таким именем в вузе не обучалась. Напечатала еще несколько писем, и отнесла ректору на подпись. Так она получила еще одну отсрочку от нежелательной встречи. Хотелось бы надеяться, что вечную.

В последних числах декабря к Еньке на работу зашла самая колоритная парочка их курса — брутальный самец Николая Де Морель и его крошечная подружка Елизавета Зайцева.

Отец Николая — аристократ западного предгорья Жан-Жак Де Морель, давно переехал из родной страны, но еще не утратил своих корней. А маменька, Полина Де Морель, урожденная Бахметьева, вела свой род от столбовых дворян. Жили они в одном из крупных, но удаленных от столицы городов. И, как большая часть среднестатистических граждан необъятной родины, зарабатывали на жизнь предпринимательством. В сферу их деятельности входили антиквариат и современные предметы искусства. В этом бизнесе трудно было найти им равных. Они и в сынулю вколачивали все знания с горшка, тем самым изрядно подпортив отношения с единственным наследником. В результате, сразу после окончания гимназии, наследник аристократов собрал свой нехитрый скарб, банально стырил у маман около двух штук зелени, и удрал поступать в университет подальше от дома. Поступил он без проблем во все вузы, в которые подавал документы, но остановился на этом университете.

На решение Николая повлияло сразу три фактора. Первый, ему сразу представилась возможность устроиться на работу прямо в универе. Совесть за стыренные деньги мучила, и он решил компенсировать свой проступок тем, что во время учебы обеспечивать себя будет сам. Да и доказать хотелось, что он взрослый человек, способный нести ответственность за свои поступки. Вот такой комсомодец-доброволец у аристократов вырос. Второй, на него никто не косился, когда он представлялся, как Колян и курил дешевые сигареты. Но самым веским аргументом стала маленькая смешная девушка, которая общалась со всеми, но по имени не знала никого, храбро бросалась защищать своих новых друзей от наглых старшекурсников, но стеснялась спросить, как пройти в буфет. И звали её все по-разному, то Лиса, то Заяц. Вот этот вопрос и решил прояснить в ближайший год Колян Де Морель.

Лиза же, как она сама считала, была ничем непримечательной личностью. Совсем ничем, кроме имени. Временами детдомовка Лизка Зайцева сомневалась в адекватности соцработников, давших ей такое имя. Но исправить фамилию она не могла, надеясь, что, может быть, когда-нибудь, её найдет мама. А имя ей просто нравилось. В университет она поступила по соцльготе, как сирота. Морально готовилась к нападкам более успешных сокурсников, но, уже в первые дни, попала под опеку большого и красивого Коляна.

Маленькой храброй Зайцевой льстило внимание такого видного и перспективного парня. Но жизнь в детдоме научила Лисоньку, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, поэтому была готова к подвоху в любой момент. Момент этот не наступил ни в первый месяц, ни на Новый год, а к весенним праздникам девушка расслабилась. И поверила, что Колян — это крепкий тыл, защита и опека. А чуть позже Лисонька поняла, что Колян еще и её первая, и самая настоящая любовь. Но признаваться в этом не спешила. А то мало ли...

За три с половиной года совместного обучения, их отношения пережили не один катаклизм, но так и не развалились. Поводы, как и причины, придумывала Лисонька, она же исполняла все главные роли в трагедиях и любовных драмах пары. Николая же, как истинный мужчина, был образцом спокойствия и стабильности. Его роль была всегда одна —

благодарного зрителя. Он внимал каждому слову своей Лисички, когда та начинала реветь, усаживал на колени, гладил по спине, целовал в макушку, приговаривая: «Ну что ты, Зайка? Не плачь». Потом уносил девушку в комнату и продолжал успокаивать, всеми доступными для него способами, во всех известных им позах, о чем рассказывали впечатлительные соседи. Наутро Зайце-Лиса забывала все свои беды и сияла перекошенным от счастья лицом и свежими засосами.

Сейчас отношения девушки и парня переживали очередную драму под названием «Сирота — не пара аристократу», или «Он меня бросит». Наверное, таким странным способом девушка искала что-то, что давали родители в семьях. Совет, внимание или даже оплеуху. Но это что-то не находилось, а настойчивая Лиска продолжала искать. Слушатели среди сокурсников закончились еще в прошлом году, и Лисе требовалась свежая кровь. Единственным «донором» оставалась новенькая Ева Шанина. При удачном стечении обстоятельств, ушей девушки могло хватить на год. Где она жила, никто из студентов за полгода так и не поинтересовался, благо, её всегда можно было найти в ректорате.

Студенты появились на пороге приемной в тот момент, когда Ева собиралась грохнуться в обморок. Николая успел подхватить пошатывающуюся секретаршу и усадить в кресло, а Лиска притащила воду и папку с приказами, которой и стала обмахивать бледную девушку.

— Ева, ты что? Как себя чувствуешь? Что болит? Ты ела сегодня? Может, скорую вызвать? — затараторила Лисонька.

— Не знаю, не надо скорую, просто голова закружилась и подташнивает. Я весь день себя как-то непонятно чувствую, наверное, простыла, — со слабостью в голосе проговорила Енька.

— Блин, ты что, заболела? Ну, вот фигли ты заболела! Новый год ведь... Мы хотели тебя в гости позвать. Мы на квартире у одного из наших местных собираемся всей группой, там весело будет, у нас всегда весело, — тараторила Зайцева, то ли отвлекая Еньку, то ли еще не переключившись со своей волны, при этом активно размахивая папкой. Она был такая смешная и непосредственная, что настроение невольно становилось лучше.

— Не знаю, вряд ли смогу, — ответила Ева слабым голосом, она еще помнила, чем закончилась для нее последняя тусовка с одноклассниками...

— Ева, тебе чаю надо выпить с лимоном, могу из столовки принести, — подал голос Николая.

Ева почувствовала, как во рту собирается слюна. Да, чай не помешает:

— Чай здесь можно сделать. Открывай вот тот шкаф, который в углу стоит, да, этот. Обе створки открывай, там все есть, — отозвалась Ева.

Шкаф оказался мини-кухней, в нем были мойка, холодильник, микроволновка, чайник, посуда и продукты.

— Ни фига се, живут же люди, — запричитала Зайцева, — Я такой же шкафчик хочу!

— Зайчик, ну зачем тебе такой шкафчик, ты же готовить не любишь, — засюсюкал Николая.

Выглядело это весьма потешно и трогательно — здоровенный мужик, из которого слова лишнего не вытянешь, вдруг изменился в лице и превратился в нежную няньку. Ева невольно заулыбалась.

— Это только потому, что у нас такого шкафчика нету, — завредничала Лиза, заметив улыбку на лице секретаря, и тут же её атаковала, — А ты не можешь, не хочешь, или тебя

родственники не отпускают?

— Родственников в этом городе у меня нет...

— О! А где ж ты живешь? — перебила Лизка.

— В общежитии.

— Да ладно, мы тебя там ни разу не видели, — не поверила девушка.

— Я в преподавательском живу, вместе с Ликой. Меня, как сотрудника туда заселили, — Ева увидела, как в глазах Лисы замелькали мысли. Они с Николая тоже подрабатывали на кафедре в институте, — Вы с Николая тоже могли бы написать заявление на вселение в это общежитие, кажется, там сейчас есть свободные места.

— За инфу спасибо, — искренне поблагодарила Зайцева, — А куда заявление отнести? — деловая хватка девчонки поражала, тем более что она совсем не казалась серьезной.

— Николая, пиши заявление, а я сегодня коменданту занесу, — предложила Ева.

Де Морель поставил две чашки с чаем и печенюхами на журнальный столик.

— А себе, почему не сделал?

— Я кофе люблю, а у вас его нет.

— Кофе-машина на подоконнике, за шторой. Просто в шкафу места не хватило, — улыбнулась Ева.

— Ну, так что там с Новым годом? — решила продолжить Лисонька.

— На второй вопрос — хочу, а вот по поводу первого сомневаюсь. По-моему, я заболела.

— Жаль... У нас праздники всегда по-семейному проходят, на Новый Год даже подарки друг другу дарим, — улыбнулась своим воспоминаниям Зайка.

За эти полчаса она прониклась к Еньке симпатией, и ей было искренне жаль, что девчонка будет встречать Новый год одна, в чужом городе.

— Кстати, о подарках. Николая, открой верхний ящик стола, ага этот. Там направления на пересдачу ВЭД нашим.

— Евушка, да ты волшебница, — пробасил Николая, — Они душу дьяволу готовы были продать, чтобы получить эти хвостовки. А тут ты, такой подарок! Они теперь тебе должны. Чего хочешь? Заказывай конфеты, торт, мартини, ну?

— Не, ничего не надо, просто у препода настроение было хорошее, а я, как раз, наши ведомости складывала, вот и подсуетилась. Это было несложно, тем более знания у них есть, мозгов только нет. Чем они обидели Игнатича? Вот теперь пусть ему несут тортики, в качестве извинений, — улыбнулась Ева.

***

Ребята проводили девушку до общежития под предлогом, что переживают за её самочувствие. Когда они подошли громадному серому зданию, предприимчивая Лисонька не захотела откладывать разговор с комендантом.

— Архипыч, Архипыч... — постучалась в комнату к коменданту Ева.

Дверь, скрипнув, открылась, и чем-то недовольный мужчина лет семидесяти появился в проеме:

— Шанина, чего тебе?

— Новых постояльцев привела, принимайте.

— Совсем уработалась, девка? Студентов не селим, у них свои хоромы, там пусть и обретаются, а нам своих оболтусов хватает. Слышала, поди? Жихарь, из 319 блока, опять

тряпку в мойке оставил и весь 219 блок затопил. Одолел, окаянный! Уж какой раз такая напасть случается, я его и ругал, и штрафовал, и грозил выселить, а ему что в лоб, что по лбу... А ты мне еще иродов ведешь! Чтобы у меня еще в двух блоках безобразия начались? Не совестно? — причитал комендант, вместе с компанией двигаясь в сторону вертушки.

Ева веселилась от души. Она уже знала, что такие концерты Архипыч постоянно устраивает для новеньких, и чтобы попугать, и чтобы повеселиться. Еньке, в свое время, тоже пришлось об «иродах и супостатах» послушать. Одногоруппникам она об этом не сказала потому, что забыла. Да если б не забыла, все равно промолчала бы. Зачем Архипча лишать удовольствия.

— Архипыч, эти не такие, они серьезные. Лаборантами уже давно работают, на ставку. Да и заселить их лучше в один блок. Они у нас семейные, — веселилась Ева. Лисонька же растерялась. — Какие такие семейные? Что-то колечек я у них не вижу, — он подхватил правую руку Лисички, — Они даже не помолвлены! Не положено в один блок! Не дело это, аморальщину в альма-матер разводить! Э-эх, Ева Александровна, как же можно! Не ожидал от Вас, не ожидал... — с серьезным лицом продолжал веселиться Архипыч.

Шанина еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться в голос. Лиза побледнела и онемела от такого напора и необоснованных обвинений. Интуиция предрекала провал, блистательного по своим задумкам, мероприятия. И только Николая был, как обычно, суров и непоколебим:

— А так? — Де Морель достал из внутреннего кармана бордовый бархатный мешочек и вытряс из него колечко из белого золота с небольшим бриллианчиком.

— А так — да! Можно и в одну комнату заселить, — заулыбался старик, наблюдая, как Николай надевает на пальчик Лиски кольцо.

— Я еще не сказала «да», — вяло завозражала Лиска.

— Перед алтарем скажешь, — сурово прервал её Архипыч, доставая ключи от блока и комнаты, — Благословляю вас! — торжественно произнес комендант. Осенил ритуальным жестом пару, потом вытащил из-под стола баночку варенья, сунул Зайцевой в руки, чмокнул её в макушку и сказал, — Бери, бери, помолвку отпразднуете. Это смородина. Тебе, Шанина, тоже не помешает. Что бледная-то такая? Да, жить будете в одном блоке, так что за порядок с тебя спрос, Евушка. Ты поняла?

— Ага. А как же наши аспиранты?

— Так съехали ваши аспиранты, еще на прошлой неделе. Ты что, не знала? Ты б, почаще в общежитие заходила, что ли, а то только ночевать приходишь. Ты, детка, жить не забывай, а работа она что? Она и есть работа, всю её не переделаешь, да и в старости тебя не согреет, не утешит...

Архипыч еще долго мог учить студентов жизни, об этом Ева тоже знала, не понаслышке, поэтому быстренько утащила ребят показывать блок.

Тридцатого они уже вселялись в одну из комнат. Ликуся рычала, шипела и плевалась ядом. Но после того, как Николай закрепил полки в кладовке и вместо веревки повесил в ванной нормальную сушилку, сменила гнев на милость. В доме теперь есть, кому и гвоздь забить, и лампочку вкрутить. А носки его будет невеста собирать по блоку. С остальными проблемами, например, футболом по телевизору, она решила бороться по мере их поступления.

Новый год с застольями и шумными компаниями прошел мимо Еньки. После праздников её самочувствие лучше не стало. За неделю новогодних и рождественских каникул тошнота и головокружение, боли в спине и повышенная утомляемость стали ежедневными её спутниками. Поэтому сразу после Рождества она побежала в поликлинику. Без направления, но с баночкой. Лаборант вредничал ровно до того момента, пока Ева не достала из пакета коробку с конфетами. После этого парнишка лично выписал направления и, вдобавок, без очереди провел девушку в лабораторию для сдачи крови.

Три дня спустя Ева выходила после работы из главного корпуса университета в зимний вечер. Тусклый свет еще не разгоревшихся галогенок подсвечивал снежинки, кружащиеся в замысловатом танце. Вокруг почти никого не было. По противоположной стороне дороги не спеша шла пожилая пара. Снег поскрипывал под их ногами. В остальном же царил торжественная тишина и умиротворение. Завтра последний экзамен, и сессия сдана, постновогодние гулянки закончились, впереди только каникулы. Из тишины Еву вырвал звонок мобильного.

— Привет, Ева! Это Семен, лаборант из поликлиники.

— Да, Семен, привет, я тебя узнала.

— У меня отличная новость! Анализы показали, что ты беременная! Поздравляю! — молчание Семен принял за радостное волнение.

Ева была действительно в шоке, она оказалась в тишине, странной тишине. И только новый знакомый на ухо радостным голосом вещал, что благодаря его стараниям, студентка Шанина теперь наблюдается у лучшего доктора поликлиники.

— Спасибо, Сем, я тебе очень благодарна, я зайду, завтра... с конфетами, надо отметить это событие...

Она старательно делала вид, что безумно счастлива, но, ни бурного счастья, ни страшного отчаяния девушка, почему-то, не испытывала. В общезжитие идти не хотелось, и она направилась в самый дальний в их районе магазин. Видать сказалась привычка «вытаптывать» проблемы.

Домой она вернулась аж в десятом часу, замерзшая и все такая же «никакая», но с вьезшейся в лицо улыбкой. Лица рассматривала Еньку и её покупки:

— Что за праздник намечается? — уточнила она, демонстрируя бутылку шампанского и коробку конфет.

— Это лаборанту Сёме, — на автомате ответила Ева.

— Какую же новость тебе принесла эта птичка-мозгоклюйка, что ты потратила на неё столько денег? — удивленно спросила подруга и вытащила из пакета мягкую игрушку. Медведя, который «запел» колыбельную. Брови секретаря удивленно поползли вверх, и она вопросительно посмотрела на Еву, — Вот оно что, оказывается...

— Ну да, как-то так... — растерянно ответила Ева.

— И что теперь?

— Веришь? Не знаю...

— Срок-то какой?

— Ну, от двадцать седьмого июля отсчитывай...

— О, как точно, — рассмеялась Лика, — Может, ты еще и в календаре отметку делаешь после каждого раза?

— Это был единственный раз, — выдавил из себя Ева и побледнела.

— Извини. Все так плохо? Ты сама-то как? — уже другим тоном спросила подруга.

— Ну, нормально... наверное, — с паузой, как будто прислушиваясь к себе, ответила девушка, — Не знаю, я не ожидала... А еще приятно, наверно, — робко улыбнулась она — Я теперь не одна.

— Это точно, — с облегчением выдохнула Лика и подумала: «Истерики и депрессия отменяются». Заулыбалась и перенаправила мысли Еньки из коматозного русла, — Теперь надо детскими вещами запастись, у соседей поинтересоваться, нет ли чего лишнего.

— Вы о чем? — Лиску никак нельзя обделять информацией, её пытки весьма изощренны, не убьет, так зацелует.

— Да вот, я беременная, оказывается, — сказала Ева и широко улыбнулась.

— Ва-а-ау! Коля! Коленька! Николяшка, блин! — заорала как подорванная Лиска и рванула на кухню, где давился ужином её благоверный.

— Что, Зайка? — с тоской во взгляде откликнулся парень.

— Скоро ты не будешь высыпаться! — начала сильно издалека Лиса, а у Коляна взлетели удивленно брови, — У нас скоро будет малыш! Прикинь! Офигеть! — продолжила Зайцева, а у парня вытянулось и позеленело лицо. Причем было не понятно, из-за новости, или, все-таки, из-за ужина, а Лисонька продолжала, — Надо будет у Скуридиной бандаж дородовой взять. Как ты думаешь, Евушке он по размеру подойдет?

— Ты что, беременная? — фальцетом уточнил Никола.

— Обалдел? Я-то тут причем? Шанина наша беременная! У нас в блоке скоро веселье начнется. Подгузники, бутылочки, пригоревшее молоко, детские вопли! Круглосуточно! Заживем! — мечтательно, словно сказку рассказывала Зайцева. Мечта о семье витала в ее голове в сильно извращенном виде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Николяшка уже приходил в себя, но еще на полном автомате наворачивал то ли кашу, то ли суп. Ева и Лика в дверях тряслись от смеха. Не зря Архипыч внедрил эту шебутную семейку в монументальный быт секретарей. У них в блоке началась жизнь. Нет, не так, Жизнь — так будет правильной. Ликуся подошла к Коляну и заглянула в тарелку:

— Как ты это ешь?

— С удовольствием! — ответила за мужчину Зайцева.

— Не боишься отравиться? — игнорируя Лиску, но понизив голос до шепота, уточнила Ликуся.

— Отравление лечить легче, чем мириться с ней, — кивнул в сторону невесты парень.

Зайцева все слышала и видела. Девушка закипала. От хорошего настроения не осталось и следа. Ужин грозил обернуться скандалом.

— О-ох, мне плохо... Тошнит. Лика, открой окно, откуда этот ужасный запах? — все трое кинулись к беременной. В метре от Евы, Лика поняла суть представления, и, не спеша, направилась в противоположную сторону от «пострадавшей», открывать окно.

— Лиз, твоя каша пахнет... хм... по-особенному, её придется выбросить, — тоном строгого учителя проговорила Армас.

— Это суп!

— Тем более! Ты не волнуйся, Николай голодным не останется, — продолжала

помощница ректора в том же тоне, — А с завтрашнего дня придется заняться твоим обучением. А то так всех ценных сотрудников изведешь, — уже по-шутовски печально закончила она.

Взгляд Де Мореля обещал свернуть горы и достать звезды ради этих двух спасительниц. «Да что там звезды! Я готов по ночам к ребенку вставать! Если попросят», — в порыве благодарности подумал Николая, но благоразумно промолчал.

А еще через неделю, весь ректорат знал, что вторая секретарь ректора ждет малыша. После посещения врача и до самых родов самочувствие стало намного лучше, и как будто «с перепугу» начал быстро округляться животик.

Поклонников сильно поубавилось, но самые стойкие продолжали осаждать Еву. Среди них был и тот второкурсник, который приносил шоколадки. Теперь Ева знала, что парня зовут Альберт Комисарчик, и что он с мехмата. Парнишка почти каждый день приносил беременной девушке зеленые яблоки, на большее его фантазии не хватало. Но настойчивость подкупала. Ева привыкла к нему, как к другу. Принимала его помощь и знаки внимания. По возможности прикрывала прогулы Комисарчика, ругала за низкие оценки по гуманитарным предметам. Даже договорилась с одной ответственной девушкой с иняза о репетиторстве, так как парню грозил неуд по иностранному языку. Короче, принимала активное участие в его жизни, но воспринимала Алика исключительно как младшего брата.

***

Брать академку не хотелось. Ева просиживала всё свободное время в ректорате, в общежитии было одной скучно. Кто-то распустил слух, что Ева якобы проштрафившаяся племянница ректора, сосланная родственниками на перевоспитание. Преподаватели её жалели, искренне не понимая, как можно «отправить в ссылку» такую серьезную и ответственную девушку, пусть даже она остурилась. Часто, во время экзаменов, относились снисходительно. Но Шанина и не нагнала. Добросовестно набирала на компьютере пропущенные лекции, переписывать было лень. При этом электронными версиями она щедро делилась со студентами. А практические занятия она старалась не пропускать.

Сроки сдачи экзаменов и зачетов пришлось сдвигать. Впереди был май с грудным ребенком на руках, поэтому половину допусков к экзаменам (читай — зачетов), Ева ухитрилась получить автоматом уже в середине апреля.

***

Двадцать пятого апреля, в пятницу, ближе к пяти часам вечера, когда, по заведенной Ликой традиции проходил секретарский five o'clock, Еву скрутило в загогулилку. Чуть раньше к секретарям решили присоединиться Михаил Павлович, ректор университета, и зав кафедрой политэкономии Олег Васильевич. Основной темой сегодня была аккредитация университета, которая напрямую зависела от успеваемости вообще и конкретных лиц в частности. Ева под шумок начала выпрашивать у Гулькевича зачет автоматом. Шутки ради Олег Васильевич заявил:

— Шанина, если Вы сегодня родите парня, то я вам даже экзамен автоматом зачту. А если нет, сдавать будете на общих основаниях!

— А почему именно сегодня, Олег Васильевич? — поинтересовалась Лика.

— Потому что именно сегодня у моего деда, академика Ивана Святославовича Гулькевича, день рождения. Ему исполнилось бы ровно 100 лет, — с гордостью просветил компанию профессор Гулькевич.

Вот в этот самый момент Еву и скрутило. По законам жанра, сначала никто не поверил.

Потом мужчин знатно тряхнуло, и только самая разумная из секретарей, Лисуся, спокойно вызвала скорую и с серьезным лицом выдала:

— На что только не пойдут студенты, чтобы экзамен автоматом получить, — нервный смех расслабил мужчин и дальше они старались держать себя в руках.

— Шанина, не расслабляйтесь, родить сегодня это полдела. Так сказать, на зачет. Для достижения поставленной цели родить надо парня, — пытался шутить дрожащим голосом Олег Васильевич.

Через шесть часов красненький, сморщенный мальчишка громким ревом оповестил мир о своем существовании. Новорожденного предсказуемо назвали Ванечкой. В честь академика.

Потом Лика рассказывала, что Крутовский с Гулькевичем два дня праздновали рождение Ванечки. Причем, у Гулькевича дома, да еще и со всей его родней. Бездетный Олег Васильевич решил, что рождение ребенка в день рождения его деда, не совпадение, а знак. И уже зачислил себя в крестные малышу. Согласие Евы для этого не требовалось. Кстати, рождение мальчонки во многом примирило постоянных оппонентов, спорить они не перестали, но делали это гораздо мягче, не переходя на личности.

Лиска смеялась, что Ева не только экзамен автоматом получила, но и новую семью. Жена Гулькевича настолько прониклась совпадением рождений, что даже не подумала, что можно возразить против того, что Олег Васильевич назвал Ванечку наследником. Юлия Гулькевич, пока глава семейства праздновал, успела подготовить комнату в общежитии к возвращению молодой мамы и малыша. И даже закупила продукты для праздничного стола. Она жутко боялась, что Ева откажется от их с Олегом помощи. Енька же возражать не стала, трудно найти более достойных крестных родителей, чем Олег и Юлия Гулькевичи. И через четыре дня, когда семейство Шаниных вернулось домой, они уже скромно сидели за столом дружной, внезапно разросшейся компанией, которую, с легкой руки Николая, нарекли «Ванечкиным профсоюзом».

Летом «отыграли» студенческую свадьбу Лисонька и Николая. Все было скромно. В какой-то момент в Лизе Зайцевой проснулся хомяк, который не позволил студентам раскошелиться на более массовое мероприятие. Лисичка заявила, что «свадебные гуляния — это стереотипы, которые не несут никакой традиционной нагрузки, и от которых надо избавляться». Правда, от церемонии бракосочетания в храме она отказываться не стала, так как, по её же словам: «Это не просто регистрация акта гражданского состояния, а обретение семьи». Вот так и выяснилось, что близкое общение с профессорско-преподавательским составом в течении всего нескольких месяцев, принесло девушке больше пользы и знаний, чем предыдущие четыре года обучения.

Небольшое кафе недалеко от общежития было выбрано исключительно по территориальному признаку. С Ванечкой все девушки, кроме новобрачной, сидели по очереди. Даже Полина Де Морель, мама Николая, вызвалась. Молодожены в компании участников «профсоюза» и родителей Николая хорошенько посидели. Субординация, как таковая, приказала долго жить еще в мае, когда студенты консультировали профессоров, какие смеси лучше покупать и где подгузники дешевле. Неудобство и смущение испытывали только родители Николая, да и то первые полчаса. В общем, было все по-семейному уютно. Для Лизы это было самым важным.

***

Последний курс универа пролетел, как кошмарный сон. Вернее сна не было совсем, был только кошмар. С подачи Лики, на те деньги, которые Ева получила от продажи бабулиной квартиры, молодая женщина купила небольшую квартиру и сдала её в аренду. Сама же осталась жить в общежитии. Там помощников больше. В отделе кадров предлагали оформить отпуск по уходу за ребенком, но смысла в нем не было. Сначала надо было сдать оставшиеся зачеты, потом экзамены, а потом Ева втянулась в этот ритм. Ванечка же был то на попечении Юлии, то с ним по очереди сидели Лиса и Лика. Иногда доставалось Коляну. Ребенка растили сообща, всем миром.

Как-то весной, когда лужи по утрам еще покрывались тонкой ледяной корочкой, а отопления уже не было, Еву из протопленной обогревателем комнаты выгнал мерзкий запах, который шел со стороны кухни. «Странно, — подумала девушка, — у нас вроде все уже научились готовить?». Возле плиты крутилась Лиза. Видимо, ей не всё еще подвластно.

— Что готовишь?

— Планировала шоколад. Будешь?

— Твой нет. Иди, включи в гостиной обогреватель, я сама приготовлю. Спроси, на всех готовить?

Горячий шоколад, шерстяные носки, теплый плед, приглушенный свет торшера и какое-то кино. Этот вечер отличался от прочих. Обычно, в этом блоке романтика была только в отдельных комнатах и за закрытыми дверями. Сегодня решили поменять традиции, но получилось это не на долго. Первыми сбежали молодые супруги, они уже на середине фильма ёрзали, а до конца фильма еле досидели.

— Вот так, тела притягиваются и оттягиваются, только твое тело, Евушка, не реагирует ни на что, — выдала Лика.

— Что ты хочешь услышать?

— Ну, например, что ты влюбилась, и у тебя будет свидание, а тебе нечего надеть.

— Ты про Алика?

— Алика, родная, ты упустила. Я на днях его видела с той девчушкой, которую ты ему нашла, чтобы иностранный подтянуть. Они та-а-ак сладко целовались. Обзавидуешься!

— Фух, ну наконец-то.

— Что, даже не обидно, что у тебя из-под носа парня увели?

— Нет, — рассмеялась Ева, — Я уже замучалась их друг к другу подталкивать, так что совет им да любовь.

— Отлично, всех мужиков разогнала! Мечтаешь об одинокой старости?

— Ну, не я одна такая, — отбила наезд девушка.

— Ошибаешься. Мы с Мишей уже больше шести лет вместе. Просто, не в нашей ситуации афишировать отношения.

— В смысле? Из-за того, что он — твой начальник?

— Не совсем. Миша преподавал у меня, когда я еще студенткой была. Сама знаешь, что за такую связь и уволить могут. Мы долго скрывались, но как-то забыли дверь на замок закрыть...

— Да-да, знакомая ситуация, — рассмеялся Ева.

— Дурочка, — беззлобно огрызнулась Лика и тоже засмеялась, — В общем, Миша тогда у нас деканом был, а на его место уже давно другой человек метил... В общем, его по статье увольнять не стали. Предложили заявление по собственному желанию написать. А меня не увидели, я успела в лаборантскую прошмыгнуть, там и отсиживалась. Скандал был — жуть!

— А у меня гаптофобия, — откровением на откровение отозвалась Шанина, — Так что ни о каких свиданиях речи быть не может.

— С чего бы это? Что-то не помню, чтобы ты от людей шарахалась, даже когда тебя Гулькевич на руки брал, или Де Морель придерживал, когда ты в кладовке с верхней полки свой чемодан снимала.

Ева задумалась. Она ни секунды не сомневалась в диагнозе. Хотя, после того случая в поезде, девушка ни разу больше не испытывала тех ощущений. Причины, конечно были. После изнасилования этих фобий могло быть с десятков. Поэтому, так легко поверила той девушке из поезда. Она рассказала Лике все, что помнила.

— Ну, ты нашла, кому верить. Она, в лучшем случае, студентка была, а может, просто журналов начиталась. Да, мало ли из-за чего тебе плохо было. Тошнило, говоришь? Может, давление поднялось, а может, ты съела что-нибудь не свежее. Да, кстати, ты ж беременная тогда уже была.

— Да? Вот, блин... А я на парней вообще не смотрела, думала, что бесполезно...

— Чучело!.. — беззлобно ругнулась Армас, — Не расстраивайся. Значит, просто еще не встретила своего, тогда бы никакой диагноз бы тебя не остановил.

***

Ярмарка вакансий, которую решили провести представители правящей партии, проходила в мае, в областном Экспоцентре. Там уже подходила к концу Международная специализированная выставка оборудования. Её размах поражал воображение. Кроме крытых павильонов были задействованы открытые площадки, на некоторых шла демонстрация работы оборудования. Студенты ходили туда, как в парк развлечений. Где, к тому же, можно выпить халявный кофе и завести полезные знакомства. Самые шустрые

умудрялись всучить представителям фирм резюме, в надежде получить работу по окончанию учебы. Собственно, именно они и спровоцировали срочное открытие Ярмарки вакансий.

В день официального открытия Ярмарки, студентов старших курсов добровольно-принудительно загрузили в автобусы и повезли на встречу с будущим. Еве и Лике поручили руководить этой неорганизованной толпой. Но у девочек были свои планы. Они надеялись довести студиозусов до павильона и смыться. Умная Лика предложила в качестве подстраховки взять с собой Ванечку.

— Думаешь, Палыч пожалеет мелкого и отпустит нас пораньше? — рассмеялась Ева.

— Только на это и рассчитываю, ты же знаешь, как он любит пацана.

— По-моему, кое-кому тоже пора о малышах подумать...

— Не ваше дело, — беззлобно огрызнулась Лика.

По приезду исчезнуть, по-тихому, не удалось. Сначала они сгоняли и строили студентов перед импровизированной сценой, а это, надо сказать, задача не из легких. А потом, с подачи нежно-любимого ректора, Лика изображала члена президиума. Совершенно непредвиденные обстоятельства напрягали. Ребенок пока еще с любопытством глазел по сторонам, но мог разреветься в любой момент.

Официальная часть порадовала своей лаконичностью. Буквально за тридцать минут все официальные лица успели высказаться, пожелать и дать напутствие молодым специалистам. Дальше предполагалось хаотическое перемещение студентов от стенда к стенду, заполнение анкет и раздача резюме.

Для приличия, поторчав там еще минут пятнадцать, сделав пару замечаний самым веселым, и дав несколько советов самым скромным студентам, Лика и Ева собрались делать ноги.

— Михал Палыч, — невинно хлопая глазками и укачивая совершенно спокойного малыша, позвала Лика, — Ванечка устал. Мы, наверное, пойдем, пока он капризничать не начал?

— Пойдете, только не домой, а со мной, на конференцию, — рыкнул Крутовский, — Вот зачем вы ребенка за собой потащили? Совсем с ума сошли? Лик, ну ладно Шанина неопытная, но ты же знаешь, что на таких мероприятиях часто случается форс-мажор.

— Да кто ж знал, Михаил Павлович, что вам с коллегами пообщаться захочется, вы ж в университете ни с кем не видите, — язвила и злилась секретарь.

— Если ты про конференцию, то это не моя блажь, а организаторов.

— Миш, предупредить не судьба? — от души прошипела девушка.

— Я сам не знал. Все, прекращай. У вас пятнадцать минут, чтобы найти няньку Ванечке! Стой, возьми деньги, пусть на такси домой едут. Это ж надо, додумались! Такого кроху на выставку притащить! — бухтел ректор, — Глупые они у тебя, да, Ванечка? — засюсюкал этот грозный мужчина. Малыш заулыбался и загулил в ответ. Со стороны выглядело это очень трогательно.

Ева поплелась в сторону стендов, выискивая глазами жертву. Жертвы не прятались. За столиком небольшого кафе расслабленно попивали кофе Колян и Лисонька. Супруги уже раздали резюме и анкеты, которые накануне скачали с сайтов предприятий и заполнили еще дома. Теперь ребята собирались домой с чистой совестью. Ева отдала им малыша, деньги, сумку с подгузниками и питанием, поцеловала сына в щечку, помахала ручкой уходящим друзьям, развернулась и встретилась взглядом с таким знакомым и ненавистным омутом черных глаз.

В нескольких шагах от Евы стоял Андрон Лутак собственной персоной. Замешательство длилось всего доли секунды, а вот предательская слабость в ногах, похоже, поселилась надолго. Ева взяла себя в руки, стиснула зубы и, не здороваясь, прошла мимо. «Мы не знакомы, не знакомы... Лутак обозначился, и вообще, я не знаю его и его фамилию...» — бубнила, словно мантру, девушка.

— Здравствуй, Евгения. Хорошо выглядишь, — знакомый голос заставил тело покрыться мурашками, как от ледяного душа, и сильная рука подхватила Еву под локоть.

— Вы ошиблись, я не Евгения, — тихо сказала девушка. Громче не могла — голос предательски дрожал и грозился сорваться. Буквально вырвав локоть из крепких рук парня, Ева припустила к кучке коллег из университета, надеясь найти спасение среди них.

Конференция уже подходила к концу, когда Лика повернулся к Еве и на ухо спросила:

— О чем это ты беседовала с Лутаком? — это был первый вопрос личного характера после памятного разговора.

— Ты его знаешь? — уточнила Ева.

— Его все знают, — усмехнулась Лика — Только мне кажется, что ты его знаешь лучше других, — то ли спрашивала, то ли утверждала подруга.

— Давай потом поговорим, дома, — предложила Енька. И они под конвоем ректора поплелись на банкет.

Девушка была на нервах. Она не находила себе места в прямом смысле слова. Страх еще раз столкнуться нос к носу со своим кошмаром гонял Еньку из угла в угол и заставлял прятаться за широкими спинами знакомых мужчин. Её мучения длились бесконечные два часа, прежде чем Крутовский подошел к ней со словами:

— Ну, кажется, все. Здесь нам больше делать нечего.

Ректор лично вез своих помощниц домой. Ева молчала из-за перенапряжения, Лика не хотела тревожить подругу. Михаил Палыч решил, что девушки просто устали. Тишину нарушила Ева:

— Хочется выпить...

— Есть повод? — уточнила Лика.

— Кажется, да...

— Миш, останови у супермаркета, мы мартини купим, — попросила Армас. Первый раз за почти четыре года работы Лика назвала ректора по имени в присутствии постороннего человека. Михаил Павлович, через зеркало заднего вида, посмотрел сначала на Лику, потом на Еву:

— Уже поздно, алкоголь не продают, в баре в кабинете стоят и мартини, и ликеры, и вино, сейчас заедем, возьмешь, что захочешь, — дальше ехали молча.

В ректорат они вошли в начале десятого, пока Лика приготовила закуску, за стол сели ближе к десяти вечера. Выпили, Лика и Михаил Павлович молча ждали. Крутовский понимал, что происходит что-то экстраординарное, но с вопросами не спешил. Он полностью полагался на реакцию своей девушки. А шестое чувство подсказывало Лике, что подруге надо сначала расслабиться, а потом она сама выговорится. Так и случилось. Только к часу ночи у Евы иссяк поток слов и слез.

— Что делать собираешься? — спросила Лика.

— Еще не знаю, у меня, как и в прошлый раз, выбор небольшой. Либо бежать, либо договариваться с Лутаком, — прогундосила Шанина, после слез нос был забит, сосуды глаз полопались, девушка была похожа на гриппозного вампира.

— Ну почему? Можешь замуж выйти. Фиктивный брак оформить. Или настоящий, — предложил вариант Михаил Павлович. — Ты красивая, умная, целеустремленная. Поклонников хватает.

— Нет. Это не выход. Не хочу никого использовать. Я на собственной шкуре такое прочувствовала. Не хочу так.

— Зачем обманывать? Речь идет о сделке. Думаешь, ты единственная, кому фиктивный брак может помочь в решении проблем?

— Предлагаете объявление в газете дать? — попыталась пошутить Ева. Повисла долгая пауза. Каждый думал о своем.

— Думаешь, он тебя не найдет? — спросила Лика.

— Уже нашел. Сегодня суббота?

Лика глянула на часы:

— Полтора часа, как воскресенье...

— Придет в понедельник, если успел познакомиться с кем-нибудь из наших, или во вторник, если будет добывать информацию официальным путем.

Они мусолили варианты, но уставшие пьяные головы умные мысли не рожали. Ближе к трем часам ночи, Лика сумела всех убедить, что пора покинуть гостеприимные стены ректората и хоть немного вздремнуть. А еще она сумела убедить Крутовского, что пьяным за руль садиться не стоит, опасно для жизни своей и окружающих. Ректор не надолго задумался и согласился, но с условием, что останется ночевать у Лики. То ли боялся, что утром придется защищать своих помощниц от разъяренного Лутака, то ли принял для себя какое-то важное решение. Скорее второе, так как, когда измотанная тройца все-таки решила дать своим бранным телам заслуженный отдых и заявила общагу, а дверь открыл сонный и раздраженный комендант, который окатил ледяным взглядом секретарей, Михаил Павлович был готов превысить свои полномочия и задавить авторитетом и коменданта, и всех, кто осмелится прийти Архипычу на подмогу. Но старик, вдруг завис на уставшем лице Крутовского. Затем, быстро изменил выражение на подобострастное, и затараторил, широко раскрыв дверь перед визитерами:

— Михал Палыч, как я рад, давно вас ждем, — у ректора округлились глаза, и на лице нарисовался немой вопрос, комендант продолжил, — Давно пора, а то все бобылем ходите. А я уж и не надеялся, что ты, Лика, осмелишься. А то у тебя не любовь, а так, чай с сахаром вприглядку, получалась, — ошарашенная компания не смела перебивать поток фамильярностей, но за возможность в ближайшие пять минут оказаться в царстве Морфея, готовы были стерпеть многое.

— А ты, лучше б спать пораньше ложилась, и так лица на тебе нету, вечно крутишься, как белка в колесе, а туда же — колобродить ночью. Завтра с сыном кто сидеть будет? Али опять кому подкинешь? Девчонка бестолковая... Да, и подруге своей мешать не дело, не полюдски это, она вон добра сколько сделала тебе, а ты не ценишь... Э-эх, — ворчливо вычитал комендант Еньку и махнул рукой.

— Вот, как ты, Архипыч, умудряешься быть в курсе всех событий и секретов? Ведь в общежитии сутками сидишь, не вылезает, — не стал отпираться Крутовский.

— Да все это суть эфирная, стало быть, в воздухе летает, надо ток настроиться на нужный лад, на волну то бишь, и все... — заулыбался комендант высокой оценке своих способностей.

— Тоже мне, философ-любитель, физик-теоретик, — засмеялся ректор, — Не хочешь — не говори, кто у тебя сорокой работает.

— Так все и работают. Один одно сказал, другой другое, а я слушаю, запоминаю, думаю... Говорю ж, все в эфире летает, надо только уловить и отфильтровать.

***

В своих расчетах и оценке способностей Лутака Ева ошиблась. В начале девятого утра девушки только проснулись, успели умыться и начать готовить завтрак, Ванечка восседал на кухне в детском стульчике и сосредоточено сбрасывал со стола все, до чего дотягивался. Супруги Де Морель ответственно отсыпались за всю предыдущую неделю и, по традиции, в воскресенье из комнаты выходили не раньше часа дня. Крутовский тоже жаворонком не был. Ближе к девяти в блок постучали. Дверь пошла открывать Лика:

— Чем обязаны, господин Лутак? — громко спросила девушка.

— Я к Евгении Малиновской, — ухмыльнулся Андрон, — Надеюсь, она дома?

— Лик, проводи гостя в гостиную, я сейчас подойду, — выглянула из кухни Ева. Затем наложила в тарелку кашу для Ванечки, налила в непроливашку чай, сделала три глубоких вдоха-выдоха и вошла в комнату. Лика, как немой укор, стояла в дверях расширителя, сложив руки на груди, и буравила взглядом высокого, почти метр девяносто, гостя.

— Лик, там Ваня один, — Ева посмотрела в глаза подруге, та молча кивнула и вышла.

— Здравствуйте, Андрон Германович. Вы так и не ответили, что привело Вас сюда в столь ранний час? — как можно спокойней спросила Енька.

— Неужели за ночь вспомнила своего любовника? Еще вчера ты утверждала, что мы не знакомы, — ерничал Лутак. Его нападки сейчас показались Еве такими детскими, что девушка чуть не рассмеялась. И это его она боялась, как огня?

— Я и не забывала своего насильника, — с нажимом на последнее слово ответила Ева, — Просто вчера, как, впрочем, и в любое другое время, не было желания общаться с вами.

— Не помню, чтобы хоть кого-то насильничал, а вот как ты стонала...

— А вы ничего не помните, Андрон Германович. Даже того, кто под Вами стонал, — грубо перебила девушка. — Это как надо было напиться, что бы перепутать меня и Киру Блумину! — в сердцах воскликнула Ева.

— Ты лжешь! — зло процедил Андрон.

— Спроси её сам. Я свечку не держала, утверждать не могу. Информация со слов Киры. А вот то, что меня не было в ту ночь на даче Артемьевых, может подтвердить их сосед, дядя Сеня. Он меня в город отвез. А еще, домработник Малиновских, если, конечно, ему позволят, — Ева специально назвал родителей по фамилии, подчеркивая, что не имеет к ним никакого отношения.

Андрон побледнел. Слишком уж все было похоже на правду. Утро того дня помнилось смутно, единственное четкое воспоминание — это собственное мерзкое самочувствие. Но с утра на даче он Еньку не видел, а Кира до сих пор достает его своими звонками и «случайными» встречами. Да и Ивановы всегда были на стороне Женечки Малиновской, когда о ней заходила речь. Надо выяснить, что там было. Пока все складывается очень некрасиво. Вопросов больше, чем ответов. Но сегодня он получит то, зачем пришел. Андрон

Лутак от своего еще никогда не отказывался.

— Как бы то ни было, мы с тобой помолвлены и у нас подписан брачный контракт. Сейчас ты пойдешь собирать свои вещи, и сегодня же мы уезжаем домой, — выдал мужчина.

— Лик, принеси, пожалуйста, желтую папку-конверт, в которой документы мои лежат, — крикнула Ева и задумчиво посмотрела на Андрона. Бывший жених уже не казался грозным, он был скорее растерянным, немного своим, но, по-прежнему неприятным из-за самоуверенности и наглости.

В комнату вошла Лика с ребенком на руках и папкой. Ева достала оттуда ксерокопию какого-то документа, протянула её Андрону:

— Ты помолвлен с Евгенией Борисовной Малиновской, наследницей семьи Малиновских. А брачный контракт даже она не подписывала. Меня же зовут Ева Александровна Шанина, и я не имею никакого отношения к имуществу и финансам семьи Малиновских ни сейчас, ни в будущем, — голос Евы был ровным и спокойным, — Это ксерокопия отказа от прав на наследование. Оригинал этого документа нотариус должен был передать Борису Васильевичу почти два года назад. Так что вам, Андрон Германович, нет никакой необходимости связывать со мной жизнь. Вам от этого теперь выгоды никакой, а я тем более не хочу этого брака.

Ванечка уже переполз на колени к маме и усердно терзал майку. Лутак тупо смотрел на бумаги.

— Андрон, если это все, то уходи. Здесь тебе не рады. И мы еще не завтракали.

Лутак не сказал больше ни слова. Бледный, как полотно, он вышел сначала из комнаты, потом из блока. На пороге он задержался, посмотрел в глаза Еве, видимо что-то хотел сказать, но промолчал. Дверь за мужчиной захлопнулась и обе девушки облегченно вздохнули.

— Не думала, что так легко отделаюсь, — призналась Ева.

Шум в коридоре разбудил и Крутовского, и Де Морелей. Сонная торица молча прослушала утренние новости, умылась, и села за стол завтракать. Ели молча. Под лепет Ванечки, он тоже делился впечатлениями. И только когда усадили ребенка в манеж, а сами с кружками чая и печенюшками разместились на диванах в гостиной, Лика спросила:

— Думаешь, он не вернется?

— Не знаю, он не любит проигрывать. Надеюсь, что он не понял, что Ванечка его сын. Иначе точно не отстанет.

В понедельник утром в приемную ректора позвонила Лилия Валерьяновна Лутак. Разговор был долгим, Еве даже пришлось пропустить лекцию. Говорила в основном Лилия Валерьяновна. Она долго просила прощения и за себя, и за мужа, и за сына. Плакала, уговаривала вернуться, обещала золотые горы и много чего еще. Ругала себя за то, что так и не смогла настоять на встрече почти два года назад. Говорила, что чувствовала, что у девушки что-то случилось. Ева же ответила, что её ни в чем не винит. Поблагодарила за заботу, отказалась от золотых гор и переезда. Ценой прекращения разговора стало обещание «звонить, если вдруг что-нибудь понадобится».

В среду вечером позвонил отец Андрона, Герман Архипович. Пытался извиниться. Получалось у него неуклюже и, чтобы не мучить мужчину, и не мучиться самой, Ева перебила его, повторила, что его, как и его супругу, ни в чем не винит. Сославшись на занятость, собиралась положить трубку, но Герман Архипович озадачил её просьбой:

— Продиктуй, пожалуйста, номер своего счета в банке.

— С какой целью? — поинтересовалась Ева.

— Я хочу перечислить денег. Если позволишь, то это будут ежемесячные перечисления. Лиля считает, то есть, мы считаем, что виноваты перед тобой. Это могло бы стать некоей компенсацией моральных и финансовых издержек.

— Обойдусь, — грубо ответила Ева, и положила трубку. Откупиться, что ли, решили?

В день сдачи госов звонил Андрон, но Лика его талантливо послала. Прямо, как учил Черчилль. Ева больше не боялась этого мужчины, и, даже, не испытывала к нему ненависти. Но ощущения Андрон вызывал такие же, как холодная манная каша.

В день защиты диплома позвонил Борис Малиновский, Ева сказала, что абонент ошибся номером и отключила телефон. Из-за этого в приемной ректора до обеда не было связи. После этого звонка девушка была зла, как сто чертей, металась из угла в угол и шипела, как королевская кобра, на всех подряд. Коварная Лика заметила, что злую Евку можно одну выставлять против любой вражеской армии и девушка сможет защитить честь страны. Соответственно, защита диплома не стала проблемой. Комиссия оценила напор и поставила «отлично».

Месяца через полтора после визита Андрона раздался очередной звонок. Он был самым долгожданным и оказался самым болезненным. Звонила мама, Римма Малиновская. С самых первых слов она принялась упрекать Еню в беспечности, легкомыслии и прочих бедах. Она говорила долго и с упоением, с каждым предложением вина Евгении становилась больше, а муки совести должны были придавить до смерти. За десять минут так называемого общения, Ева сказала только одну фразу: «Алло, приемная профессора Крутовского. Здравствуйте». В какой-то момент Ева просто положила трубку. Было больно и обидно, как и два года назад. Она снова почувствовала, что она никто. Казалось, что как и тогда, так и сейчас, эти странные люди решали свои проблемы, не принимая её в расчет.

День доработала, как зомби. Зато ночью наревелась всласть, так что, даже, едва слышала, как проснулся сынишка. Лика укачала Ванечку, накапала валерьянки Еве, после чего зареванная девушка снова уснула. Утром выяснилось, что она впервые за два года опоздала на работу. На полтора часа.

— По-моему, тебе пора бы уже отдохнуть. Сколько ты уже без отдыха? Два года? — выдала Лика вместо приветствия.

— Что, за опоздание мне не влетит? — попыталась перевести разговор на другую тему Ева, ссаживая с рук сына.

— Нет. Но ты сейчас напишешь заявление на отпуск вчерашним числом, я напечатаю приказ, ты отнесешь его в бухгалтерию и поедешь в тур-агентство за путевками в жаркие края, — продиктовала алгоритм действий непосредственная начальница.

— А ты?

— А мы с Мишей уже купили путевки, — заулыбалась Лика.

— Ни фиги се... Я вас поздравляю! Правда, рада за вас! А кто же в ректорате останется?

— Да Лиска и останется. И сейчас, и потом, после отпуска. Я решила уйти на ставку в педуниверситет. Мишу есть на кого оставить. Ты же не собираешься увольняться?

— Нет, я в аспирантуру иду, мне эта работа нужна.

— Во-о-от, ты будешь помощником Михаила Павловича, а Лиска у тебя на посылках, как золотая рыбка. Она уже дала добро и написала заявление.

— Я согласна, — прозвучало так торжественно, словно Ева на замужество соглашалась.

Когда зазвонил мобильник, Ева уже укладывала в чемодан последние вещи, коих оказалось не слишком много. Гораздо больше места занимали всякие подгузники, салфетки, питательные смеси и прочие необходимости для повседневной жизни малыша и его родительницы. Да и времени на шоппинг не хватило, Еньке удачно попались горячие путевки.

— Здравствуй, Ева. Это Лилия Лутак тебя беспокоит. Сможешь уделить мне пару минут?

— Здравствуйте, Лилия Валерьяновна, слушаю вас, — настроение у Евы было на подъеме, она просто излучала флюиды счастья и добра. На фоне благостного расположения духа, у неё даже вопроса не возникло, откуда у Лилии номер мобильного.

— Хотела пригласить тебя отдохнуть в горы. Ты, кажется, любила активный отдых? Вот я и хочу сделать тебе подарок на окончание университета. Вернее, я подумала, что тебе было бы полезно отдохнуть, и если ты не против, то я хотела бы сделать тебе такой подарок... — взволновано тараторила Лилия, видимо боясь, что если она вдруг сделает паузу, то её пошлют.

— Спасибо, Лилия Валерьяновна, за ваше беспокойство. Но не стоит. Я как раз упаковываю чемодан, у нас через три часа самолет на побережье. В этом году я решила отдохнуть не так активно.

— А ты давно купила путевку?

— Вчера, соблазнилась сумасшедшей скидкой на горящий тур, — на волне положительных эмоций, щедро делилась радостью Ева.

— А ты уверена, что отель достойный, и тебе не придется делить жилплощадь с местными насекомыми? — Лилия была хорошим «разведчиком» и никогда не задавала интересующие её вопросы в лоб.

— Уверена. Нам там понравится. Отель «Эдельвейс», пять звезд, отзывы только положительные. И питание, и обслуживание, и анимация... Представляете, там даже ясли есть! — тут Ева почувствовала, что увлеклась и чуть не сдала себя с потрохами, поэтому решила поскорее свернуть беседу, — Вы извините, Лилия Валерьяновна, я еще должна кое-

что собрать до приезда такси. До свидания!

— Да-да, конечно, хорошо вам отдохнуть!

«Информация лишней не бывает», — так всегда считала Лиля Лутак. И сейчас этот принцип не дал сбой. Она отметила, что Ева едет не одна, и уделила особое внимание яслям. А это у подозрительной Лилии Валерьяновны вызвало кучу новых вопросов. Планы по примирению сына с этой необычной девушкой, Лилия пока отменять не собиралась, поэтому решила разобраться в ситуации.

Лилия Лутак раскладывала очередной «пасьянс» и, уже который раз, прогоняла ситуацию снова и снова. Но картинка не хотела складываться, не хватало нескольких важных деталей, информация была неполной.

— Привет, мамочка, — голос Андрона вырвал Лилию из размышлений.

— Здравствуй, сынок. Какими судьбами к нам?

— Да вот, завез пригласительные на ежегодный Губернаторский балл. А ты что такая задумчивая? Случилось что? — отрешенность родительницы не осталась незамеченной.

— Нет, все в порядке. Я с Енечкой разговаривала, — все так же отстранено сообщила женщина.

Андрон напрягся:

— С Малиновской? — уточнил он, пытаясь спрятать свою заинтересованность.

— С Шаниной, — усмехнулась Лилия.

— И как? У неё «все хорошо, и спасибо, ничего не надо»? — не скрывая досаду, проговорил парень.

— Даже лучше. Впервые мы с ней мило поговорили, она была в настроении. И если бы не её «особое» отношение к нам, то я подумала бы, что она рада звонку.

— Даже так?

— Сама удивлена. На ужин останешься?

— Да, с удовольствием, особенно если ты подробно расскажешь о разговоре с Евгенией.

— С Евой, сын, с Евой. Запомни это, особенно, если эта девушка тебя еще интересуется.

— Запомню. Так ты расскажешь?

— Да. И, надеюсь, ты тоже будешь со мной откровенным. Пойдем за стол.

— Отца ждать не будем?

— Он звонил, сказал, что задержится.

***

— Андрон! Не юли, ты не на переговорах! Ты можешь мне подробно рассказать, что случилось вечером, накануне переезда Енечки в квартиру бабули?

Ужин уже закончился и мать с сыном снова переместились в гостиную к ломберному столику. Разговор уже шел на повышенных тонах и к развязке ни на йоту не приблизился.

— Да не помню я! — с отчаянием и в сердцах, наконец-то, признал Дрон. Женщина застыла шокированная таким раскладом.

— Мама, я, правда, ничего не помню, — уже спокойней продолжил он, — Помню, как ужинали с Борисом Малиновским, он намекал, что Еня осталась дома одна. Помню, что собирался вызвать такси, чтобы ехать домой, потому что был уже хорош, а потом ничего не помню.

— Совсем?

Андрон молчал, пауза затягивалась.

— Сы-ы-ын! — с угрозой в голосе позвала Лилия.

— Ничего... Помню утро... Как очнулся в холле у Малиновских, на полу, — Дрон молчал, Лиля ждала, — Я привел себя в порядок, вызвал такси и уехал. Все!

— А-а-а, так ты еще и «в беспорядке» был, — скорее утверждала, чем спрашивала мать, — Сын, ты скотина!

Слова эти она не выплюнула в злобе, а скорее прошептала или прошелестела, как ветер. Потом Лиля резко встала и покинула комнату. Она нашла еще несколько пазлов. Картина становилась яснее.

На следующее утро отец и сын Лутаки обнаружили в гостиной записку: «Уехала разгрести ошибки сына. Позвоню сама». Она намеренно не оставила свои координаты — не хотела, что бы за ней следом отправились её парни. А для того, чтобы убедиться в том, что она жива и здорова, достаточно телефона.

***

Лиля нашла Еву возле детского бассейна. Молодая, невероятно худая девушка выделялась на фоне отдыхающих своей белой кожей. Она стояла в смешной детской панамке по пояс в воде, и учила плавать годовалого малыша. Эти двое не нуждались в компании, им было настолько хорошо, что было даже завидно.

— Здравствуй, Ева!

— Здравствуйте, Лилия Валериановна, — напряглась девушка и начала озираться по сторонам.

— Я одна, Ева. Никто не знает, где я. И я с миром...

— Если вы сумели меня найти за день, то вас найдут еще быстрее. Да и мир от Лутаков — весьма сомнительное удовольствие.

— Ты сама мне рассказала, куда едешь. А своих я просила меня не беспокоить.

Ева вместе с сыном выбралась из бассейна, разместила на шезлонге Ванечку и сама села рядом.

— Что Вам от меня надо? А, Лилия Валериановна? Неужели, мое замужество с вашим сыном, единственная возможность решить финансовые дела такой крупной корпорации? Ну не верю я в это! Вы платите такие деньги юристам, что они в состоянии не только несколько вариантов решения вопроса предложить, но и убедить парламент в принятии новых законов. Специально для Вас! — нервно рассмеялась Ева, — Зачем вам я? Или, это такое развлечение — «сломай Еньку»? Я права? — у девушки от отчаяния начиналась истерика, — Тогда у вас получилось, а сейчас нет! Не получится! Нет больше Евгении Малиновской! Умерла! Под натиском страстного жениха и опекой заботливых родителей!

Ванечка закапризничал. Ева посадила сына на колени, прижала его к себе и стала поглаживать спинку ребенка. Реакция сына немного его отрезвила:

— Лилия Валерьяновна, будьте хоть вы человеком! Ведь вы единственная, кто пытался меня хоть как-то понять! Оставьте меня в покое, и сделайте так, чтобы ваш сын забыл обо мне. А я до своей смерти буду ставить в церкви свечу «за здоровье Лилии».

— Хорошо, Ева. Я тебя услышала. Я постараюсь сделать так, что бы ты не испытала больше ни боли, ни унижений. Если хочешь кого-то наказать...

— Да не надо никого наказывать! Вендетты мне только не хватало, — перебила она женщину, — Живите, как умеете, только без меня.

— Я поняла, Ева, поняла. Не надо никого наказывать. Я сделаю все, что бы ты была спокойна. Сюда никто не придет, обещаю. Я сегодня же позвоню мужу и скажу, что отдыхаю с подругами.

— Обещайте, что ни ваш сын, ни ваш муж, ни Малиновские не приедут сюда. Вы им не скажете, что я здесь отдыхаю, — отчаянно просила Ева, — Нам действительно нужно отдохнуть...

— Обещаю. Только позволь мне побыть эти несколько дней рядом с вами, — Лиля указала на заснувшего ребенка, — Хочу познакомиться с внуком.

— С чего вы взяли, что Ванечка Ваш внук? — все еще защищаясь, выпалила Ева.

— Он как две капли воды похож на Андрона, — улыбнулась Лиля, — Я потом тебе его детские фото покажу, если захочешь.

Ева снова окуклилась и начала строить вокруг себя стену.

— Ева, Ева, я тебе обещаю, что никто ничего не узнает! Не придумывай себе ничего, — поспешила успокоить Еньку женщина. И немного тише добавила, — Просто буду верить, что ты сама ему однажды скажешь о сыне... Если считаешь возможным. Да, и Ванечке это будет нужно.

Сердце Евы защемило. Лилия действительно была единственной во всей этой истории, кому могла хоть немного доверять девушка. Да и если у Ванечки появится любящая бабушка, будет здорово.

— Хорошо, оставайтесь. Но я вам ничего не обещаю — ни внимания, ни дружбы, ни встреч в будущем.

— Меня все устраивает, — улыбнулась Лутак. Первый бой был выигран.

— И еще, с Ванечкой будете видеться только в моем присутствии. И даже не думайте его украсть! Я лично придушу каждого, кто примет участие в этой затее!

Лиля зависла. Она и не предполагала, насколько глубоко недоверие к Лутакам.

— И в мыслях не было, — растерянно произнесла она, — Ева, неужели все так плохо? Неужели ты думаешь, что Лутаки способны на уголовное преступление?

— Лилия Валерьяновна, изнасилование является уголовным преступлением?

— Да, является...

— Тогда — да! Способны.

— Ты хочешь сказать, что Андрон тебя изнасиловал? Тогда? На даче?

— На даче Артемьева не было ничего, я уже не раз говорила об этом. Изнасиловал он меня позже. Но говорить об этом я не хочу.

— Прости, — крупная слеза покатила по щеке Лили. Это был удар под дых. Она поняла, когда это случилось, и уже представляла, как это было, — Я вырастила мерзавца...

— Лилия Валерьяновна, если вы думаете, что я куплюсь на эту театральщину, то недооцениваете меня. А если хотите отдыхать в нашей компании, то Вам лучше не затрагивать темы, связанные с Евгенией Малиновской или Андроном Лутаком ни по отдельности, ни вместе. Мы с Ванечкой приехали сюда отдыхать, а не рефлексировать.

***

Ваня Лилю признал сразу. Он таскался за своей бабулей хвостиком, постоянно норовил забраться на ручки. И плавать соглашался только с ней. Когда Ванечка просыпался, то звал свою «бабу», и только когда видел её, готов был умываться и завтракать. Из-за капризов Ванечки, женщины расставались только после того, как ребенок засыпал, а появлялась Лиля в номере у Шаниных раньше, чем просыпалась Ева.

Сначала молодую мамочку обуревала жуткая ревность, но потом она вспомнила, как легко ребенок шел на контакт с сотрудниками и со студентами, и её отпустило. А буквально через пару дней, она оценила помощь Лилии и сдалась. Правда, время от времени,

порыкивала то на одну, то на другого. Но больше так, для порядка. Лилия видела все это и принимала линию поведения Евы. А о сверх-коммуникабельности своего внука она ничего не знала, поэтому таяла от внимания Ванечки.

Лиля Лутак вообще в эти дни стала образцовой свекровью и бабушкой. Она была готова на многое, чтобы «приручить» девушку. Только доверие дорого стоило, а профуканное доверие стоило еще дороже. Вот Лилия и старалась. Только так был шанс в будущем помирить сына с Евой. А этому великовозрастному идиоту могла подойти только такая, как Ева, сильная и независимая. Другие будут сбегать на второй день после свадьбы. Да и общий ребёнок у них уже есть. Так что семья готова, осталось только собрать её, как конструктор.

С Германом Архиповичем Лилия общалась почти каждый день. Она рассказывала почти все, что происходило вокруг неё, но, как и обещала, ни разу не проболталась о своей настоящей компании. По совести сказать, Герман даже не обратил на это внимание, его даже не удивило, что его активная и любознательная, если не сказать любопытная, супруга ни разу за все время отдыха не съездила ни на одну экскурсию. Только однажды, в самом начале отдыха, Гера поинтересовался, каким образом женщина собирается разгрести ошибки сына и о каких ошибках идет речь. На что Лилия ответила:

— Ты же мне доверяешь, милый? Вот придет время, тогда узнаешь!

Зная из личного опыта, что супругу можно пытаться каленым железом, но она все равно не проболтается, Герман замолчал и больше не задавал лишних вопросов.

Отпуск Евы подходил к концу, отношения с Лилей были ровными, позитивными. Они уже давно перешли на «ты» и не разбегались по своим комнатам сразу после того, как засыпал Ванечка. Теперь вечерами обе мамы отдыхали на балконе в номере Евы, попивали красное вино, болтали о своем, о женском...

— Я поначалу очень боялась, что ты сообщишь Малиновским обо мне. Так не хотелось снова куда-то бежать, прятаться. А Ванечке просто необходимы солнце и море, чтобы зимой не болел... Жутко боялась, что Римма Малиновская приедет. Это было бы пострашнее гражданской войны, — рассмеялась Ева.

— Я же обещала, да и Римма не приехала бы, — пожала плечами Лиля, — Ты давнo родителей по фамилии называешь? Обижаясь на них?

— Давно. И никак иначе больше называть не получается. Это не обида. Обиду можно простить. Это что-то другое. Не знаю, как называется. Просто мы чужие.

— Ты преувеличиваешь, Ева. Как могут быть чужими люди, которые тебя вырастили, воспитали? Они столько в тебя вложили!

— Да, что касается финансовых вложений, тут возразить нечего. Но воспитывала и растила меня бабуля, — она замолчала, вспоминая её улыбку, — Лиля, не могут родители ненавидеть ребенка, а ребенок не может презирать родителей. Это неправильно.

— Наверное, — снова пожала плечами женщина, — Мне трудно судить. Но, кажется, ты ошибаешься.

— Насчет Риммы?

— И на её счет тоже.

— А почему ты считаешь, что она не приехал бы?

— Она на лечении.

— И что с ней? — напряглась девушка.

— Это долгая история, а я обещала тебе не поднимать темы из прошлого, — грустно улыбнулась Лиля.

— Да что уж теперь, рассказывай. Можно сначала и по порядку...

— Мы обнаружили твоё исчезновение двенадцатого августа. Я попросила, чтобы Андрон в обед заехал к тебе на квартиру. Дверь никто не открыл. Вечером тоже. Я пыталась дозвониться, но твой телефон был вне зоны доступа. Позвонили Римме. Они с Борисом съездили на квартиру и ничего там не обнаружили, даже мебели. Уже к двенадцати дня во вторник мы знали, что ты обнулила счета. Написали заявление в полицию. Там, как обычно, предложили подождать пару дней. Они сказали, что молодежь часто бежит за приключениями, а как только заканчиваются деньги, возвращаются домой.

Борис тут же нанял частного детектива, но тот тоже выдвинул версию, что ты сбежала с любовником. В пользу неё говорили снятые со счетов деньги и то, что ты не покупала билеты. То есть, либо ты затаилась в городе, либо уехала на машине. Для девушки нашего круга это не коминьфо, ты же знаешь. Можно делать много, но чтобы никто не знал. А тут все шло к оглашению.

Вот тут у Риммы и случился первый удар. Инсульт был несильный. Доктора её быстро на ноги поставили. Но Борис не на шутку испугался, поседел. Гера говорит, что если б не

работа, то Борис загнулся бы. Ты же знаешь, как он любит твою маму. Почти весь первый год после твоего исчезновения Римма провела в больницах и санаториях.

Тебя не переставали искать даже после того, как пришли отрицательные ответы на абсолютно все запросы полиции. Там же, в полиции, предположили, что тебя уже нет в живых. Но никто не хотел в это верить.

— Признаться, я очень рассчитывала на то, что вы поверите именно в это и смиритесь, — перебила Еня.

— Это жестоко, Ева, — с отчаянием расстроенной матери сказала Лиля.

Ева только хмыкнула. А женщина продолжила:

— Через какое-то время Борису принесли пакет документов, в которых говорилось, что ты отказываешься от прав на наследство. Это вселило надежду в то, что ты жива и скрываешься. Малиновский потребовал у полиции возобновить поиски. А Андрон подключил к работе еще и своего знакомого детектива. Сама понимаешь, время было упущено, многие следы были утрачены безвозвратно. Искать было тяжело.

Знакомый Дрона нашел студента-медика, который за тобой ухаживал. Вернее, сначала нашли его отца. Этот доктор предположил, что было домашнее насилие. Наехал на Бориса, как танк, — Лия рассмеялся, вспоминая сурового мужчину, который практически сумел уделать самого Бориса Малиновского, — Он ведь сохранил и фото, и видео, которые сделал его сын. Их копии выслал Борису, — Лилия замолчала.

Они обе молчали. Молчали просто потому, что боялись разреветься. Через какое-то время (и полбутылки вина), Ева спросила:

— А дальше что было?

— Нашли того студента, в полиции хотели повесить на него твое убийство. Но мальчишка умный оказался. Он фотографировал тебя каждый день и завел на тебя медицинскую карту. В ней фиксировал твое самочувствие, назначения, улучшения. На фотографиях были автоматически выставленные дата и время. Страховался, боялся, что если всплывет его самодеятельность, то из института вышибут, а ситуация оказалось еще суровой. Парня спасла его скрупулезность. Да и Борис вступился за твоего спасителя, — вспомнила женщина, — Римме фото не показывали, об изнасиловании не говорили. Просто сказали, что ты жива, здорова и любовника у тебя нет. Ей стало легче. Намного. А потом снова ничего. Тишина. Мы уже отчаялись тебя найти. Не знаю, что было бы, если б не эта ваша случайная встреча с Андроном на выставке. Ну, в общем, когда Андрон сообщил нам, что встретил тебя, у Риммы снова сердечко прихватило. Уже от радости. Борис её сразу после болезни снова в санаторий отправил, для профилактики.

— Понятно, — Еве стало не по себе. Получается, что она зря обижалась на маму за последний звонок, ее просто держат в неведении.

— Может, заедешь, проведешь старушку? — пошутила Лилия Валерьяновна.

— Хех, тоже скажешь, старушка! Да эта старушка многим сто очков форы даст... А мне там делать нечего. Тем более она так болезненно на меня реагирует. Нет, ни к чему это. Да и вообще, я ваш город не планирую посещать еще лет сорок-пятьдесят, — делано улыбнулась девушка, — Там климат для меня не подходящий.

— А о себе расскажешь? Как ты все выдержала?

— Да рассказывать особо нечего. Просто мне повезло. Встретились чужие люди, которые стали родными. Про Пащу и его отца вы знаете — это студент медик. А потом Лику встретила. Это наша помощница ректора. Она мне помогла с работой, общежитием, а потом

и с Ванечкой. Если б не она, то до диплома я точно не дотянула бы, — грустно улыбнулась девушка, — Сейчас на очереди аспирантура. Ванечку в ясли хотела отправить, но его крестный отец сказал, что его супруга, Юлия, будет сидеть с Ванечкой сколько надо. У них деток своих нет, так что Ванечка им как родной. И мелкий их обожает. Юля особенная. Один искусствовед сказал, что она живое воплощений добродетели и ее надо воспевать в картинах, — улыбалась, вспоминая комплимент Жан-Жака Де Мореля, Ева.

Сердце Лили защемило. Девушка продолжала делиться воспоминаниями и планами на будущее, а женщина переживала, что они сделали все, для того чтобы вычеркнуть себя из жизни этих двоих. Ева Шанина в них не нуждается. Не нуждается совсем.

— Ты позволишь мне приезжать к вам с Ванечкой? — резкое изменение настроения Лили Ева заметила, но не поняла причины.

— Да, но только на тех условиях, которые мы оговорили при встрече. Я не хочу снова все бросать и нестись навстречу ветру. Сейчас я не одна, у меня есть сын.

— Ева, но ведь и Андрон, и все остальные знают, где вы живете.

— Не мы, а я. О Ванечке они не знают. И не должны знать, как, впрочем, и о других подробностях моей жизни.

— Ты их никогда не простишь?

— Я их уже давно простила. Всех, — Ева подчеркнула последнее слово, — Но, в свою жизнь я их больше не впускаю.

— Я поняла, Ева. Я согласна. Вот, возьми, это Ванечке, на память, — Илья вытащил откуда-то из-под кресла фотоальбом, — У меня такой же...

Ева была против того, что бы Лиля фотографировалась с Ванечкой, лишние улики ей ни к чему. Но донести эту мысль до местного фотографа не представлялось возможным, и тот, обнаружив в Лиле благодарную, а главное, очень платежеспособную модель, стал её персональным летописцем.

— Спасибо, — смутилась Енька, — Я не против, что бы вы с Ванечкой общались. Должна же у него быть любимая бабуля, — улыбнулась Ева, теплые чувства к родной бабушке сыграли в принятии этого решения не последнюю роль.

— Это тебе спасибо, доченька, — обняла Еву женщина.

***

Прощались женщины после трех недель совместного отдыха очень тепло, по-родственному. Лиле совсем не хотелось расставаться с этими двумя. С ними она снова почувствовала свою необходимость, а к внуку прикипела всей душой. Вот уж правду говорят, что бабушки и дедушки — это диагноз. Да и Ванечка расплакался и тянул ручки к своей бабе, когда Ева уходила на посадку.

— Лиля, хотела тебя попросить об одолжении, — перед самой посадкой обратилась к женщине Ева.

— Чем смогу — помогу, — улыбнулась бабуля.

— У вас же сохранились координаты Павла? Если не сложно, передай ему вот этот пакет. Там ничего серьезного, так, сувенир и мои координаты. Если не получится, то я пойму, — поспешила на попятную девушка.

— Получится, давай сюда. Ему будет приятно. Павлу тоже ничего не рассказывать?

— Ему можно, — обрадовалась Ева, — Ну все. Пора прощаться. Доберемся, я тебе позвоню.

Последняя фраза обдала сердце женщины волной тепла. Еще одна победа. Она смотрела

им в след и улыбалась.

***

У Лилии оставалось чуть более получаса свободного времени, и она отправилась выпить чашечку кофе. Все время пути она собиралась потратить на аутотренинг. Надо было убедить себя молчать о существовании Ванечки. А рассказать очень хотелось, причем всем, всему миру. Тем более, что его любимый Гера уже несколько лет мечтал о внуках. Но женщина понимала, что, сохранив тайну сейчас, у неё есть призрачный шанс растопить сердце Евы и познакомить в будущем Германа и Ванечку. А если проболтается, то откроется совсем не призрачная перспектива потерять зародившееся доверие. Вот пришлось под дурманящий аромат кофе предаться свежее сочиненной мантре «терпение».

***

Ева первый раз возвращалась на свою новую малую родину. Она жутко волновалась, вспоминая все те «знаки», которые, как ни странно, оказались пророческими. Что будет сейчас, интересовало девушку ничуть не меньше, чем в прошлый раз. Ванечка досматривал последний сон, когда пассажиры начали благодарить за безопасный и приятный полет пилотов и бортпроводников бурными аплодисментами.

Малыш открыл глаза, но просыпаться не спешил. Так, с полусонным ребенком на руках, Ева спустилась по трапу самолета.

Город встретил Еву резкими, но не очень сильными порывами ветра; ласкающим, а не обжигающим, как на южном побережье, солнышком, и объятиями Лики и профессора Гулькевича. Все четверо сильно соскучились друг по другу и теперь суетливо обнимались, целовались в щечки и говорили приятности. Ванечка не отставал от взрослых. Когда он увидел любимых Лёлё и татя (дядю), сон как рукой сняло. Мелкий болтал на своем тарабарском и лез целоваться. Церемония приветствия настолько затянулась, что они чуть не упустили багаж.

Дома, в общежитии, Шаниных ждала Юлия Натановна Гулькевич с праздничным ужином. Надо сказать, мелкий своим рождением сумел примирить и даже объединить довольно много народа, как в университете, так и за его стенами. Среди них были и супруги Гулькевичи.

Так случилось, что высшие силы не дали им возможности иметь детей. И последние несколько лет Гулькевичи жили, как соседи. От развода их берегла только многолетняя привычка быть вместе и осуждение общественности, что плохо сказалось бы на карьере Олега Васильевича. Рождение мелкого, да еще наречение его в честь именитого деда Гулькевичей, дало возможность больше не считать себя бездетными. Ванька был принят всем семейством безоговорочно. Он был свой по дню рождения, по имени, да и просто потому, что он есть. Это было настолько естественно, что по-другому, просто, и быть не могло.

Чуть позже на огонек заглянул ректор со словами:

— В силу своей должности, я просто обязан проконтролировать своих подчиненных! — и расположился на диване рядом с Ванечкой.

— Надеюсь, ты не всех подчиненных собрался курировать, родной? — подколола его Лика и поцеловал в нос. Это казалось намного более интимным, чем поцелуй в губы.

Они уже не скрывали своих отношений от друзей, а остальные сотрудники, особенно проживающие в общежитии № 1, хоть и догадывались, но старательно делали вид, что ничего не замечают. Никто не желал нарываться на неприятности. Ректор, почему-то,

оберегал Лику, как зеницу ока.

Буквально за пару минут до того, как компания собралась за столом, вернулось с работы семейство Де Морель. Ребята продолжали работать в университете. Бутылочка молодого французского вина, которую они принесли к ужину, должна была расслабить и порадовать дам. Какой цели должны были послужить еще три бутылочки вина и бутылка виски, постепенно перекочевавшие из комнаты полуфранцузов на стол, остается только догадываться.

Весь вечер народ делился впечатлениями. Основными темами для разговора стали Крутовский и Армас. Они накануне вернулись с горнолыжного курорта и еще не успели поделиться впечатлениями. Фотографии, воспоминания, эмоции захлеб. Лика не заметила, как в пылу рассказа перебралась на колени к ректору и положила руку на плечи. Михаил Павлович обнял девушку за талию.

— Я догадывался, что вас что-то связывает. Уж слишком неординарные у вас отношения, — задумчиво сказал Олег Васильевич, — Но никак не мог предположить, что это любовь.

— Просто, Олег Васильевич, вы были ненаблюдательны. Евка нас быстро спалила, — рассмеялась Лика, — Да и большая часть универа уже давно эту новость обсуждает.

— Ева, ты знала и молчала? — не удержалась Лиска.

— Лика тоже про меня молчала. Она тоже о многом догадывалась. И ты молчала обо мне. Да и вообще, это не мое дело. Видите, прошло всего два года, и они рассказали обо всем сами, — осадил любопытную подругу Ева.

— Семь... — сказал Крутовский.

— Что семь?

— Семь лет мне понадобилось, чтобы понять, что я не имею права потерять её.

— Хотите сказать, что Вам понадобилось семь лет, чтобы понять, что вы любите Лику? — все-таки не удержалась Зайцева — Дю Морель.

— Что люблю Лику, я понял сразу, а вот на то, что не могу потерять, ушло семь лет.

— Подожди, как семь? Лика у нас работает всего четыре года... или это та самая история? — присвистнул Олег Васильевич.

Вчерашние студенты притихли, было страшно спугнуть разомлевших преподавателей. А узнать эту романтическую историю хотелось невероятно. Когда еще представится возможность узнать ректора и с этой стороны. Лиска боялась даже пикнуть, только пучила глаза и прикрывала рот ладошкой, а для неё это было поистине героическим поступком. Но мужчины продолжать не спешили.

— Да, та самая...

— Но ведь, Лика слишком молода, чтобы быть участницей той истории, — не унимался Гулькевич.

— Олег Васильевич, мне скоро тридцать, — рассмеялась девушка.

— Подожди-подожди, все равно не сходится, говорили, что та студентка была старшекурсницей с филфака и...

— Аспиранткой, — перебила Лика, — Это была я, не сомневайтесь.

— И ты защитилась?

— Угу, тема диссертации: «Эволюция и поэтика «малых» жанров в литературе северных народов».

— А почему же ты не преподаешь, а работаешь секретаршей?

— Не секретаршей, а помощником ректора. Миша без меня пропадет. Да и преподаю я. У вечерников в пед-университете зарубежную литературу читаю. У меня все под контролем, Олег Васильевич, — улыбалась во все тридцать два зуба Лика.

— Михал Палыч, а как вы поняли, что без нашей Лики не сможете? — не унималась Лиска.

— Как только лицо Лутака на выставке увидел, понял, что могу на его месте оказаться, и страшно стало... Извини, Ева...

— Угу... — Ева ошарашено осмысливала сказанное ректором. Что такого увидел Крутовский на лице Андрона, чего не увидела она, Ева?

— Мы на море отдыхали вместе с Лилей Лутак, — не к месту ляпнула Шанина.

— О, и как? — Крутовский и Армас оживились, они были рады избавиться от повышенного внимания.

Лисонька же, когда дело касалось новостей, вела себя как двухлетний ребенок, переключалась с темы на тему быстро и без сожаления. Остальные же были еще под впечатлением от услышанного, и переваривали предыдущую информацию, поэтому их реакция временно притормаживала.

— Нормально вроде. Ванечка не отлипал от неё, так и таскался за своей бабой, рассмеялась Ева, — Сейчас фотографии покажу.

— Даже так? Теперь нам следует ждать паломничества новых родственников с целью знакомства с Ванюшей? — напряглась Лика.

— Вряд ли. Лилия Валерьяновна обещала никому не говорить ни о Ванечке, ни обо мне. Почему-то, я ей верю, — подытожила девушка.

Расходились уже за полночь. С Юлией договорились встретиться через два дня, она должна была «вступить в права няни», так как у Евы заканчивался отпуск.

Лика тоже уехала, вместе с Михаилом Павловичем. Последнее время она не часто оставалась в общежитии, и с каждым разом необходимости в этом было все меньше и меньше, а большая часть вещей уже перекочевала на квартиру Крутовского.

Лилю Лутак в аэропорту встречал водитель Германа Архиповича, совсем молоденький парень, не старше двадцати.

— Добрый день, Лилия Валерьяновна! Отлично выглядите! Хорошо отдохнули?

— Добрый, Василий, — улыбнулась Лилия, — Спасибо! Отдохнула замечательно. Что там Герман Архипович? Ничего не просил передать?

— Нет, только сказал, что сам Вам позвонит. У них там какое-то совещание важное. Народу было море, поэтому и не смог ничего передать.

— Неужели внеочередное собрание акционеров?

— Не похоже, я там Малиновского видел, Эдера с зятем, короче, чужих много. Может, проект какой новый, не знаю, — болтал без умолку Василий. Водителю нравилось возить Лилию Валерьяновну, с этой женщиной можно было оставаться собой и не особо напрягаться по поводу служебного этикета. По крайней мере, к болтовне водителя женщина относилась снисходительно, — Что-то Вы больно задумчивая сегодня. Устали? Или, может, влюбились? — тараторил мальчишка.

— Влюбилась? Да, можно и так сказать, — нежная улыбка коснулась губ Лилии при воспоминаниях о внуке.

— А как же Герман Архипович? — изменился в лице Вася.

— Вася, — с упреком в голосе хохотнула Лилия, — Это не то о чем ты подумал, моему супругу ничего не угрожает.

— А-а-а, — неуверенно протянул водитель, — Ну, тогда ладно, — и замолчал до конца поездки, видимо, переваривая услышанное.

Дом встретил Лилю тишиной. Женщина осмотрелась, отнесла чемодан в свою комнату, прихватила домашние вещи и отправилась в ванную, смывать с себя дорожную пыль. Герман вернулся с работы раньше обычного, Лиля только успела после ванны сварить себе кофе, включила музыку и собиралась наслаждаться уединением.

— Здравствуй, родная! Ужасно соскучился по тебе, — чередуя слова легкими поцелуями, приветствовал супругу Герман.

— Вижу, вижу, — смеялась Лиля, — Совсем одичал без ласки.

— А ты больше не оставляй меня так надолго. Подумать только, три недели! Ты раньше без меня никогда не уезжала дольше, чем на неделю. Расскажешь, кто там тебя задержал?

— Почему «кто», а не «что»?

— Разведка донесла, — неуверенно улыбнулся Герман.

— Уволью твою разведку, если будет много болтать, — рассмеялась Лиля.

— Так ты расскажешь? — еще больше занервничал мужчина.

Рассказывать придется. Иначе Герман понапридумывает себе всяких глупостей, а потом еще и дел наворотит. Говорят, когда просыпается ревность, разум засыпает. Лилия по молодости уже сталкивалась с этим в своей семейной жизни. Одновременно, она подумала, что дела складываются как нельзя лучше: она не проболтается, а расскажет о внуке под давлением обстоятельств. Совесть обрадовано встрепенулась.

— Сначала ты пообещаешь держать себя в руках и ничего не предпринимать, чтобы ты ни услышал, это раз. Потом, ты пообещаешь, нет, поклянешься, никогда и никому не

рассказывать о том, что услышишь, — с каждым словом Лилии Гере становилось страшнее и страшнее.

— Ты кого-то убила? — неудачная шутка помогла сохранить мужчине самообладание.

— Старый дурак! — возмутилась женщина, — Жди, — и она вышла из гостиной.

Через несколько минут Лилия вошла обратно с фотоальбомом в руках:

— Я обещала, что об этом, — Лилия потрясла альбомом, — Не узнает никто. Особенно Андрон и Малиновские, но скрыть от тебя выше моих сил. Поэтому обещай, что никому ничего не скажешь, особенно сыну, да и Боре с Риммой тоже.

— Хорошо, — немного сомневаясь, пообещал Герман. В конце концов, супруга его ни разу не обманула и поводов сомневаться в себе не давала.

— Тогда смотри...

Супруги проболтали до позднего вечера. Пиджак валялся на полу рядом с диваном, галстук там же. Ворот рубашки расстегнут, рукава закатаны, ремень ослаблен. Глаза этого громадного мужчины горели, как у ребенка в предвкушении праздника. Ужин был благополучно забыт, на журнальном столике остались нетронутыми вино и сыр. А Гера и Лилия говорили и говорили. Мужа интересовало все о Ванечке: рост, вес, цвет глаз, характер, как принял бабулю, какие слова уже говорит, что любит. Герман был счастлив до бесконечности.

— Лилёчек, ты должна что-нибудь придумать. Как-то убедить Енечку... Ты уже отдыхала с Ванечкой, я тоже хочу познакомиться с наследником.

— Обязательно, родной. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

На следующий день, вдохновленная поддержкой супруга, Лилия приступила к активным действиям.

Сначала она заехал к Паше, передала привет от Евы. Он по-прежнему работал на скорой, заканчивал институт. Эта встреча хоть и была наполнена радостью, но много времени не заняла.

Потом направилась к Малиновским. Лилия понимала, что восстановление мира в семье, а она уже считала вопрос об объединении двух семей решенным, дело весьма сложное, скрупулезное, сродни политической игре на высшем уровне. Действовать, зная характер Бориса, предстояло осторожно, поэтому не мешало заручиться поддержкой Риммы.

Римма Малиновская после исчезновения дочери стала малообщительной, даже замкнутой. Она практически перестала посещать официальные и публичные мероприятия, да и приятельниц старалась игнорировать. Даже в салоны красоты записывалась на время, когда шансы встретить знакомых были равны нулю.

Сначала все мысли женщины бала заняты тем, что семья попала на острый язычок сплетникам. Даже в какой-то местной желтой газетенке проскочила статейка, полная вульгарных намеков. Но дальше этого не пошло. Потом несколько, теперь уже бывших подруг, посвятили женщину в свои бредовые фантазии. Римме было стыдно. Она боялась, что эта история может сильно навредить супругу. Римма накрутила себя так, что после общения с одной из самых рьяных сплетниц, даже слегла с инсультом. Она просто мечтала, что когда найдется дочь, она ее собственноручно выпорет. Но время шло, а дочь не находилась. И, вот тогда-то до нее стало доходить, что вполне возможно, что она потеряла дочь, как уже теряла сына. Ей стало страшно. Страшно по-настоящему. Она еще больше замкнулась и перестала с кем-либо обсуждать эту тему. Но уже не из-за осуждения со стороны сплетников. Она боялась накликать беду. Да и просто не желала пустой болтовни и

лживого сочувствия.

Лилю она встретила не особо приветливо. Уже много месяцев подряд, ей хотелось уединения, а эта женщина была непосредственной участницей трагических для Малиновских событий. И теперь снова бесцеремонно вторглась в его личное пространство.

— Здравствуй, здравствуй, несостоявшаяся родственница, — сарказма было больше, чем положено.

— Перестань, Римма! Не надо со мной разговаривать, как с циничной дурой. Эта история касается и моей семьи.

— Тебя-то каким боком?

— Если помнишь, с моего сына все и началось.

— Брось, Лиль. Он уже и не помнит ничего. Наверное, уже подыскал себе достойную партию взамен.

— Ошибаешься...

— Вот как? И что мешает? — почти равнодушно спросила Римма. Привычка не оставлять без ответа нападки осталась еще со старых времен.

— Не важно. Главное, что Андрон не собирается отказываться от Енечки. А мы с Герой его полностью поддерживаем, — немного пафосно выдала Лиля.

— Как дети, честное слово... Мы уже попробовали её заставить, ты знаешь, что получилось. Попробуете еще раз надавить, снова сбежит. Не надо из моего ребенка добычу делать. Она и так уже всех нас ненавидит, — боль матери звучала в каждом слове.

— Ты не так все поняла. Заставлять никто не собирается. Да и Енечка не способна ненавидеть. Поверь, у неё слишком доброе сердце. Я хочу все сделать для того, чтобы она смогла простить нас. Чтобы, наконец, изменилось её отношение к нам, к Андрону, к браку с ним.

— Да она разговаривать ни с кем не станет. Я звонила ей. А она только молча слушала... А может только делал вид, что слушала... А потом трубку положила. Даже «Д свидания» не сказала, — с какой-то неподдельной тоской рассказывала Римма, — Я хотела съездить к ней, поговорить лично, с глазу на глаз. Но Боря не пускает — боится, что мне снова плохо станет... Я соскучилась, веришь? — в уголках глаз у женщины заблестели слезы.

Лиля накапала успокоительное, дала его Малиновской.

— Римма, тебе действительно надо заняться здоровьем. Нельзя же так реагировать.

— Я уже теряла ребенка...

— Не складывай все яйца в одно лукошко! — рыкнула подруга, — Тогда ты не могла ничего изменить, а сейчас все в наших руках!

— Боря от меня всю информацию скрывает, думаешь, я не знаю? А я потом сижу и догадываюсь по обрывкам фраз... Что в таких условиях я сделать могу? Еще дров наломать?

— Придумываешь, а не догадываешься. Ты действительно не все подробности знаешь, только основное. Енечка жива, здорова, закончила университет.

— Правда, что она имя поменяла?

— Да, — Римма всхлипнула, Лиля напряглась. Пауза затягивалась.

— Её теперь Евой зовут, — Римма молчала, сказать было нечего, Лиля продолжила, — Я виделась с ней на прошлой неделе, мы случайно встретились...

Лиля рассказывала долго, тщательно подбирая слова. Она боялась за здоровье подруги и опасалась нарушить данное Еве обещание. Римма молчала. Временами казалось, что она внимательно слушает, временами она уходила в себя. Взгляд становился мутноватым и

расфокусированным. Но, вроде, все получилось. К концу монолога у Риммы лицо стало светлее, в глазах появилась надежда.

— Думаешь, она сможет простить?

— Угу, просто сейчас она еще обижена и напугана. Все еще боится давления. Ей надо дать время. Нам это время тоже нужно, чтобы Бориса успокоить, самим подумать, что делать, чтобы дров не наломать. И займись, в конце концов, всерьез своими нервами. Ведь если очередная новость о дочери тебя уложит в больницу, Борис не позволит даже имя девочки упоминать в твоём присутствии.

— Да-да, — закивала, как китайский болванчик, Римма, а потом почти шепотом добавила, — Если ты сможешь вернуть мне дочь...

— Не болтай ерунды, мы вместе её вернем. Вместе напортачили, вместе и разгрести придется, — перебила он подругу, а сама подумала, что довольно быстро обрастает союзниками.

Через несколько дней Римма Малиновская набралась храбрости и позвонила дочери. Текст она составляла целый день. Перечитывала, вычеркивала, дописывала, в общем — переживала. Теперь это был не монолог. В её спич прокрались несколько вопросов. Когда в конце разговора Римма положила трубку, она была счастлива — дочь с ней общалась целых десять минут.

Андрон возвращался домой с деловых переговоров из одной из восточных стран. Поездка оказалась тяжелой. Концерн Андрона был ориентирован на западные традиции, теперь же приходилось полностью подстраиваться под чужой менталитет. Его потенциальные партнеры тоже никогда не сотрудничали с западом, даже косвенно. Временами казалось, что они впустую тратят время, и договориться не получится. Но желание обеих сторон добиться цели принесло свои плоды. Правда, ради этого Лутаку пришлось провести за границей больше месяца. А уже через пару недель после возвращения, он должен будет встретиться в родном городе партнеров, прилетающих с ответным визитом.

Прямых рейсов в родной город Лутака не было. Зато было несколько с пересадками в более крупных. Одним из них оказался город, в котором сейчас жила его Енька. Мужчина решил, что самое время заехать к ней в гости и, наконец-то, попытаться нормально поговорить. Андрон уже давно собирался встретиться с девушкой, но, то не было времени, то духу не хватало. Все-таки накосячил он будь здоров.

Лутак зашел в магазин, купил бутылку легкого вина, фруктов, и еще кое-чего, больше похожего на закуску, чем на еду. Он тщательно выбирал продукты, вычитывая на упаковках даже самую незначительную информацию. При этом если б его спросили, что лежит в тележке, вряд ли он назвал бы больше одной покупки. Он не оттягивал встречу, скорее собирался с духом.

Андрон был буквально в ста метрах от общежития, когда увидел Еву. Молодая женщина шла в сопровождении высокого стройного парня. Она увлеченно болтала, улыбалась и, временами, когда попадался особенно скользкий участок тротуара, цеплялась за руку спутника. Тот старался вести себя нейтрально, по-дружески, но взгляды, бросаемые украдкой, были весьма красноречивы. Енька ему нравилась. Он ее хотел.

Ревность ножом полоснула по сердцу Лутака. И он с трудом давил желание врезать по этой счастливой белобрысой роже, которая любезничала с его Енькой. Андрон остановился около киоска с прессой и уставился невидящим взглядом на прилавок. Счет от одного до сотни и обратно, которым Дрон пользовался, чтобы успокоиться, постоянно прерывали непрошенные мысли. Они больно ранили душу и уродовали лицо: лоб нахмурен, ноздри раздуты, губы нервно закушены. Действовать наскоком было нельзя. Уже доскакался. А по-другому он в личной жизни не умел. На работе, с чужими людьми, пожалуйста, а с близкими не получалось. Андрону казалось, что дипломатия в семье сродни обману. Близкие люди должны знать все, без прикрас и лишней, отвлекающей мишуры. Именно сейчас он почувствовал, что где-то в его убеждения закралась ошибка.

Постояв еще какое-то время у киоска и, дав себе успокоиться, мужчина решил, что принимать поспешных решений не будет, но белобрысого обломает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Андрон постучал, звук показался оглушающим и резким. Дверь открылась почти сразу.

— Здравствуй, Ева, — Лутак выдал в одной улыбке все обаяние, на какое только был способен в этот момент.

— Здравствуй, чем обязана? Надеюсь, ты не мириться? — ухмыльнулась девушка

— Я с миром, а там как ты решишь... Пустишь?

— Проходи в комнату, помнишь куда? Я сейчас... — Ева посторонилась и указала рукой на дверь гостиной. Устраивать сцены в коридоре на потеху публике не хотелось. Потом закрыла дверь в блок и побежала наверх.

Андрон вошел в комнату. На диване в расслабленной позе, как у себя дома, сидел белобрысый и смотрел новости. Он повернул голову, приветливо улыбнулся:

— Здравствуйте, вы в гости? Я Максим. Располагайтесь — протянул правую руку для пожатия парень, а левой сделал хозяйский жест в сторону кресла.

Андрон руки не подал и не дал продолжить:

— Ты кто? И что здесь делаешь?

— Савушкин Максим Андреевич, друг Евы, — принял вызов белобрысый и нахальнo усмехнулся. Он был уверен, что у него больше прав находиться здесь, чем у Андрона, — А ты кто?

— Так вот, Максим Андреевич, Ева моя невеста. Поэтому собирай в кулак все свои фантазии и чеши отсюда. Два раза я предупреждать не привык, — жестко заявил Лутак. Вид у него был решительный, не поверить такому было сложно. Времени, разводить политесы не было, в любую минуту могла вернуться Ева.

— Жених, ты хоть в курсе, что у неё есть ребенок? — попытался осадить конкурента Савушкин.

— Это мой сын. Вопросы? — Андрон буравил соперника взглядом. Слова Савушкина о сыне он всерьез не воспринял. Сам на переговорах использовал этот прием — оглушить шокирующей информацией, а потом, пока оппонент приходит в себя, повернуть ситуацию в нужное русло. Но выводы о характере парня сделал, — Тебе лучше уйти, — повторил Лутак.

Блондин, нехотя поднялся с дивана, посмотрел в глаза, хмыкнул и вышел даже не хлопнув дверью. Через пару минут в гостиную вошла переодетая девушка. В руках у неё был поднос с чайником и чашки:

— А где Максим?

— Ушел. Давай поднос, — кинулся с помощью Андрон.

— Что ты ему сказал? Опять гадостей наговорил? — начала заводиться Шанина.

— Клянусь, ни одного грубого слова! Только правду! — в голосе ни сожаления, ни извинений.

— И он ушёл, — со скепсисом в голосе проговорила Ева, — Представляю, какую правду ты ему сказал.

— Я только ответил на его вопросы. Енька, я обещаю тебе, что больше не причиню тебе боли. Я готов все что угодно сделать, лишь бы тебе во благо, — а вот эти странные, просящие интонации Ева слышала впервые.

— А ты уверен, что у нас одно и тоже представление о моем благе?

— Я на это надеюсь...

— Тогда ты не хуже меня должен понимать, что мое благо заключается исключительно в твоём отсутствии.

— Как раз этого обещать не могу. Я не могу оставить тебя. Это выше моих сил... — в голосе Андрона слышался какой-то надрыв, — Когда ты рядом меня окутывает умиротворение и спокойствие. Неужели ты думаешь, что я смогу отказаться от этого? — он взял девушку за руку, немного притянул к себе и пристально посмотрел в глаза, — Енечка, милая, я ни с кем, кроме тебя, не испытывал таких эмоций...

— А я такой боли... — Ева даже не пыталась отстраниться. Мужчина больше не

вызывал в ней страха и других неприятных чувств, — Андрон, я не смогу быть рядом с тобой. То, что произошло в доме родителей, никуда не исчезнет, и всегда будет стоять между нами.

— Евушка, ты только прости, я смогу сделать тебя счастливой, — в словах Андрона было столько мольбы, что сомневаться в его искренности не приходилось. Это повергло Еву в шок. Она все-таки отстранилась, подошла к столу, налила себе чая.

— Давно простила. Только ни поверить, ни довериться не смогу. Ты просишь слишком много.

Разговор не клеился. Андрон пытался извиниться, что-то объяснить. Девушка прерывала его, не хотела слушать. На вопросы Ева отвечала односложно, сама ни чем не интересовалась. Примерно через час, когда должны были вернуться с прогулки Юлия с Ванечкой, девушка занервничала и стала намекать, что Дрону пора восвояси.

***

Дрон шел в сторону стойки регистрации и пытался оценить ситуацию. О каком ребенке говорил этот белобрысый? Хотел напугать? «Смешно же я выглядел, когда признавался в отцовстве, если ребенка на самом деле нет. Хотя, был же какой-то ребенок, когда я первый раз пришел к ней в общежитие. Разве это не ребенок ее подруги, Лики, кажется. Надо будет озадачить своего сыскаря. В любом случае, у меня появился шанс. Даже если Ева это отрицает, или не понимает. Она не выгнала меня и даже вытерпела мое почти часовое присутствие. Она не боялась, не шарахалась от прикосновений. Успех надо будет закрепить», — размышлял Андрон.

Через две-три недели, после завершения сделки с восточными друзьями, Андрон снова планировал приехать в гости и познакомиться с ребенком, если тот все-таки существует. Вопрос о том, кто может быть отцом ребенка, так и не посетил светлую голову одного из успешнейших предпринимателей. Его это, почему-то, совсем не волновало. Гораздо важнее было получить прощение и сделать Еньку своей. Последнее было сродни навязчивой идее, Дрон чувствовал на каком-то мистическом уровне, что Евгения-Ева создана высшими силами для него.

Впервые его мысли были заняты не работой, а девушкой и личной жизнью. Лутак сел на свое место в самолете и пристегнул ремни. Как взлетали, он уже не помнил — крепко спал. Эта встреча с Евой стала для Дрона своего рода освобождением. Он как будто сбросил пелену с глаз и окинул мир новым взглядом. Было ощущение, что он что-то принял, для чего-то открылся, от чего-то освободился. Мужчине стало легче.

***

Ева встретила Савушкина на следующий день на работе почти случайно. Максим зашел забрать корреспонденцию для своей кафедры.

— Макс, почему ты вчера ушел? Что-то случилось?

— Твой жених попросил, — обиженно выдал мужчина.

— Мой жених?

— Ну, тот парень, вчерашний. Сказал, что он твой жених, а потом попросил уйти, — немного капризно рассказывал блондин.

— Понятно. А поговорить со мной ты не захотел? — Ева всерьез обиделась.

— Я хотел это сделать сегодня, без свидетелей и, желательно, без сцен. Если он не жених, тогда кто? Я слушаю.

Такая постановка вопроса еще больше озадачила Еву, но ссориться она была не намерена:

— Он мне не жених. Давний знакомый. Ты это хотел услышать? Подробностей не будет. Не люблю вспоминать.

— Ты должна была рассказать мне раньше.

— Что рассказать? — начала заводиться Ева.

— Что отец Ванечки время от времени заезжает к вам в гости. Знаешь, мне было неприятно столкнуться с твоим бывшим любовником, — отыгрывался за вчерашнее унижение парень.

— Я не предполагала, что Андрон придет в гости. Да он вообще, он не знает, что у меня есть ребенок!

— Знает, — слегка побледнев, сказал Максим.

— Что ты имеешь в виду? — напряглась девушка.

— Ты что, не поняла? — пытался вывернуться Максим. Девушка напряженно молчала, догадываться сил не было, она ждал объяснений, — Ну, когда он сказал, что он твой жених, я уточнил, знает ли он, что у тебя есть ребенок и он сказал...

— Ты!... Ты!.. Вот какого ты ему наболтал?! — отчаяние, ощущение надвигающейся катастрофы и личного апокалипсиса обрушились на Еву в одно мгновение, — И после этого ты считаешь, что я должна всем о себе рассказывать?

— Ну почему всем? Я надеялся, что ты выделяешь меня из общей массы.

— Выделяла, но это не помешало тебе трепаться с первым встречным обо мне...

— И что теперь?

— А что теперь? — она и сама пыталась понять это, — Время покажет. Еще сегодня утром я считала, что ничего ужасного в визите Андрона нет. Теперь не уверена...

Разговор им продолжить не дали. Из кабинета быстрым шагом вышел Михаил Павлович:

— Ева, меня нет. Там надо со списками студентов и ведомостями разобраться — ты сообразишь...

— Михал Палыч, вы вернетесь сегодня?

— Нет, не знаю... Я позвоню.

— Здравствуйте, профессор, — поздоровался Савушкин.

— Здравствуйте, Максим Андреевич. Если у Вас что-то срочное, то сегодня ничего не получится, лучше отложить до завтра.

— Нет-нет, все в порядке, у меня к Еве было пару вопросов, но уже все решено.

И оба мужчины покинули приемную. Настроение у Евы окончательно испортилось. Она, конечно, понимала, что наличие ребенка создает определенные трудности в отношениях с другим мужчиной, но разговор все равно выбил её из колеи.

Вернулась Лисонька. Она бегала в кофейню за пахлавой для Евы и бисквитиками для себя.

— Прикинь, студенты наглые пошли. Даже без очереди не пропускают! Я им говорю: «Вот придете вы ко мне хвостовки подписывать, я вам все припомню», а они только ржут, как кони. Говорят, что постараются избежать этой участи. Ага, типа они не знают, что от сессии сбежать можно только в солдатских берцах. Еле пробилась. Если б бариста новенький работал, точно пришлось бы в очереди стоять.

— Какая-то ты взвинченная сегодня, Лиска.

— Не будешь тут взвинченной... С утра с Николашкой поцапались. Ну, что ему надо? Не, я, главное, ему утром даже секс в ванной предложила, а он психовать начал...

— Лучше б ты ему завтрак предложила.

— Думаешь?

— У тебя будет время проверить, давай сейчас ведомостями займемся, Крутовский просил.

— А кофе?

— Я могу выпить, — вклинился в разговор только что вошедший студент в дорогом прикиде.

— Тебе не поможет, — спокойно парировала Лиза, — И вообще, в разговор старших больше не влезай.

— А то что? — принялся дерзить парень.

— А то из мажоров исключат. Ну, зачем пришел?

Дальше работа закрутилась в обычном режиме. Ближе к обеду дверь в приемную широко распахнулась и сотрудники вместе с посетителями смогли лицезреть ректора, держащего на руках Лику Армас. Лика помахала оцепеневшей публике букетом и крикнула:

— Поздравляйте нас! Мы поженились! — и Михаил Павлович торжественно перенес через порог молодую жену.

Не сказать, что народу в ректорате было полно. Скорее, как обычно в это время. Кроме секретарей, девушка из канцелярии, проректор и насколько студентов, не больше трех. Но громкое «Ура!» грянуло как на параде. Из коридора аж начали заглядывать проходившие мимо студенты. Пока чете Крутовских говорили здравицы и целовали щеки, успел набежать народ, а какие-то студенты занесли в приемную шампанское и торт.

Дверь в ректорат оставили открытой, потому как её хлопанье достало всех уже через десять минут. Казалось, что народ шел практически непрерывным потоком. К тем, кто по делу, добавились желающие поздравить ректора и Лику. Новость разнеслась по университету мгновенно. Торт супруги торжественно резали ножом для бумаги, под вспышки камер мобильных телефонов.

— Скажи-ка, дорогая моя подруга, как так получилось, что о вашей свадьбе никто не знал, даже члены «профсоюза»? — допытывалась Лиска у счастливой невесты, когда та сумела выбраться.

— Зайка, не поверишь, сама узнала только перед входом в ЗАГС... — делилась впечатлениями счастливая Лика, — Мы с утра поссорились, я даже вещи свои начала упаковывать, думала, что всё, съезжать пора, а ближе к обеду Миша позвонил, пригласил меня в ресторан пообедать, сказал, что заедет за мной через час. Я даже собираться толком не стала, думала, что он хочет поговорить на нейтральной территории, обсудить то, что с нами происходит. А он в ЗАГС меня привез.

— Так ты без обеда осталась?

— Да. Миша предлагал потом в заехать отпраздновать, но я решила, что вы должны первыми узнать эту новость. Мы только заскочили в кондитерку на площади за тортиком и шампанским и сразу сюда! — щебетала Лика. Складывалось ощущение, что в качестве расплаты за подпись в ЗАГСе половину мозгов у нее отобрали.

— Правильно решила. У нас тут салатик есть, бутербродики... — одобрила Лиска.

Через полтора часа Лика стала нервничать. Шампанское закончилось, а вот коллеги нет. Каждый норовил выпить с ректором, поэтому на столе начали появляться и другие, не предусмотренные регламентом, напитки. У бывшей секретарши были свои планы на этот вечер, лишний алкоголь в них не входил. И она, включив женское обаяние на полную

катушку, утащила супруга домой задолго до конца рабочего дня.

Отпраздновать в компании близких друзей и членов «профсоюза» решили в ближайшие теплые выходные за городом. Другими словами, «свадьба» откладывалась на весну. При чем позднюю.

Радостная суматоха отвлекла Еву, но мыслями время от времени она возвращалась к Максиму. Савушкин в течение дня больше в ректорат не заходил, даже, чтобы поздравить ректора. Задерживаться на работе секретарь не стала и сразу поехала к Гулькевичам за Ванечкой.

Юлия уже была в курсе событий и потребовала от Евы подробностей. Время за болтовней и ужином пронеслось незаметно. Домой Шанины приехали ближе к девяти, да и то потому, что мелкому пора было укладываться. Они подошли к двери, когда Максим уже собирался уходить.

— Привет, — облегченно вздохнул Савушкин, — Я думал, что ты обиделась и поэтому не открываешь.

— Я за Ванечкой ездила. Зайдешь?

— Зайду... Чем помочь?

Домашние хлопоты, семейные заботы. Это через пару лет совместной жизни они превращаются в рутину, когда один из супругов начинает отлынивать, потом критиковать, а уж под занавес — требовать не пойми что. Вначале же, даже вытирание пыли становится романтическим занятием. Один считает, что ему представился шанс примкнуть к сакральным действиям. Второй, что партнер, принимая на себя груз даже таких маленьких проблем, берет на себя и его защиту.

Вот в этом полном благости заблуждении и пребывали весь вечер Ева с Максимом. Неловкость из-за утреннего разговора сменилась радостью от совместного занятия бытовыми мелочами. Ближе к ночи, когда Ева укладывала сына, Максим приготовил ромашковый чай, накрыл столик в гостиной, включил нижний свет и музыкальный канал по телевизору.

— Что, все новости на сегодня закончились? — пошутила Ева, кивая в сторону телевизора.

— Не хочу отвлекаться, — Максим подошел к Еве, взял её за плечи и посмотрел в глаза, — Ева, я был не прав, просто не ожидал, что... — мужчина подбирал слова, но, похоже, что они все от него попрыгали, — Не важно. Больше я так не поступлю. Обещаю. Просто я хочу быть рядом с тобой...

Это было так трогательно и долгожданно. Сердце замирало от счастья и предвкушения. Ева не стала дослушивать и сама потянулась за поцелуем. Поцелуй получился то ли страстным, то ли властным, со стороны Макса, и ужасно мокрым. Холодные губы Максима терзали губы Евы и не вызывали никаких ощущений. Весь романтический настрой сразу прошел. Отстранились друг от друга они одновременно:

— Ева, что-то не так?

— Наверное, я поспешила, давай не будем торопиться. Дай мне время.

— Хорошо, как скажешь.

Потом они, обнявшись, сидели на диване — пили чай, болтали о работе, женитьбе ректора, других новостях. Но к близким отношениям в этот вечер больше не возвращались.

Вопреки заведенной традиции, Андрон спешил из аэропорта домой к родителям, а не на работу. Ему был необходим совет. Надо было поделиться, проговорить все увиденное, услышанное, додуманное. Единственными, кому Андрон доверял безоговорочно, были родители. Звонить и предупреждать о своем визите он не стал. Даже если родителей еще нет дома, он воспользуется временем до их возвращения и приведет себя в порядок.

Так и случилось. Лиля вернулась домой, когда Андрон, посвежевший после душа, и переодевшийся в домашнее, сидел в кресле в гостиной. Он рассматривал фотографию, выпавшую из романа, брошенного на диван. Это было фото Лилии и Евы на отдыхе.

— Что это?

— Фотография, сынок.

— Я вижу, что не открытка. Ты отдыхала вместе с Женечкой Малиновской, а мне ничего не сказала.

— А разве я должна отчитываться перед тобой, сын? Это мое дело, с кем и где я отдыхаю. А эту девушку зовут Ева Шанина, а не Евгения Малиновская. Именно потому, что я с ней отдыхала, и не сказала об этом ни тебе, ни кому бы то ни было еще. Мой тебе совет, займись лучше своими делами.

— Все равно, Шанина или Малиновская, мы говорим об одном и том же человеке. Ты общаешься с моей невестой и не считаешь нужным говорить мне об этом? Мама, неужели тебя не беспокоит счастье сына?

— С бывшей невестой, сын, с бывшей. А свое счастье ты сам проимел, во всех смыслах. Не веришь? Тогда посмотри еще и вот эти фотографии, — довольно резко ответила Лиля и бросила на стол конверт.

Андрон вынул из конверта фото, он уже видел их больше двух лет назад.

— Ты хочешь сказать, что это сделал я? — убитым голосом спросил парень. Ответ ему был не нужен. Он давно догадывался, что накануне побега девушки он, Дрон, сделал что-то ужасное. Только никак не мог вспомнить что. Теперь выяснил.

Мать молча смотрела на сына. Говорить она не могла, казалось буря в душе, рождавшаяся каждый раз, когда она видела эти фотографии, передавила горло. Каждый раз, когда Лилия вспоминала об этой трагедии, она была готова разрыдаться. Столько времени уже прошло, но она так и не смогла принять и пережить это. Казалось, что Ева и то спокойнее относится к своему ужасному прошлому.

— И что мне делать?

— Живи, сын. Ты уже достаточно сделал. Больше не усугубляй. И запомни, будешь портить жизнь девушке, прокляну!

— У Енечки есть ребенок? — гом в горле мешал говорить.

— Сын, тебя не должно это интересовать. Забудь о ней.

— Почему ты не хочешь мне ответить? Наказываешь меня так? Или ты тоже считаешь, что мы не пара? Её отец, например, считает, что Женька меня не достойна, — взрослый мужчина почти срывался в истерику, но старался этого не показать.

— Это ты посчитал, что она тебе не пара и очень наглядно это продемонстрировал. А не рассказываю тебе о ней только потому, что обещала Еве не обсуждать её и её личную

жизнь с другими людьми.

— Даже с собственным сыном? — едко, но с отчаянием, ухмыльнулся Андрон.

— Особенно с сыном, — ответила Лиля, пристально глядя в глаза Дрону, — Андрон, я не шучу. Ты достаточно поиздевался над девочкой, и больше не смей.

— А если я её люблю?

— Не ёрничай, — рывкнула Лиля, — Плохая тема для шуток!

— Кто бы шутил! Её запах меня буквально преследует, а глаза каждую ночь во сне вижу, — прошептал Дрон, но мама его услышала. Разговор продолжать не имело смысла. Каждому надо было обдумать произошедшее.

— Ты зачем заходил-то? По делу, или просто проведать? — спустя какое-то время спросила Лиля.

— Соскучился, да и с отцом поговорить собирался.

— Тогда оставайся на ужин. У тебя на вечер ничего ведь не запланировано?

— Останусь... Мам, а ты совсем ничего не хочешь говорить о Женечке? То есть о Еве?

— Я ей обещала.

— И что, даже про ребенка не ответишь?

— Сын, прошу тебя последний раз, не заводи со мной разговор о Еве. Во-первых, повторяю, я ей обещала не обсуждать ни её, ни её жизнь. Во-вторых, не терзай себя мыслями о ней, она сказала, что тебя не примет. Девушка хочет забыть свое прошлое и все, что с ним связано, насколько это возможно. А в-третьих, если бы ты хотел что-либо знать о ней, то узнал бы сам. Координаты у тебя есть.

Андрон улыбнулся. Его мама никогда ничего не говорила и не делала просто так. Дрон решил, что это был намек. Парень почти не ошибся. Лиля на самом деле целенаправленно строила этот разговор, только цель его была другая. Надо было разбудить чувства сына, вытащить его из полумеханического существования, в котором он пребывал уже довольно долго. Вытащить из того страшного мира, где правят только деньги и где даже самые сильные люди легко теряют свои души. Поэтому методы были довольно жесткие. Своего рода шоковая терапия.

Дрон остался ночевать в доме родителей. На следующий день ему не надо было спешить в офис с самого утра. Была суббота, отчеты были готовы. Все остальное легко решалось по телефону. Утром, привыкший рано вставать мужчина, из последних сил изображал отсыпавшегося сына. Живот скулил от голода в попытках разжалобить хозяина, мочевого пузырь грозился осрамить брутального самца, нетерпение зашкаливало. Наконец, Дрон увидел в окно фигурку своей мамы. Лиля садилась в машину. Мужчина выскочил из добровольного заточения. Туалет, завтрак, комната мамы. Или туалет, комната мамы, завтрак. Короче, надо забрать себе вчерашнее фото, где Ева смеялась, а её глаза светились счастьем.

Улов оказался богаче. В прикроватной тумбочке Дрон обнаружил целый альбом с фотографиями Лилии, Евы и маленького мальчика, который на разных фотографиях обнимал то Лиллю, то Еньку. Мужчина запойно рассматривал фото. Часа через два, его отвлек звонок телефона. Поговорив, он вытащил из пластикового карманчика самую красивую фотографию. На ней в бассейне в брызгах воды смеялись двое — Ева и их с Дроном сын. В том, что это его сын, мужчина не сомневался ни мгновенья. Положил альбом на место и отправился по делам.

Две с половиной недели до запланированной встречи с Евой Андрон еле продержался.

Несколько раз ловил себя на том, что просматривает расписание самолетов и собирается в аэропорт. Останавливали Лутака лишь срочные дела и запланированная встреча с восточными партнерами. Да то фото, которое Андрон прихватил из альбома матери. В самые напряженные минуты Дрон мысленно разговаривал со своей женщиной. Ему даже фото не надо было доставать, он помнил её лицо в мельчайших деталях. В конце концов, он все-таки забронировал себе билеты. После этого ожидание стало легче.

В этот раз, чтобы появиться перед Евой, Андрону не пришлось долго настраиваться. Ноги сами несли парня. «Хорошее время, малой скорее всего спит. У нас будет около часа для разговора. Жалко только, что подарки не сразу ему подарю. Только бы Евушка меня не выгнала», — размышлял Дрон.

Ева открыла дверь, не озвучив традиционный «ктотам». Видимо кого-то ждала. Она, молча, смотрела на Дрона, коробку с тортом и сумку.

— И снова здравствуйте. Что на это раз? — неприветливо встретила Ева.

— Просто в гости. Захотел тебя увидеть. Очень, — постепенно продвигаясь в комнату, говорил мужчина.

— Извини, Андрон, у меня на сегодня встреча с тобой не запланирована. Поэтому чаепитие переносится в твой гостиничный номер и, увы, без меня. Найдешь себе компанию сам, большой мальчик, справишься, — уже злилась Ева, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля.

— Жаль. Тогда хотя бы послушай. Я уже давно должен был прийти к тебе просить, молить о прощении, но видимо я трус. Я догадывался, что чем-то обидел тебя тогда летом, но даже представить не мог, что я натворил...

— Это все? — грубо перебила Ева, — Андрон, я простила, забыла и все такое. Можешь жить с чистой совестью. У меня нет к тебе никаких претензий, так что, пока! Счастливо! У меня и, правда нет времени, тебе лучше уйти и...

Стук в дверь прервал Еву, она чертыхнулась и побежала открывать.

— Здравствуй, Евгения, — из коридора донесся голос Бориса Малиновского.

— Здравствуйте, господин Малиновский, и до свидания. Прошу прощения за грубость, но сегодня у меня не приемный день.

— Ты что себе позволяешь? — шокировано рыкнул Борис Васильевич.

Из общей комнаты вышел Лутак:

— Здравствуйте, Борис Васильевич. Я так понимаю, Вы тоже без предупреждения в гости?

— Андрон, рад тебя видеть! И тебя не ласково встретили? — Малиновский недобро зыркнул на дочь.

Ева закатила глаза. Она нарочно позволила себе такую демонстрацию. Этой детской выходкой она хотела лишний раз показать свою независимость:

— Это очень хорошо, что вы друг другу рады. Уверена, вам есть что обсудить и моё присутствие будет лишним. Вам вызвать такси или вы на машине?

— Евгения, перестань меня выгонять! Я пришел поговорить с тобой и не уйду, пока ты меня не выслушаешь! — рявкнул Борис Васильевич.

— Постой, постой, — глаза девушки налились яростью, а лицо исказила гримаса обиды и боли, — Как ты мне ответил, сейчас вспомню дословно, что-то там, а... «Разговор окончен. Больше на эту тему мы говорить не будем. Решение принято и менять его никто не собирается»... Я ничего не перепутала?

— Да как ты смеешь? — захлебываясь эмоциями, прорычал Малиновский.

Лутак примеривался, в какой момент лучше вмешаться, что бы обошлось без кровопролития, а все к тому шло, но в дверь снова постучали. Ева побледнела:

— Пройдите в комнату, оба! — приглашение было больше похоже на приказ. Но мужчины не сдвинулись с места. Малиновского раздирало любопытство, чей визит мог так взволновать дочь. А Дрон просто боялся оставить этих двоих наедине.

— Прошу вас, пройдите, пожалуйста, в комнату! — повторила с нажимом Ева.

— Нет! — короткий ответ Бориса. В этот момент дверь отворилась сама.

— Маматка! — в комнату ворвался мальчишка с красными от мороза щеками и черными, как угольки, глазами. Маленький Лутак. Они были с Дроном похожи, как две капли воды. Следом вошла Лиска.

— И когда ты собиралась сказать о сыне? — игнорируя постороннюю девушку, прорычал Борис Васильевич.

— Никогда! Это не ваше дело. До свидания. Вам здесь не рады, — прижимая к себе мелкого, уже спокойней сказала девушка.

— Я этого так не оставлю, — не унимался Борис Васильевич.

Андрон увидел испуганные глаза сына и понял, что пора действовать. И уже через секунду Дрон выталкивал за дверь Бориса Васильевича, который готов был продолжать отстаивать свои интересы.

— Какого черта, Борис? Ты что за концерт устроил? — Лутак отчитывал Малиновского, как малолетку, — Что вообще на тебя нашло? Я никогда тебя таким не видел.

— Сам не знаю. Я после того, как узнал, что она вертела хвостом налево-направо, вообще не могу с ней нормально общаться. Бесит она меня.

— С чего ты взял, что она вертела хвостом?

— Ты же сам сказал! Забыл?

— Я сказал, что переспал с ней. И не говорил, что она спала со всеми подряд. Это, во-первых, — лицо Малиновского вытянулось, а Дрон, не давая Борису опомниться, продолжил, — А во-вторых, я был пьян и перепутал твою дочь с её одноклассницей, — теперь Лутак выдерживал паузу и смотрел своему оппоненту прямо в глаза, — Борис, почему ты не поверил своей дочери? — последнее предложение прозвучало, как обвинение.

— Ты лжешь сейчас, лжешь. Откуда тогда у этой, — Борис пренебрежительно кивнул подбородком в сторону общежития, — твой ребенок. И он твой, не отрицай.

— И не собираюсь. Я взял твою дочь позже. Силой. Где-то за месяц до свадьбы. Помнишь, ты еще намекал мне, что девочка одна сидит дома, скучает, её надо проведать. А потом накачал меня до зеленых чертей. Это было в тот день.

— А потом она пропала... Ну ты и урод! А я к тебе относился как к сыну!

— Угу, согласен, я урод. А ты кто? Ты в этой истории выглядишь еще грязнее.

— Не тебе меня судить, щенок! И что бы рядом с моими дочерью и внуком я тебя не видел! — Бориса несло, продолжать разговор не имело смысла.

Андрон ухмыльнулся и сказал:

— Мне пора, Борис Васильевич, еще увидимся.

— Не попадайся мне на глаза, щенок!

Что с ним произошло, ни сейчас, ни позже, Борис не смог бы объяснить. Он шел к своей дочери в благодушном расположении, хотел просто поговорить, узнать, чем может помочь. Он давно простил ей все выходки с побегом и, даже, немного гордился ей. Ну, как же, вырастил

такую независимую, целеустремленную и сильную личность. Значит, все правильно делал, не сюсюкался, как настаивала тёща. Решив, что дочь характером пошла в него, он не рассчитывал, что Евгения быстро остынет. Отец придумывал, чем сможет завлечь её, так сказать компенсировать издержки. Он верил, что теперь-то уж точно они на одной волне. А та неженка и зефирюшка, как он иногда осуждающе называл дочь в детстве, остались в прошлом. Наверное, просто не ожидал такой неласковой встречи.

А еще страх одиночества для этого сильного мужчины за последний год стал навязчивой идеей. Эти три года стали для Бориса Малиновского очень тяжелыми. Нет, дела его процветали, и с бизнесом проблем не было. Проблемы были в личной жизни. Сначала сбежала Женька, потом заболела супруга. Борис испугался, что если он ничего не предпримет, то рано или поздно окажется один. Именно он, этот липкий страх, преследующий даже по ночам, стал последней каплей при встрече с дочерью и Борис сорвался.

Долго думать Борис не привык. В бизнесе этим занимались аналитики. Борис Васильевич был человеком действия, на основании предложенных выводов он принимал решения, выбирал оптимальный путь устранения проблем и контролировал исполнение. Сейчас ничего не изменилось, только ни одного аналитика рядом. Борис решил, что если у него не получится вернуть сына, то он должен получить, хотя бы внука.

— Что делать будешь? — Лиска, не смотря на всю свою внешнюю несерьезность, девчонкой была очень проницательной, а последствия просчитывала на счет «раз».

— Да кто ж знает, что теперь делать? Боюсь предположить, что они теперь предпримут.

— В любом случае, в ближайшее время ничего хорошего не жди. Тот, который постарше, вообще, как зверь разъяренный был.

— Это мой отец...

— Что, между родителями и детьми и такое бывает? — изумилась девушка.

— Как видишь.

— Может оно и к лучшему, что я в детдоме росла? — вопрос был риторическим.

— Не говори ерунды, — осадил дурные мысли подруги Енька.

Настроение было мерзким. Она боялась, что Лилия Валерьевна проболтается, а неприятности подкрались совершенно с другой стороны. Снова бежать? Не вариант. Теперь родственники знают все её схемы, найдут быстро. Да и с ребенком сильно не набегаешься. Есть, конечно, еще вариант с фиктивным браком. Но где ж такого отчаявшегося найдешь, который будет терпеть все взбрыки её родителей и семейства Лутак.

Лики рядом не было, у неё медовый месяц, стыдно подругу отрывать от долгожданного счастья. Лиска поддержит, пожалеет, но совета не даст, молодая еще. Да и опыт у нее совсем другой. Ева достала мобильный и начала искать номер Лилии Валерьяновны.

— Здравствуй, Енечка, рада слышать тебя, — Лиля действительно была рада слышать Еньку, — Как дела, как там Ванечка?

— Здравствуйте, Лилия Валерьяновна. У Ванечки все хорошо, здоров. Вот только с прогулки пришёл.

— Что-то случилось? Почему голос такой напряженный? И мы, по-моему, уде давно на «ты» перешли.

— Не знаю, что сказать. У меня, кажется, проблемы вырисовываются, а я не знаю, что делать, — буквально выдавливала из себя каждое слово Еня. Не получалось сформулировать проблему, которой еще нет, но уже зарождается. Да и все еще сомневалась она в том, что ей придет помощь с того берега.

— Давай по порядку, начни с самого начала, а я тебе помогу разобраться. Мы вместе справимся, — слова были такие правильные, что зарождающаяся буря в душе, начала понемногу успокаиваться.

— Сегодня ко мне Андрон приезжал...

— Он тебя обидел? — обеспокоенно перебила женщин.

— Нет, нет, Андрон только часть проблемы, да и то не самая страшная, на сегодняшний день.

Лида заметно занервничала. Что такое должно произойти, чтобы Андрон, после всего, что успел натворить, вдруг перестал быть основной проблемой. Но она терпеливо слушала.

— Он пришел, когда моя соседка по блоку гуляла с Ванечкой, а вы же помните, что я очень не хотела, чтобы Андрон знал о сыне. Так вот, я хотела его выпроводить, но он же упертый, как баран. А потом пришел Борис Малиновский. Он был злой, как... как... не знак с кем сравнить. В общем, очень злой. Даже обрадовалась, что Андрона не успела выгнать. Я

тоже завелась. Отца, тем более, не планировала посвящать в свою жизнь. А когда вернулись Лиска с Ванечкой, вообще у него вообще крышу сорвало...

— У кого? У Андрона? — уточнила занервничавшая женщина.

— Да причем здесь Андрон? У Бориса. Он так орал, что напугал Ванечку, а потом когда Дрон его вытолкнул, он крикнул, что просто так все это не оставит. И я теперь не знаю, что делать, — закончила свой спутанный рассказ девушка.

Лидию Валерьяновну отпустило. Не сын. Неужели очнулся? Ситуация однозначно складывалась не самым удачным образом для девушки. Но Лиля, а, следовательно, вся её семья могли реабилитироваться.

— Для начала, не паникуй и не расстраивайся. Борис, конечно, вспылал, но предпринимать сейчас ничего не будет. Просто поверь. Я обязательно свяжусь и с Андроном, пораспрашиваю, что он думает об этом. И маме твоей позвоню. Так сказать, узнаем информацию из первых рук, — уже спокойным и уверенным голосом говорила Лиля, — ты лучше расскажи, Андрон понял, что Ванечка его сын?

— Понял, они оба поняли. Сложно было не понять, когда ребенок ворвался с криком «мамочка», — улыбнулась Ева.

— И как отреагировал?

— Не знаю, не поняла.

— Ну да, там не до этого у вас было.

Они поболтали недолго, о чем-то незначительном. Лиля убедилась, что девушка пришла в себя, и только после этого сбросила вызов. Набрать Андрона она не успела, сын звонил сам:

— С кем ты так долго разговаривала, — раздраженно спросил сын.

— С Евой.

— О, так ты уже в курсе? — он и не предполагал, что отношения между матерью и невестой настолько близки.

— Да, в общих чертах. Енечка очень напугана, поэтому вразумительно ничего рассказать не могла. Я собиралась звонить тебе, узнать подробности, но ты меня опередил.

— Мамочка, у меня есть сын! Какой же он замечательный...

— Я в курсе. Оставь восторги на потом. Расскажи, что произошло.

— Да что там произошло? Борис взбесился и наорал. Всё.

— Сын, я не могу понять, как тебе удастся держать на плаву нашу корпорацию при таком легкомысленном подходе к проблемам? Ты, разве не понял, что Ева напугана до истерики? Ей нужна реальная помощь, а не восторженный идиот рядом. Если хочешь вернуть Еву и получить сына, то научись считаться с ней и ее интересами. Ты понял?

— Ну, в общем, я и звоню тебе посоветоваться. Я хочу помочь, но боюсь влезать туда без её разрешения.

— Так спроси у неё.

Разговор затянулся. Было решено, что Андрон задержится, как минимум на день, чтобы встретиться с Евой, если понадобится, то больше.

В этот раз Лутак решил сюрпризов не устраивать. Встретились они после звонка мужчины в известной кофейне, во время перерыва. Енька колючками не покрылась, но и дружелюбием не прихворнула.

— Спасибо, что Малиновского увел, — вместо приветствия сказала девушка.

— Он слишком разошелся, мог напугать сына, — мужчина встал из-за столика, руки тянулись обнять, но он лишь отодвинул стул, приглашая присаживаться.

Отрицать наличие сына, как и отцовство, было глупой затеей. Все планы оставаться инкогнито, у Евы провалились. Она решила, что теперь только остается держать лицо.

— Ты хотел поговорить. Я слушаю, — немного рассеяно сказала она, — Только сразу одна просьба, ты не возвращаешься ни к теме дачи, ни к истории в доме Малиновских. Мне это неприятно. Прошлого у меня нет.

Дрон переваривал информацию. Давалось это тяжело. Поэтому он решил отложить размышления на эту тему:

— Хорошо. Тогда я хотел бы поговорить о твоём отце, то есть о Борисе Малиновском, — исправился парень, увидев досаду на лице Евы.

— Тебе-то это зачем? Помог вчера, на том спасибо.

— Ева, Ванечка мой сын. Он им останется при любых обстоятельствах. Да и ты мне не безразлична. Я, по-прежнему, считаю тебя своей невестой. И надеюсь, что мы поженимся.

— А ты не мог бы решать свои бизнес-проекты без моего участия? — начала закипать Ева.

— Тише, тише, я не хочу тебя злить, Ева. Ты к бизнесу не имеешь никакого отношения. Это личное. Чувства. Я просто знаю, что ты моя, — попытался объяснить Андрон.

— Твои чувства не более чем собственнический инстинкт или инстинкт охотника. Я в эти игры играть не собираюсь. В конце концов, помни, что у тебя есть сын, и что твои желания могут ему навредить.

— Нет, больше никогда. Ни тебе, ни нашим детям, — мужчина посмотрел ей в глаза.

— Ты непробиваемый, — с отчаянием в голосе прошептала Ева.

— Милая, я настаиваю. Позволь мне помочь тебе в решении проблем с Малиновским.

— Что ты от меня хочешь услышать? «Да, Дрон, спаси-помоги, я без тебя не справлюсь?» Этого не будет. И вообще, пока неизвестно, будет ли он что-то предпринимать.

— Будет, ты прекрасно заешь, что он не любит проигрывать.

— Значит, буду бороться, — она замолчала, бороться больше не хотелось ни с кем. Хотелось просто жить, воспитывать сына, закончить аспирантуру. Может быть, когда-нибудь завести семью, — Но запретить тебе защищать сына не могу. Только не придумывай себе ничего. Я остаюсь для тебя чужим человеком.

Улыбка растянула лицо Дрона.

— Тогда, может ты дашь мне номер мобильного? — осторожно спросил он и тут же быстро добавил, — Мало ли что, важная информация или срочное сообщение будет.

— Записывай, — неохотно согласилась девушка. Все равно узнает, если захочет, у Лили то он есть, да и связи помогут.

— И еще, Ева, ты позволишь мне познакомиться с сыном?

Вот к этому вопросу она, почему-то, оказалась не готова. Он даже в голову не приходил. Девушка, расширившимися глазами беспомощно посмотрела на своего насильника и отца её ребенка. Ева всегда была уверена, что в их с Ванечкой семье папы не будет, максимум — отчим. Искренне надеялась, что с Лутаком она больше никогда не увидится, а если такое все же случится, то мужчина ее не узнает, хотя бы потому, что с возрастом люди меняются. Но ситуация в корне изменилась. Очень хотелось послать его, запретить въезд в город на ближайшие лет сто. Но это было невозможно. Зная об упертости Андрона, она понимала, что мужчина будет добиваться задуманного всеми способами. Открывать второй фронт

глупо, когда на первый ни сил, ни желания...

— Когда?

— Я бы хотел сегодня, — Дрон-предприниматель привык брать быка за рога, Дрон-отец сидел, боясь пошевелиться, — если можно.

Ева напоминала встревоженную птицу. Нахохлившаяся, растерянная.

— Не знаю. Я подумаю.

— Возьми, здесь мой номер, — протянул он осторожно визитку.

В ректорат Ева вернулась взъерошенной и отрешенной. События неслись лавиной. Было страшно оказаться погребенной под натиском чужих эмоций и желаний. Казалось, что жизнь заиклилась и с определенной периодичностью испытывает Еньку на прочность. И вот сейчас этой запас этой прочности становится все меньше и меньше. Она еще не отошла от вчерашнего вторжения, а Дрон ошарашил очередной своей идеей.

— Ева, ты опять папку с приказами перепутала. Да что с тобой? Из-за отца переживаешь? Так это глупо. Зачем себя заранее накручиваешь? — то ли успокаивала, то ли отчитывала Лиска подругу.

— Нет. Я с Лутаком обедала, — не выходя из размышлений ответила Енька.

— Что ему надо?

— Заверял в своей лояльности и просил познакомить его с сыном.

— А ты?

— Не знаю.

— Блин, Ева! Что из тебя слова клещами вытаскивать приходится? Нормально рассказать можешь? Он что, «бартер» предложил? — Возмутилась Зайцева.

— Просто попросил, без всяких условий. Рассказывать-то особо нечего. Просто я не знаю, как поступить правильно. Понимаешь?

— А как хочется поступить?

— Не разрешать. Ванька мой. И, чтобы я не говорила, обида гложет.

— Значит, не разрешай.

— Тогда будет война. А она мне совершенно ни к чему. Ты же понимаешь, что худой мир и все такое...

— Суворов говорил, что иногда можно проиграть сражение, чтобы выиграть войну. Думаю, это твой случай, — философски изрекла Лиска.

Ева стояла у окна, смотрела на веселящихся студентов и не отвечала. Сомнения боролись с желаниями. Как хотелось бы ей сейчас вот так беззаботно смеяться и верить, что самая большая проблема в жизни — это несданный экзамен.

Вечером, перед уходом с работы, Ева набрала Лутака:

— Я еду сейчас за Ванечкой, если хочешь, встретимся в парке.

— Буду вас ждать у входа.

Первой о планах отца узнала Ева. В среду с утра ей позвонили из отдела опеки и предупредили о том, что на четверг соцработниками планируется посещение места жительства девушки на предмет оценки условий проживания ребенка. Ровным голосом соцработник зачем-то сообщил, что на такие «проверки» их обычно посылают перед тем, как подать заявление на лишение родительских прав.

— Скажите, а каким образом Вы определяете, кого следует проверять? — поинтересовалась девушка, голос её звенел от негодования.

— Мы получаем жалобы от соседей, близких родственников, воспитателей или учителей.

— На меня тоже написали жалобу? — изумилась Ева. Врагов у неё не было. По крайней мере, она о них не знала.

— Да, Малиновский Борис Васильевич. Вы знакомы?

— К сожалению... До свидания, буду ждать Вас в четверг, пропуск закажу заранее, если Вы перезвоните и сообщите фамилии.

— Это лишнее, мы пройдем по удостоверениям.

Сначала звонок выбил Еву из колеи, но, поразмыслив, девушка выдохнула с облегчением — когда обозначена проблема, пути решения её обязательно найдутся. В конце концов, не придется больше мучиться «в ожидании зла». Девушка постучался в кабинет ректора.

— Михаил Павлович, я хотела отпроситься после обеда. Нужно в юридическую консультацию зайти.

— Что случилось?

И девушка выложила все, что узнала десять минут назад.

— У нас свои юристы есть, — с этими словами он набрал номер завкафедрой гражданского права, — Тимур Викторович, помощь нужна, не найдете полчаса? Жду, — и, уже положив трубку, обратился к Еве, — Ну, что встала? Знаешь же, что Чепель кофе с молоком любит. У тебя молоко есть?

— Сейчас будет! — улыбнулась Ева и побежала в столовую, где можно было купить молочка.

Через несколько минут после появления Чепеля, в кабинет зашел профессор Хоцкий, а чуть позже приехал выпускник университета, теперь успешный адвокат Щеголеватых. Сопровождение затянулось больше чем на час. Проблема особых сложностей не вызывала. Получалось, что если исходить из того, что рассказала девушка, то никаких законных оснований для лишения её родительских прав у суда нет. Но ведь никто не знает, что в качестве аргумента предъявит Малиновский, а одинокой девушке тяжело защититься еще и в силу общественных предрассудков. Составили список документов, которые необходимо подготовить, если дело дойдет до суда. Список лиц, которые могли бы свидетельствовать в пользу девушки. Но все в один голос заявляли, что идеальным решением будет усыновление ребенка и замужество. Потому что, документы — это одно, а вот связи — это совсем другое. И жизненный опыт говорит, что последние убедительней. Наличие же супруга автоматически лишает обвинение всех оснований.

Вечером, как обычно, пришел Максим. Ужин, домашние дела, забота о ребенке — все было как в тумане. Мыслями Ева была далеко. Даже разговор с Савушкиным проходил мимо сознания. Она пыталась разыграть в голове разные комбинации событий. Но отсутствие юридического и жизненного опыта не давало полной картины. Более того, плохое, еще с утра, настроение подкидывало картинки одна страшнее другой.

— Что-то ты напряженная сегодня, — разминая мышцы спины, проговорил парень.

— У меня неприятности. Отец решил отобрать у меня сына.

— Я могу тебе помочь? — с готовностью отозвался Савушкин.

— Думаю, мне любая помощь понадобится, — и Ева начала подробно описывать дневные события.

Максим не перебивал, только внимательно слушал, кивал головой, время от времени одобрительно угукал. Не почувствовав осуждения, Ева расслабилась, осмелела и рассказала все без утайки, даже о предложении юристов.

— Крутовский самых лучших пригласил, так что у меня нет поводов им не доверять. Но решение, как буду отстаивать сына, еще не приняла, — Ева замолчала.

Она не ждала от Максима ничего особенного. Девушке было приятно, что парень просто внимательно выслушал, поддержал. Они сидели на диване в гостиной, приглушенный свет расслаблял и придавал романтики вечеру. Ева расслаблено откинулась на широкую грудь Макса и перебирала своими тонкими пальчиками длинные узловатые пальцы парня.

— Я готов предложить тебе помощь, — серьезным голосом объявил Макс.

— Ты предлагаешь выйти за тебя замуж? — девушка приподнялась и посмотрела на мужчину.

— Ты не правильно меня поняла, я готов выступать в суде на твоей стороне. Можешь на меня рассчитывать, — сказал Савушкин.

На Еву эти слова подействовали, как холодный отрезвляющий душ. Она уже не была наивной девочкой, и понимала, что о замужестве с Максимом говорить еще рано. Но услышать от парня, что он уже определил место Евы в своей жизни, и оно явно не первое, было неприятно. Ей показалось, что этот с виду милый и отзывчивый мужчина, плюнул в её душу. При этом он явно считал, что Ева не та девушка, которая будет его женой. Лучше б совсем молчал, тогда у Евы хотя бы была возможность обманываться дальше.

— Спасибо тебе, — еле выдавила из себя Ева, — Время позднее, тебе пора. Завтра рано вставать.

***

В четверг, как и договаривались, приехали представители соцопеки. А чуть раньше к Еве пришел господин Щеглеватых. Он с наслаждением пил травяной чай, когда три угрюмые личности вошли в блок. Они дотошно осматривали комнату за комнатой, даже в кладовку заглянули. Потом задали кучу вопросов Еве, после чего попросили подписать протокол. Если до этого Щеглеватых не вмешивался, то теперь придирчиво вычитывал каждое слово. Он попросил внести в него несколько изменений, после чего дал девушке его прочитать и подписать.

Один из сотрудников службы, самый общительный из них, и, по-видимому, еще не очерстневший душой, решил подбодрить Еву и поделился информацией. Он говорил то, что Ева уже слышала от юристов, только объем информации был значительно меньше. Но и за это Ева была ему благодарна.

Казалось бы, ничего неожиданного или необычного не произошло, но визит

соработников выбил Еву из колеи. Наверное, встретить их Ева где-нибудь в обычной жизни, даже не обратила бы на них внимание, а в компании, так еще и друзьями могли бы стать. Но сейчас они навевали какой-то леденящий ужас на молодую женщину. «Прямо, как дементоры», — мелькнула в голове Еньки мысль. После ухода представителей из опеки она металась по блоку, как раненый зверь и не могла дать выход своим эмоциям. Юлия забрала Ванечку к себе с ночевкой, но девушку это не спасало. Наоборот, если капризы сына время от времени отвлекали её от тревожных мыслей, то теперь она раз за разом загоняла себя в угол. На Де Морелей она вообще рычала, только услышав их голоса. Накрутила себя девушка знатно.

— Алло, Лиля? — ближе к вечеру Енька решила позвонить Лутак, — Это Ева.

— Да, доченька, что-то случилось? У тебя голос странный, — забеспокоилась Лилия Валерьяновна.

— Мне срочно надо выйти замуж за Андрона, — сильно нервничая, сообщила Ева.

— Так, Ева, давай с начала и подробно. Что случилось? — шок, вперемешку с радостным возбуждением, поселился в душе женщины.

И девчонку прорвало. Она сбивалась, перескакивала с места на место, и тараторила, не давая возможности вставить хоть слово, вываливала на Лутак все свои беды и боли, все, что рассказали юристы и, что успела додумать сама. Чем больше рассказывала девушка, тем меньше оставалось радости и предвкушения у Лилии Валерьяновны. То, что казалось, поначалу, долгожданным событием, грозило превратиться в очередную катастрофу. Когда словесный поток иссяк, женщина довольно сурово сказала:

— А теперь ты возьми себя в руки и успокойся! Что это за истерика? — Ева не рассчитывала на отповедь, скорее на сочувствие. А Лилия продолжила, — Ты не имеешь права раскисать! У тебя ребенок! С утра я звоню нашим юристам и попрошу составить проект брачного контракта. А я завтра перешлю его тебе. Но, ни сегодня, ни на этой неделе ты об этом решении никому не говоришь. Это время тебе на составление договора и обдумывание решения.

— Я думала, вы будете рады, если мы с Дроном поженимся, — немного разочаровано произнесла Ева, здесь явно повеселилась женская логика.

— Конечно, буду. Только если это решение будет добровольным, а не вынужденным, — так же жестко продолжала Лиля, — Дальше будем действовать вместе. А сейчас прощаемся, ты мне подкинула массу срочных дел. Все, на созвоне, — и связь прервалась.

Как ни странно, звонок помог. Еве стало значительно легче. Мысли прояснились и начали упорядочиваться, а еще Ева поняла, что с этой бедой она будет бороться не одна. И что один вариант решения уже есть. Мысль о браке с Андроном, перестала казаться катастрофичной, а само замужество жертвой. Не может же у такой доброй и понимающей женщины сын быть прожженным циником и конченным уродом. Наверное, и у него есть что-то хорошее в душе и характере. Конечно, есть, помощь сам предложил, сыну понравился. После этих мыслей девушка немного успокоилась. И даже мелькнула шальная мысль позвонить Римме Малиновской и узнать, а не двинулись ли они с Борисом умом. Но немного поразмыслив, все-таки решила не глупить.

Вистории знакомства Бориса с внуком Лиля большой проблемы не усмотрела. Она давно была знакома с Малиновским и хорошо знала его характер. Она верила в адекватность этого мужчины. Да и позитивная реакция на эту новость у остальных повлияла. Но она

ошиблась. Этот мужчина решил все быстро, без шума. И, как все его бизнес-проекты, это дело грозило сокрушительным успехом. Поэтому же перед женщиной стояла задача догнать и опередить успешного предпринимателя.

Лиля Лутак обзвонила своих мужчин и, ничего не объясняя, попросила их срочно приехать домой. Потом она набрала домашний номер Риммы.

Судя по приветствию, Римма Власовна была вне себя:

— Да! — рывкнула женщина в трубку.

— Римма, это Лиля. У нас проблемка небольшая образовалась, хотелось бы с тобой посоветоваться, может, приедешь? — протараторила Лилия Валерьяновна. Она логично предположила, то расспрашивать раздраженную женщину о причине гнева, не лучшая идея. По дороге же подруга успеет остыть, тогда и расскажет.

— Не сегодня, Лиля! У меня тут идиот один образовался, срочно надо подлечить! — судя по рыку, «идиот» находился рядом с разгневанной женщиной.

— Риммочка, что ты имеешь в виду? — озадачилась Лиля, судя по всему, придется слушать рык подруги прямо сейчас.

— Ты знаешь, что у нас есть внук?

— Именно об этом я и хотела поговорить с тобой сегодня...

— А ты знаешь, что мой супруг удумал?

— Это и есть та самая проблемка...

— Значит так, вы думайте, что можно сделать, если он упрется, а я побеседую с ним дома! — женщина была настроена очень решительно. Лиля в мыслях потирала ручки. Мстительной она не была, но была полностью солидарна с подругой. Бориса следовало «подлечить». А уж способ лечения Римма подобрать сможет.

— Варианты решения уже есть, Ева сама предложила...

— Тогда действуйте! — решительно одобрила Малиновская и как-то странно выдохнула.

— Римма, а как ты себя чувствуешь? — забеспокоилась Лиля.

— Придушить Бориса здоровья хватит! — успокоила Римма и бросила трубку.

— Не увлекайся! Помни о давлении и сердце. Если что, звони, — последние слова унеслись в пустоту.

Через час приехали мужчины семейства Лутак, и в гостиной собрался совет по отрезвлению чувств и мыслей Бориса Малиновского. Вместе они разрабатывали варианты давления на этого матерого волка. От отказа сотрудничать, до полного игнорирования. Лиля предложила устроить какую-нибудь психологическую атаку, например, отвести Бориса в детдом. Но мужчины сказали, что им не до атак. Да и угроза разрыва контракта более действенна.

***

Римма Малиновская этот вечер провела очень эмоционально. Но лекарства почти негодились, сердце работало, как часы. Видимо организм понял, что есть ради чего жить и больше не сбоил. У Риммы появилось сразу две цели... Первая защитить своего ребенка, вторая познакомиться с внуком.

— Ты каким местом думал, идиот, когда рожал эту идею? Кому ты собирался сделать хорошо? Какие цели преследовал?

— Она не может быть нормальной матерью! Она легкомысленная профурсетка.

— Это ты о своей дочери?

— Дочь... Это позор семьи, а не дочь! Лучше б она умерла при родах, а не сын. Она была тогда виновата, что наш мальчик не выжил. И до сих пор она проблемы создает.

— Так вот, как ты думаешь о нашей дочери. И все годы думал. Боря, какую херь ты себе в голову вбил, это уму не постижимо! Как новорожденный ребенок мог сделать то, в чем ты ее обвиняешь? Да её сама еле выходили. Боря, Боря, ты всю вину свалил на дочь. А я думала, что ты просто детей не любишь, вот и не пыталась больше забеременеть, — горькие слёзы покатались из глаз женщины, — Почему ты никогда не разговариваешь со мной о проблемах? Почему ты все решаешь, не посоветовавшись? Как многое было бы в нашей жизни по-другому, если б ты со мной, хоть изредка, обсуждал дела.

— Ну, что ты, любимая. Не плачь, не надо, — Борис, как и большинство мужчин, плохо переносил женские слёзы, — Я не хочу, чтобы ты переживала. Я мужчина, глава семьи, должен тебя беречь, поэтому проблемы решаю сам. Зачем тебе лишние переживания? Нет, дорогая, это моя обязанность беречь и защищать тебя, — мужчина подошел к жене, приобнял плачущую женщину, и стал поглаживать по спине, — А что, ты действительно хотела родить нам сына?

— Хотела, особенно, когда Женьке лет десять — двенадцать было. Мечтала об этом.

— Жаль, что не сказала тогда об этом. Ну, ничего, скоро Иван Малиновский будет носиться по дому, и радовать тебя.

— Нет. Не будет. Ты откажешься от этой идеи, — женщина оттолкнула от себя мужа, — Борис, я не шучу. Женька и так много перенесла. Она не заслуживает такого отношения к себе, чего бы ты о ней не надумал. Ни дочь, ни внук тебе этого не простят. Я уже потеряла сына, почти потеряла дочь, больше проходить через этот ад не намерена.

— Ты не понимаешь, мальчику у нас будет лучше! Сама подумай, сейчас он живет в общежитии, зарплаты Евгении едва хватает, чтобы содержать себя и ребенка. А у нас он отказа ни в чем знать не будет, — пытался донести свою мысль до жены Борис.

— Ребенку лучше с матерью!

— Если Евгения считает так же, она может переехать за сыном. И даже жить в этом доме. Я ее не выгоню, но мальчик должен жить в нормальных условиях.

— Купи им квартиру и определи ежемесячное содержание на внука, — выдвинула альтернативное предложение Римма.

— Ты не понимаешь. Это не единственное, почему Ванюшка должен жить здесь, с нами. Сама подумай, дорогая, Евгения незамужняя женщина, к тому же, красивая. Рано или поздно в её жизни будут появляться мужчины. И что, ребенок будет наблюдать за всей этой чередой ухажеров? И с кем его оставляют, когда его мать идет на работу или на свидание? С чужими людьми, Римма, с чужими. Ребенок должен воспитываться в семье, а не мотаться с рук на руки.

— Боря, так уж сложилось, что те чужие люди ему ближе, чем родные бабушка и дедушка. И виноваты в этом мы сами. Не усугубляй. Как ты не поймешь, сейчас надо искать способы помириться с дочерью, а ты все усложняешь. Таким макаром ты точно потеряешь внука, — пыталась достучаться Римма и театрально вздохнула, приложив руку к сердцу, чтобы усилить эффект. Борис не заметил.

— Я от внука не отступлюсь. Не хочу в старости остаться один на один со стенами.

— Значит так, Борис Малиновский, у тебя два дня, чтобы придушить свои амбиции по поводу Ванюши и свернуть боевые действия. Я завтра уеду и вернусь только в том случае, если ты выполнишь все мои условия. Знай, как бы ты не поступил в дальнейшем, я буду

защищать интересы дочери, — это был не ультиматум, а приговор.

— Куда ты собралась? — запаниковал Борис, — У тебя слабое сердце, тебе нельзя оставаться без присмотра.

— Там, куда я поеду, есть, кому за мной присмотреть, — и женщина вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Борис был зол. Все его планы летели к чертям. Он то, надеялся, что жена обрадуется, как обычно, встанет на его сторону. Просчитался. И, самое непонятное, где. Почему любимая Римма, которая поддерживала Бориса в самых разных ситуациях, сегодня ушла в глубокую оппозицию? Чем он прогневал высшие силы?

Поразмыслив еще с час и поняв, что сегодня эта задачка останется нерешенной, Борис пошел спать. В спальне жены не было. Мужчина выругался, но искать её не пошел. Знал, что все равно она с ним сегодня не ляжет.

Римма закрылась в Енькиной комнате. Настроение было из категории «Не влезай! Убьет!» Решение она приняла, а вот как его реализовать, представляла плохо. Она набрала Лилю:

— Ну, что там у вас, рассказывай, — голос у Риммы был уставшим.

— Перебирали способы давления на Бориса. Мои мужчины уверены, что поможет только угроза в бизнесе. Я, конечно, не уверена, но переспорить их невозможно. Знаешь, твоя дочь как-то сравнила Андрона с бараном, я с ней согласна, — бодро рапортовала Лиля.

— И все? — немного разочарованно уточнила Римма.

— Не совсем. Днем мне позвонила Ева и сказала, что готова выйти замуж за Андрона, — Лиля сделала выжидательную паузу.

— Ты серьезно? Хочешь сказать, что Женька внезапно влюбилась в Дрона? — оживилась Малиновская, теперь в ее голосе была явно слышна ирония.

— В том то и дело, что нет. Решение она приняла под давлением обстоятельств. Поэтому мне оно не нравится. Я, конечно, уже дала указание юристам составить брачный договор, но Еню попросила подумать хотя бы неделю, — делилась Лиля Лутак.

— А что думает Андрон об этом?

— Он не знает. Узнает, если Ева не изменит решение через неделю.

— Это правильно, — размышляла вслух Енькина мама, — Знаешь, я собираюсь завтра лететь к Жене, хочу поддержать дочь.

— А Ева знает?

— Нет, боюсь, что если предупрежу её, то она меня завернёт обратно, да и номер у меня только рабочий есть.

— Позвони, объяснись с ней прямо сейчас. Номер мобильного я тебе кину.

Был уже поздний вечер, когда на мобильнике Евы высветился телефон матери. Она внутренне содрогнулась, предвкушая на поток нравоучений, но трубку подняла.

— Алло, Женечка, это мама, — заговорила немного взволнованным голосом женщина, — Женя, звоню сказать, что я категорически против того, что затеял отец. Дочь, я на твоей стороне. Помогу всем, чем смогу. Деньги, поддержка, связи. И еще, я купила билет на завтра. Ты примешь меня?

— Да, мама, приезжай. Спасибо, — ошарашено выдала девушка и положила трубку.

Номер рейса и время прилета она выясняла уже на следующий день, когда была на работе.

В университете в эти дни Ева загрузила себя работой по максимуму. Даже старалась не отвлекаться по пустякам, а в свободное время, если вдруг такое появлялось, она читала в Интернете законы и примеры из судебной практики. Чем больше читала, тем сильнее запутывалась и сильнее накручивала себя.

Зайка старалась не выпускать подругу из поля зрения ни на минуту. Как только у Шаниной между бровей показывалась вертикальная морщинка, Лиска начинала доставать девушку «важными» вопросами, типа «какого цвета нужно купить папки для приказов на следующий год». Ева бесилась, грозилась прибить подругу, но отвлекалась от скорбных мыслей.

Как-то во время обеденного перерыва, в ректорат заглянул Максим Савушкин. Это был первый визит после того, как он высказал «искреннее» желание помочь Еве. Парень заскочил на чашечку чая, в его руках была коробка с пироженками.

Макс помогал накрывать на стол, когда увидел на столе проект брачного договора:

— Смотрю, ты приняла решение, как будешь защищаться от отца.

— Это не окончательное решение, но я его рассматриваю.

— Признайся, никто у тебя ребенка не отбирает, просто это предлог такой, чтобы замуж побыстрее выйти, — взвился Савушкин.

— Как тебе такое в голову пришло? — Ева просто опешила от такого нелепого обвинения.

— Да ладно, не оправдывайся. Теперь это уже не имеет значения. Хотя, мне неприятно, что ты мной попользовалась! — гневно сверкнул глазами Максим. Потом схватил пирожные и вышел, хлопнув дверью.

— Что это было? — уточнила ошарашенная Ева.

— Оскорбленное мужское самолюбие. Жалко парня. Он, наверное, сам хотел тебе предложение сделать, — пожалела сердобольная Лиска.

— Не хотел. В его планах мне отводилась роль любовницы, — равнодушно сказала Ева.

— Офигеть...

— И что случилось в королевстве Датском? — перефразировала цитату входящая в приемную Лика, — Савушкин вылетел от вас, как ошаренный.

— Проект брачного контракта увидел, — пояснила Ева и на нее уставились четыре округлившихся глаза, — Ну, что смотрите? Да, я рассматриваю и такой вариант решения проблемы.

— Ева, я тебя не понимаю, — вклинилась в разговор Зайка, — Ты, то бежишь от Андрона, то несешься замуж сломя голову. Ты б определилась, что ли.

Ева удивленно посмотрела на подругу. Лиска никогда не отличалась особой тактичностью, но сегодня переплюнула даже себя.

— Знаешь, Лиз, я и сама себя не понимаю. Считаешь, я не думала о случившемся? Думала, постоянно думаю. Даже ситуации сравнивала: ту, трехлетней давности, и эту. Они ведь чем-то похожи. Наши отношения с Дроном постоянно складываются под давлением обстоятельств. Тогда я должна была выйти замуж для укрепления семейного бизнеса. Сейчас, чтобы не потерять Ванечку. И тогда и сейчас о чувствах нет речи. Тогда я поступила

правильно, а что происходит сейчас, разобраться не могу.

— Но ты даже толком не боролась за сына! У тебя такой сильный адвокат... Я узнавала, он девять дел из десяти выигрывает. Да и опека вряд ли что-то плохое написала. Я права? — не сдавалась Зайка.

— Эти дементоры из опеки и хорошего ничего не написали. Совершенно «никакой» протокол. Вывернуть в любую сторону можно, — сказала Ева.

— Лиска, не дави на Еву. Это адвокат ей посоветовал поскорее замуж выйти. Шансы у сторон равные — пятьдесят на пятьдесят, а процесс можно затянуть на несколько лет, — осадила подругу Лика.

— Ага, и еще Ванечку, возможно, придется дергать, — добавила виновница спора.

— Вот блин. А почему ты никому не рассказывала? — пытала Лизавета.

— Рассказывала. Крутовский в курсе, Лиля Лутак в курсе.

— А нам? — обиженно вскинулась Зайка.

— Зачем попусту дергать, разве это что-то изменило бы?

— Ну, мы денег на взятку нашли бы, — не желала сдаваться Лисонька.

— Лиза, ты способна собрать денег больше, чем есть у Бориса Малиновского? — со скепсисом и иронией уточнила Армас.

— Ну да... Чушь сморозила. А теперь-то что? — допытывалась Лиза, — Сына, конечно отстоишь, а вот свободу, за которую боролась три года, профукаешь. Да еще и маньяка в придачу получишь.

— Время покажет, — было видно, что Еву разговор тяготит.

— Да что оно покажет? — неожиданно поддержала Зайцеву Армас, — С тем образом жизни, который ты сейчас ведешь, единственное, что тебе светит, унылая, одинокая старость и дрожащие руки, как последствия бессмысленно потраченных нервов. Ты даже никуда не ходишь!

— Ты имеешь в виду клубы? Я и раньше туда не ходила.

— Я не об этом.

— Да поняла я! Поняла. Но, если ты не забыла, у меня проблемы и сейчас не дс гульбищ.

Пауза затягивалась. Лика и Лиска уже решили, что девушка всерьез обиделась на последний комментарий.

— Не знаю, — отмерла Ева, как будто отвечая не подругам, а своим мыслям, — Я, когда думаю об этом, такой дурой себя чувствую. С одной стороны, вы правы, нельзя доверять человеку, который способен насильничать. Я должна испытывать к нему самые горькие чувства: злость, ненависть, обиду и еще кучу всего. И ведь, когда его рядом нет, именно так и думаю, а когда он рядом, таких мыслей не возникает. Как будто тот Дрон и этот совершенно разные люди. Я иногда смотрю на них с Ванечкой, как они вместе возятся, и вспоминаю лицо Лутака, когда Борис узнал про внука... Когда начал орать... Дрон в этот момент такими глазами на Ваньку смотрел... А потом резко кинулся к Малиновскому и стал его из блока выталкивать. Я даже сначала не поняла, что произошло. Только потом, в отражении зеркала увидела, что мелкий испугался, а Дрон его от воплей деда так защищал. Тогда я почувствовала, что от Дрона больше не будет никакой угрозы. Наоборот, теперь он защита. Об этом же думала, когда выбирала, кого просить о заключении брака.

— А что, еще кандидаты были? — как обычно перебила любопытная Зайка.

— Да, — Ева поморщилась своим воспоминаниям, — Хотела просить Савушкина об

одождении.

— Не-е, уж лучше Лутак, — с определенного момента в Лизе проснулась нелюбовь к Максиму.

— Ну вот, ты уже одобряешь мой выбор, — рассмеялась Ева.

— Не преувеличивай. Просто Макс действовал только в своих интересах, а Дрон оказывается, заботится о вас. Даже если он это делает из желания заработать прощение... Получается, тоже в своих? Блин, я запуталась, — призналась Зайцева.

— Ванечку он любит, — глаза Евы затуманились воспоминаниями, на губах появилась улыбка, — Ты бы видела этих двоих, когда они играют...

— Ты влюбилась или крест на себе поставила? — рассматривая выражение лица подруги, уточнила Армас.

— Нет, не влюбилась. Да я вообще сейчас об этом не думаю.

— Ну, неужели тебе не хочется ощутить рядом с собой сильного мужчину?.. Почувствовать его... заботу? Прижаться к нему? Ощутить вкус его губ? — вещали, перебивая друг друга, доморощенные искусительницы.

— Я бы взбесилась, если б у меня перед носом постоянно маячило препятствие к моему женскому счастью, — поделилась Зайка.

— Что касается прикосновений губ и других частей тела, то я вообще не помню, чтобы когда-то испытывала желание, — хохотнула Ева.

— Евка, это неправильно, ты должна показаться врачу...

После этого разговора к напряжению Евы добавилась еще и неуверенность. Как убедить свое непокорное сердце, что так правильно? Надо было уводить разговор от этой темы, и девушка вспомнила:

— Сегодня вечером мама прилетает...

Римму Малиновскую в аэропорту встречала Лика. Еву не пустили, побоялись её взвинченного состояния. Армас стоять в толпе с табличкой не пришлось. Фотографии семьи Малиновских в свое время так часто мелькали в светской хронике, что примелькались. Нашли общий язык они довольно быстро, общие проблемы способствуют налаживанию взаимопонимания.

Римма решила остановиться у Евы. Она посчитала, что дочь отчаянно нуждается в поддержке человека, находящегося в одной «весовой категории» с Малиновским. И мать подходила на эту роль идеально.

Суматоха, которую внесла в привычный быт Шаниной мама Римма, охватила всю женскую часть «профсоюза». Римма, хоть и понимала, что Ева погорячилась с решением выйти замуж за Лутака, но так и не смогла удержаться от демонстрации предсвадебного позитива. Несколько каталогов со свадебной атрибутикой появились в их блоке. Лика и Лиска, лишённые удовольствия от собственных свадебных приготовлений, отрывались на полную катушку. Сама же Малиновская весь вечер не отходила от Внука. Бабушка в ней проснулась мгновенно, еще в тот момент, когда она только услышала о мальчике. Ваня спокойно реагировал на повышенное внимание, он и не к такому привык.

Вечером, когда народ разошелся, Римма подошла к дочери и молча обняла. Говорить она не могла. Горло сдавили сдерживаемые рыдания, но в самом жесте было столько боли, любви и извинений, что слова оказались бы лишними.

— Ну, что ты ма? Все же обошлось тогда, — Ева тоже не находила слов, вспоминать,

тем более говорить о прошлом не хотелось категорически. Рефлексиловать, когда надо собраться и решать проблемы, было неправильно. Но Ева понимала, то матери надо выговориться, объясниться.

— Обошлось, — эхом повторила мать, — Я больше тебя в обиду не дам. Ты не думай, чтобы отец не придумал, больше у него на поводу не пойду. Если б я знала, что он себе понапридумывал... — показалось, что мать впервые почувствовала состояние своего ребенка.

— Как он?

— Запутался совсем. Никого слушать не хочет, даже с Германом поругался. Гордыня это все... Одна надежда, что весь разум не растерял и одумается.

— А если нет? — задала самый волнующий её вопрос Ева.

— Значит, останется один. Если придется выбирать между вами и им, то я уже выбрала тебя и Ванечку. Будем вместе с его самодурством бороться. И, знаешь, я не приветствую твое решение выйти замуж за Андрона, — видимо, следуя какой-то своей логике, перескочила Римма.

— Вот как? Мам, ты же сама говорила, что он идеальная партия, — грустно рассмеялась Еня.

— Да я и сейчас считаю, что из вас могла бы получиться красивая пара. Только обстоятельства уже который раз против вашего нормального брака, — удивила рассуждениями женщина. Потом Ева вспомнила, что матери никто не рассказал об изнасиловании. Да, тогда все верно, пара красивая.

— Я еще ничего не решила. Надеюсь, время еще есть.

— Лучше расскажи, как ты тут устроилась, чем занимаешься? Почему в общежитии живешь? Может быть, купим квартиру. Я смотрела, сейчас есть неплохие варианты...

— Да есть квартира, просто так удобней из-за Ванечки. Здесь нянек больше, да и до работы близко.

Полночи мать с дочерью разговаривали на самые разные темы. У обеих было ощущение, что они знакомятся заново. При этом чувство родства осязалось все явственнее, как будто падала пелена, скрывавшая его. И обе молча недоумевали — что им мешало чуть раньше пойти друг другу на встречу? Римма начинала понимать мотивы поступков дочери, гордиться ей. Злиться на себя, что не смогла услышать ребенка, защитить. Как многого удалось бы избежать, окажись она чуть внимательнее, чуть терпеливее. Несколько раз мелькало в голове обвинение Бориса: «Это из-за нее...» В эти моменты слезы наворачивались на глаза. Мысль о том, что из-за ее нечуткости страдают два любимых человека, стучала набатом по вискам. А ведь стоило лишь поговорить, выслушать их обоих.

Тогда, много лет назад она отдалась страданию по умершему сыну и не задумалась о том, что это горе терзает еще и ее мужа. Он тоже потерял ребенка, ему было так же больно. А он молчал, поддерживал и оберегал свою любимую Римму, и, как настоящий мужчина, в одиночестве боролся с проблемой. «Римма, Римма, как ты могла забыть, что другие люди тоже чувствуют, переживают, испытывают эмоции. Как ты могла наплевать на родных людей», — ругала себя женщина. Она понимала, что исправить ситуацию будет непросто. Тем более даже не представляла, что для этого надо делать. Да и потом, когда эти проблемы будут решены, вина никуда не денется.

Ева же просто не узнавала свою мать. И грешила на себя, что не смогла найти в себе сил и поговорить с матерью по душам, объяснить все. Ведь так не бывает, что люди меняются в

корне, значит, мама всегда была понимающей. И, значит, что это она, Женька, не смогла объяснить.

Ближе к часу ночи зазвонил мобильник Риммы:

— Да, Боря, это я. Добрый вечер... Доехала хорошо, чувствую себя нормально. Нет, давление не скачет... У Женечки... Нет, все в порядке... Нет, не спим... Разговаривали, очень жалею, что не сделали этого раньше... Нет, домой пока не собираюсь... А ты уже отозвал свое заявление?.. Поговорим, когда отзовешь... Да, решения не изменю, мне очень жаль, но будет только так. Я больше не позволю разрушать нашу семью... Да ты пьян! Иди спать, ты и на трезвую голову сейчас соображаешь не очень, а уж пьяным можешь до крайностей договориться. Все, все, иди спать. Завтра сама тебя наберу.

Ева была в шоке. Отец трезвенником не был, но без повода никогда не употреблял. Это был один из его принципов.

Обеденный перерыв начался со звонка Андрона. Ева досадливо ругнулась, но трубку подняла.

— Здравствуй, Енечка. Как вы там? Как Ванечка? Я очень по вас соскучился, — заворковала трубка.

— Здравствуй, Андрон. У нас все нормально, — Еву смутило слишком эмоциональное приветствие мужчины так же, как если б то же самое сказал посторонний человек.

— Ты чем-то расстроена? — беспокойство выглядело естественным, поэтому девушка смягчилась.

— Нет, действительно все нормально, насколько может быть нормальной сложившаяся ситуация. Просто у меня уже рабочий день в разгаре, замоталась немного.

Лиска нетерпеливо притоптывала ножкой и показывала на манекюрным пальчиком на часы. Обеденный перерыв начался, а значит, в столовой растет очередь. А их Лиска не любила так же отчаянно, как и осеннюю слякоть.

— Идите без меня, — прошептала Ева, прикрыв микрофон ладошкой, — Салатик мне принеси и котлетку, нет, две...

Подруга только слегка кивнула и тут же исчезла за дверью.

— Повтори, пожалуйста, последнюю фразу. Я не услышала, что ты сказал, извини, отвлеклась, — вернулась к семейным проблемам Енька.

Дрон толи понял, что девушка не готова любезничать по телефону, толи сам стал торопиться, и перешел к делу. Он почти слово в слово повторил то, что Ева уже слышала от разных людей. Рассуждения были довольно пространные, так как строились в основном на догадках о том, что может предпринять Борис Малиновский. Решение проблемы тоже было похожим.

— В общем, идеальным решением проблемы будет наш брак, — тут Дрон Лукавил, Еву мог спасти брак с любым мужчиной, но она понимала, что тот упускать свое не собирается, поэтому спустила на тормозах эту недоговоренность, — А еще хорошим решением будет мое усыновление Ванечки.

Повисла пауза. Еве тоже говорил ее адвокат о такой возможности, но она пропустила эту информацию мимо ушей. Такой расклад для нее был сродни действиям Малиновского. Ей казалось, что как только в графе «отец» у Ванечки отметится Андрон Лутак, своего сына она больше не увидит никогда. Страх был иррациональным. Последние события говорили об обратном, но было не просто страшно, а панически страшно. И, не дай то боги, Андрону придет в голову такая мысль, отбиться будет невозможно.

Руки у Евы похолодели, во рту пересохло. Надо было что-то ответить, но язык не хотел слушаться, а мысли растревоженными мотыльками метались в голове.

— Андрон, — выдавила из себя девушка.

Мужчина понял, что погорячился со звонком. Голос рассказал о состоянии дорогой для него женщины все.

— Милая, не нервничай и ничего себе не придумывай. Это всего лишь предложение. Я, конечно, мечтаю, что однажды Ванечка станет носить мою фамилию, но решение о том, когда это произойдет, примешь ты, — он сделал паузу, чтобы дать высказаться Еве. Девушка

по-прежнему молчала, — Евушка, знаешь, давай я приеду, скажем, в начале следующей недели. Ты пригласишь своего юриста, и мы поговорим на эту тему. А после, ты будешь решать.

Ева уже давно поняла, что ее мечте о существовании инкогнито от своей прошлой жизни, не суждено сбыться. Знала, что даже если очень сильно верить в свои сказки, жизнь напомнит, что она другая. Что рано или поздно ее родственники и семья Лутак будут присутствовать рядом. Но оставалась слабая надежда на то, что дистанция в пару тысяч километров сохранится между ними на всю оставшуюся жизнь. И сейчас, когда люди из прошлого приходили едва ли не чаще, чем соседи по общежитию, она терялась. Боялась оказаться раздавленной экспрессом «Былое, но не пережитое». Но выхода не видела.

— Хорошо, только предупреди заранее, когда тебя ждать.

***

Вечером, после совместного ужина, напоминавшего последнее время сессию депутатов Думы, Лиска мыла посуду. Отдавая очередную чистую тарелку супругу, чтобы он поставил ее на полку, девушка озадачила супруга:

— Коль, а тебе не кажется подозрительным такая резкая перемена характера у этого Лутака? Еще три года назад был мудаком и насильником, а сейчас, прямо ангел во плоти.

— Нет.

— Аргументируй, — только супруга могла спокойно общаться с Николая и ее не раздражала его сверх лаконичность в ответах.

— Он нормальный мужик.

— Не аргумент, — Лиска ждала, Николая молчал, — Ну, роди уже... Не может «нормальный мужик» взять и изнасиловать девушку. Даже если сильно пьяный.

— А вот это самая непонятная часть истории, Лисонька, — вдруг дал развернутый ответ Де Морель, — Понимаешь, физиология мужчины такова, что при сильном алкогольном опьянении он, как мужчина не состоятелен.

— А-а-а... Не встанет что ли? — упростила ответ девушка, оба молчали, обдумывали, — Ты должен узнать все подробности того кошмара. Это важно! — пресекла первые попытки взбунтоваться Лиска, — Это для Евы важно, понимаешь?

— Ну, да. Только как ты себе это представляешь? И почему именно я? — не хотел сдавать позиции Николая.

— Со мной Лутак точно не станет откровенничать. А остальные и так помогают Еве, одни мы фоном болтаемся, — гнула свою линию Зайка.

— А со мной он разоткровенничается, по-твоему? С чего бы? — Николая был многословен, что говорило о его крайней степени возмущения. Но на жену это не подействовало.

— Ну, потому что ты тоже мужик.

— Лиза...

— А еще, Евкин друг, вернее друг Евкиной семьи. И не спорь. Есть такое слово «надо» И ты это сделаешь, — уперлась девушка. Сбить ее с намеченной цели не представлялось возможным. Даже если б Де Морель сейчас попал в больницу, Лиска достала бы его и там.

Ошарашенный Николая удалился с кухни, от греха подальше, пока эта деятельная особа не загрузила его еще чем-нибудь. Задача, как ни крути, нарисовалась с тремя звездочками. Проигноировать не получится, Елизавета мозг вытопчет, а как разговорить Лутака на такую щепетильную тему придумать не получалось. Николая представить себе простую беседу

между ними представить не мог, а тут такое.

На работу Николая явно пришел напрасно. Для лаборатории было бы безопасней, если бы он в этот день остался дома.

— Шел бы ты домой, Николая Жан-Жакович, — в сердцах бросил зав кафедрой, — Достал ты уже.

— Что сразу «Жан-Жакович»? — обиделся Николая, на кафедре его так называли исключительно, когда он косячил, а такого уже не случилось года три.

— Николашка, ты мне сейчас чуть монитор со стола не снес и даже не заметил! Что случилось? С Елизаветой поссорились? — шипел, как поломанный огнетушитель заведующий.

— А, нет. Все в порядке, — Николая расстроено осматривал себя и помещение.

— Ошибаешься, порядка на кафедре с утра нет. Как только ты пришел, порядок сразу закончился, — негодовало начальство, — И, боюсь, если удержишься здесь еще на часок, то и от кафедры ничего не останется. Ты где мозг оставил, родной? Чем головушку свою светлую забил? Какими такими глобальными проблемами озадачился? — шеф фонтанировал эмоциями.

— Семен Игнатьич, как мужика разговорить на щепетильную тему? — ошаршил прямо в лоб старший лаборант Жан-Жакович.

— Напой его, он сам разговорится, еще потом затыкать будешь, — уже спокойней проговорил шеф.

— Не, не выйдет. Мы не друзья, чтобы вместе пить просто так, а повода в ближайшее время не предвидится, — огорченно резюмировал Николая.

— Повод в любой день организовать можно. В баню зазови, чем тебе не повод выпить. А от бани только дураки или больные отказываются, — завкаф был уже совершенно спокоен.

— Семен Игнатьич, вы гений! Все так просто, а я голову сломал, — засиял, как самовар Николая.

— Ты об этом не забудь, когда лабораторные исследования у тебя получаться не будут, а то вечно меня во всех грехах обвиняете, — добродушно ворчал шеф.

— Ну, я пойду? — вспомнил о внезапной поблажке Де Морель.

— Иди уже.

Ближайшая приличная баня находилась на цокольном этаже их же общежития. Соорудили ее по инициативе Архипыча, когда тот только устроился комендантом. Место это считалось элитным. Причина не столько в качестве самой баньки и пара, который она давала, хотя они были хороши, сколько в имидже. Архипыч гордился своим детищем, всячески его нахваливал и пускал туда только особо отличившихся.

Николя после работы сначала направился в супермаркет, где кроме прочего, можно было разжиться и товарами для бани, а уж потом, с двумя громадными пакетами, зашел к коменданту.

— Архипыч, я тут здоровьем решил заняться. Мне сказали, что баня для этого первое дело. Вот в магазин заехал, прикупил кое-чего, посмотришь? Может еще что надо? — с самым честным видом начал Николая.

— Колись, что задумал? В баню мою тебе зачем? — не иначе отец коменданта был

чекистом, а сыну все не геном уровне передалось, — Что глазенками лупаешь? Думал, Архипыча объегорить можно? Ага, не таких видал, — довольно хвастался старик, — Ну, что рассказывать будешь, али пойдешь к своей Лисе?

И Николая сначала неохотно, сильно смущаясь, начал делиться планами. Чем дольше парень рассказывал, тем сильнее увлекался и говорил уже не только о планах, но и переживаниях, своих размышлениях и наблюдениях. Комендант невольно зауважал парня. Оказывается, за угрюмым фасадом скрывается острый ум и наблюдательность. Архипыч проникнулся. История зацепила деда, а еще больше зацепила его дознавательскую сущность. Уже через полчаса в кабинете коменданта сидело два заговорщика. Они составляли план предстоящего мероприятия. О сроках проведения Николая должен был предупредить дополнительно.

Андрон Лутак приехал уставшим. Все-таки почти восемь часов, с учетом пересадки, сидя в кресле, да еще после напряженной рабочей недели, давали о себе знать. О том, что надо предупредить Еву, он вспомнил только в столице, когда ждал следующий самолет. Была ночь, звонить было поздно.

На автомате направился не в гостиницу, а в общежитие. Мужчина чуть не заснул в такси. От усталости его вырубало, но какое-то непонятное чувство гнало вперед. Он не хотел быть похожим на влюбленного мальчишку, но солидно вести себя не получилось. Из машины он буквально выпрыгнул и подлетел к двери в общежитие.

Комендант по-хозяйски расположился в будке вахтерши и просматривал журнал посещений. На скрип входной двери оглянулся, кивнул в качестве приветствия, но останавливать Лутака не стал. Только ухмыльнулся мысли, что молодежь совсем несерьезная пошла, и полуфранцуз забыл его предупредить о приезде. Затем, дождался вахтершу и пошел проверять в баню, все ли есть для реализации плана.

В блоке жизнь уже кипела, обитатели собирались на работу.

— Андрон? А почему не предупредил? — удивилась Ева, впуская мужчину.

— Прости, милая. Совсем закрутился, вспомнил только, когда пересадку делали. Но было уже поздно. Не хотел будить. Устал, как собака. Покормишь?

— Да, конечно, проходи. Но поговорить не получится сейчас. Я собираюсь на работу.

— Ева, кто там? — донесся из кухни голос Риммы. Как-то так само собой получилось, что кухню она взяла на себя и теперь обитатели блока заходили туда только столоваться.

— Здравствуйте, Римма Власовна.

Римма повернулась и удивленно вздернула бровь. Она только что вернула себе дочь и наслаждалась этим состоянием. Теперь же появился тот, кто мог разрушить идиллию. Это была не ревность и не неприятие, просто женщина определила себе и дочери срок адаптации, нового знакомства друг с другом. И в этот промежуток времени Римма делить ее ни с кем не собиралась.

— Неожиданно...

— Ну почему же? Я тоже заинтересован в разрешении истории с Борисом. Не могу позволить ущемлять интересы моего сына и моей женщины.

Римма спрятала довольную улыбку. Все-таки она была права, из этих двоих может получиться прекрасная пара. Вон как Дрон переживает за ее дочь, даже не злится на то, что она фактически бежала из-под венца.

Ева ушла собираться, на кухне остались они втроем: Римма, Дрон и Ванечка, это немного ослабило напряжение.

— Так ты для массовости приехал? Напрасно оторвался от работы, у Женечки здесь отличная группа поддержки, — Римма решила подразнить мужчину, выставляя еще один прибор на стол.

— Нет, я с конкретными предложениями. Юристы посоветовали сразу несколько пунктов, чтобы укрепить позиции Ени, если дело дойдет до суда, — рассказывал Лутак, присаживаясь поближе к сыну. Римма внимательно слушала, — В идеале, конечно, брак с отцом ребенка, то есть со мной. Но я понимаю, что это скользкая тема и мне не хотелось бы

лишний раз нервировать Еву. А вот усыновить Ванечку и купить квартиру я могу. Отобратить ребенка сразу у двух родителей будет невозможно.

— Согласится ли Женя? Ты уже с ней говорил об этом? — женщина еще раз убедилась в том, что Андрон Лутак мог бы стать идеальной парой для ее дочери. Заботливый, тактичный, предприимчивый и, все говорит о том, что любящий. Или влюбленный.

— Решил, что такие вопросы обсуждать по телефону не лучшая идея, поэтому и приехал.

После несколько скомканного и спешного завтрака, девушки насыщались чаем и кофе уже в приемной. Когда Римма предложила Дрону остаться на день в общежитии, а не тащиться в гостиницу, которую к тому же Андрон забыл забронировать, Еве завтракать расхотелось. Лиска поддержала подругу.

— Ев, ну что ты переживаешь? Ну, вздремнет мужик на диване, и что? На ночь-то все равно поедет в гостиницу. Или боишься, что останется? А хочешь, я помогу ему к семейной жизни адаптироваться? Сам потом сбежит, чесслово...

— Лиска, ты чудо. Пойдем работать, скоро Крутовский появится.

Вечером собрался очередной реввоенсовет. Народу было много. Все едва разместились в общей гостиной блока. Обсуждали варианты, предложенные юристами Лутака бурно. Юристы со стороны Евы говорили прямо, без обиняков, не щадя ни чьих чувств. Римма тоже не молчала. В конце концов, с определенными оговорками одобрили все варианты. В случае судебного процесса с Малиновским любой из них давал громадное преимущество или гарантированную победу. Но, постольку поскольку, что усыновление, что бракосочетание требовали не меньше месяца, то сошлись на том, что начинать надо с квартиры. После этого, Николая, который сидел тише воды, ниже травы, заявил, что как раз сегодня Архипыч топит баньку и приглашал желающих. Желающими оказались почти все представители сильной половины.

Спустя минут сорок, после пары заходов в парилку и ныряний в холодный бассейн, разомлевшие мужчины попивали какой-то травяной сбор из личных запасников Архипыча. Неожиданный отдых ублажал тело и душу, поэтому расходиться не собирались. Каких-то особых тем для разговора не было, последнее время приходилось пересекаться довольно часто, так что актуальные темы были исчерпаны. Проблема Евы новой подпитки в виде информации. А предаваться воспоминаниям было еще рановато, лет двадцать — двадцать пять можно было легко обойтись без мемуарной рефлексии. Поэтому общение сводилось к перебрасыванию короткими фразами.

— А ты, мил человек, что приехал-то? С подмогой какой, аль так? — комендант долго ждал, когда можно будет начать допрос. Не утерпел, вклинился не к месту.

— Конечно с подмогой, — улыбнулся Дрон. Старик ему нравился, хотя они практически не общались. Интуиция и чутье на людей, говорили Лутaku, что Архипыч нормальный мужик.

— А что не женишься на ней, коль заботливый такой?

— Да я хоть сейчас, Ева не хочет. Она сюда-то сбежала, чтобы замуж не выходить.

— Это что ж получается, наша Евка фря избалованная? Из-за капризов из дому с дитем убежала?

Гулькевич и Крутовский внимательно слушали, интересно было узнать версию второй

стороны.

— Нет, нет, — поспешил оправдать девушку Лутак, — Ева из-за меня сбежала. Это я виноват.

— Что-то ты мутишь, родной, — начал свой допрос Архипыч, — весь такой правильный, а девка от тебя сбежала. Уж не от заботы ли твоей, а?

Дрон вздохнул, задумался. Рассказывать не хотелось. Это его ошибки и никто не сможет их помочь исправить, никто не выдаст индульгенцию на грехи. Только мнение о себе испортит, а оно и так не на высоте. Стало быть, нет необходимости делиться тем, что скопилось. С другой стороны, наверняка они уже в курсе и теперь только ждут подтверждения. Мелькнула еще мысль о том, что срок давности по совершенному им преступлению не прошел и, при желании, его рассказ можно будет использовать против него. Но все это не имело уже никого значения. Потому что ни одно наказание не могло быть серьезней, чем страх или равнодушие Ени к нему. Поле этой мысли говорить стало легко. Дрон не останавливался на подробностях, рассказывал схематично, но четко. Даже не пытался искать себе оправдание. Но мужчины чувствовали, что за спокойствием прячется сильное переживание.

— Постой, говоришь, что сразу после ужина с тестем к Евке направился? — комендант уже принял сторону Дрона, но ни на секунду не забывал о своей миссии.

— Не помню. Помню, как попрощались с Борисом, потом официантка вызвала такси. Что было дальше, уже не помню.

— А что, у вас в ресторанах официантки вызывают такси? Не администратор? — уточнил Крутовский.

— Вообще-то, вы правы, обычно это делает администратор. Просто столик обслуживала подружка Ени, она нас знала, я ее тоже видел пару раз. Она сама предложила машину вызвать, а я не стал отказываться, — вспоминал Дрон.

— Подружка? Как зовут подружку, помнишь? — зацепился Крутовский.

Дрон напрягся, глаза округлились, явно в голове завелась новая мысль, и он пытался ее думать.

— Ира или Кира, она вместе с Енькой и на даче, кажется, была, — голос был неуверенный и выдавал ошарашенность владельца.

— Так, давай с этого места подробней, — у Гулькевича в голове уже сложилась гипотеза, не хватало нескольких деталей, и он жаждал их получить.

Из бани мужчины вышли молчаливыми. Даже Архипычу «спасибо» не сказали. С стороны могло показаться, что баня их расслабила до онемения. На самом же деле, все переваривали новую информацию, которой договорись с дамами пока не делиться. Доказательств в том, что Кира-Ира замешана каким-то образом в невменяемом состоянии мужчины, добыть не представляется возможным. Сама девушка ни за что не признается в содеянном. Тем не менее, Лутак решил поговорить об этом со знакомым детективом, который уже был в курсе истории двух семей. А там уже принимать решение, что со всем этим делать.

***

Квартира, которую еще из дома присмотрел Дрон, располагалась в доме, где жили Гулькевичи. Это был единственный ее плюс. Все остальное Ева отнесла к минусам: и гигантские размеры, и качественный, но «никакой» ремонт, и удаленность от Де Морелей и от работы. И не важно, что уехать пришлось всего на расстояние, равное четверем

автобусным остановкам, все равно это было дальше, чем от общаги.

— Ева, ты не можешь отказаться от переезда. Если дойдет до суда, то информация о то, что вы проживаете в общежитии, сыграет сильно против тебя, — эта фраза в разных вариациях звучала от каждого уже пятый день. Лутак, по его словам, откладывал свой отъезд пятый день подряд из-за отказа Евы переезжать. Хотя Еве казалось, что тот просто взял отпуск и спешить ему куда не надо.

— У меня есть квартира, — сопротивлялась Ева.

— Но живешь ты, почему-то, в общежитии. В твоей квартире ремонт нужен капитальный, от университета далеко. И места нет свободного для гостей, — Андрон был неумолим. Римма его поддерживала, Лиска дипломатично отмалчивалась. А вот Лика высказалась за переезд. Наверное, именно мнение Армас и сыграло решающую роль.

Еще одной темой для разговора стало усыновление Ванечки. Еву буквально разрывало от двойственности развития событий при принятии такого шага. С одной стороны, это будет шах и мат для Бориса Малиновского. Это против матери одиночки, аспирантки, работающей секретарем, он был грозным противником. Если же на поле выходил Лутак, шансы уравнивались. После этого все выпады Бориса были б не больше, чем внешний раздражитель, но не угроза. Это подкупало девушку.

А вот с другой стороны, в случае ухудшения отношений, место Малиновского мог занять Лутак. И вот там уже будет стопроцентный проигрыш. Против Лутака вести войну будет в разы сложнее. Эта сторона не просто останавливала Еву, она ее пугала до онемения конечностей. Как бы Ева не храбрилась и чтобы не говорила, а недоверие к Дрону в ее душе продолжало жить. Ни оно, ни страх больше девушку не тревожили. Но стоило начать вырисовываться непонятной ситуации, эти чувства поднимались в полный рост и заявляли о себе громким голосом. И не было в ее окружении ни одного человека, который мог бы гарантировать, что Лутак ей больше не противник, а даже наоборот. К тем, кто хорошо знал мужчину, Ева тоже относилась с подозрением. Те же, кому девушка доверяла безоговорочно, поручится за Андрона не могли.

Пока же девушка окружила себя жесткими правилами и запретами. В своем стремлении к идеалу она забывала о себе, своих чувствах и чувствах близких ей людей. Идеей фикс стал образ идеальной матери. В общем, Ева становилась механической куклой. При этом была напряжена, как натянутая струна.

Из-за такого состояния дочери Римме приходилось решать довольно неожиданные задачи. Одной из самых сложных оказалась убедить Еву в необходимости вести прежний образ жизни. Девушка настолько зажалась, что даже не ходила гулять с ребенком в парк. Но вытащить из кокона все равно не получалось.

Приближался день рожденья мелкого. Из-за возраста именинника решено было устроить семейные посиделки дома. И впервые за двадцать два года жизни на Еву свалилась подготовка праздника. Вроде ничего страшного, подумаешь — обед в кругу близких людей. Но девушка вспоминала званые ужины, которые организовывала его мама, и у неё сразу же начинали трястись поджилки и портилось настроение. Еве предстоял жесткий экзамен.

Уже с утра к Еве приехали Лика и Лисонька. Они, кроме того, что помогали на кухне, по привычке пытались отвлечь Еву своей болтовней от тяжелых мыслей:

— ...а еще Жан Жак обещал помочь нам с покупкой квартиры. Знаешь, я иногда сама себе завидую... Мне так повезло встретить Николяшку, — тархтела Зайка.

Но Ева никого не слушала. Все ее мысли вращались вокруг матери. Римма еще вечером

сообщила, что готовит для Евы и Ванечки сюрприз, но даже намекать отказалась на то, что это будет. Ева еле сдерживалась, только сюрпризов ей не хватало. У нее и так последние три года сплошные сюрпризы по жизни. Она механически что-то делала руками, а сама пыталась морально настроиться на любой вариант событий. Другими словами, утопить себя в равнодушии и пофигизме. Получалось не очень. Резкий звонок в дверь заставил девушку подпрыгнуть от неожиданности. Ева вышла в коридор.

— Здравствуй, мама. Здравствуйте, Борис Васильевич, — сюрприз удался, причем именно такой, как ожидала Ева — неприятный.

— Женечка, давай объявим перемирие и мораторий на все ваши военные действия, — вместо приветствия сказала Римма, — Отец приехал лично сказать, что уже отозвал заявление и больше не будет предъявлять тебе никаких претензий.

— Это правда, — отозвался Борис Васильевич, не глядя на дочь.

— Правда... Ладно! Доча, ты же не будешь препятствовать общению Ванечки с дедом? Это единственная наша просьба. Пожалуйста...

— Мама, ты используешь запрещенные приемы! Он пытался забрать у меня ребенка!

— Евгения, обещаю больше не вмешиваться в твою жизнь, — глядя в глаза дочери, сказал Борис.

— Ой, здравствуйте, Римма Власовна! А Вы, полагаю, Борис Васильевич? Я Лика приятно познакомиться, — вышла из комнаты Лика, — Как вы вовремя. Римма Власовна, Вы же поможете нам стол сервировать? А то мы с Евой совсем ничего не успеваем, а от Лиски реальная помощь только на кухне, — дипломатия у Армаса была врожденным качеством.

Еве не оставалось ничего другого, кроме как пригласить родителей в дом.

Напряжение среди гостей и хозяев чувствовалось ровно до того момента, пока не пришли с прогулки Ванечка и Юлия. Мелкий был способен озадачить всех разом и каждого персонально. Самостоятельно сидеть в этот день он категорически отказывался. Мальчишка путешествовал по рукам и коленкам гостей. Казалось, он боится обделить вниманием хоть кого-то. Когда почти в середине застолья очередь дошла до Бориса Васильевича, хмурый мужчина еще больше напрягся и даже вспотел. Мелкий сам залез к Малиновскому на колени, но не сел, а встал лицом к Борису, взял в ладошки его лицо и, глядя в глаза, спросил:

— Дед?

— Да, твой дед, — подтвердил Борис и попытался улыбнуться.

Тогда Ванька чмокнул нового деда в нос, по-свойски расположился у него на коленях и принялся таскать из дедовой тарелки помидорки черри. Деда отпустило. Он расслабился и замлел от удовольствия.

В Еве впервые проснулась ревность. Она так и не смогла оценить сюрприз матери, вся ценность информации до нее еще не дошла. Напряжение и заикленность на проблеме сыграли дурную шутку с девушкой. Роль, которую она сама себе придумала, играя идеальную женщину, не позволяла ей проявить сильные эмоции, приходилось себя постоянно контролировать, поэтому мозг реагировал на информацию с отставанием. И сейчас, глядя, как Борис возится с её сыном, девушка держалась из последних сил, давя эмоции и превращаясь в робота. Первым заметил изменение настроения Евы Дрон. Он уже почти придумал причину, чтобы увести Еву от гостей, но та сбежала чуть раньше. Мужчина выскользнул за ней следом и, не давая девушке войти на кухню, подхватил её на руки и понес в спальню.

— Пусти, поставь где взял, — запаниковала Ева, она все еще не доверяла Дрону.

Умом-то девушка понимала, что он не настолько глуп, чтобы еще раз повторить ошибку — больше ему это с рук не сойдет. А вот злобный червячок сомнений и страха, который поселился где-то на задворках сознания, верещал как ненормальный "Атас! Alarm! Achtung". И заткнуть его пока не получалось.

— Ты что творишь? Ты же как зомби! Ходишь, улыбаешься, а в глазах пустота! К тебе даже Ванька подойти боится! — зашептал на ухо Еве Андрон.

— Все хорошо, Андрон. Я сейчас умоюсь и возьму себя в руки. Извини, — попыталась взять себя в руки и продолжить играть эту дурацкую роль Ева. Она совсем растерялась и перестала понимать, что же нужно сделать, чтобы ситуация опять стала подконтрольной. Одновременно заглушить охватывающую её панику и выработать правильную линию поведения никак не получалось. Да что там, не получалось ничего даже по очереди. И от этого становилось еще хуже. Столько потенциальной угрозы в одном месте сконцентрировалось, просто оторопь берет.

— Ева, хватит! Сними с себя эту маску, — Дрон уже поставил девушку у стены в её спальне и тряс, как грушу.

Из-за своего состояния и тихого шепота Дрона Ева так и не смогла разобрать интонации. Что это было — угроза или забота, но желание сбежать усилилось. Ева дернулась, стараясь вырваться из захвата, и ударился локтем о стену. Сначала звездочки в глазах, а потом слезы...

— Ну, наконец-то, живые эмоции, — прошептал Андрон и попытался прижать её к груди, приобнять за плечи.

Боль в локте оказалась сильнее мысли о побеге, да и простое детское желание, чтобы кто-нибудь пожалел, не дало оттолкнуть мужчину.

— Да что ты пристал? — уже по-настоящему ревела девушка, — Я и так из последних сил держусь. Знаешь, как я устала притворяться? Быть идеальной. Не живу, а хожу по минному полю. Боюсь, что из-за малейшей оплошности сына потерять. Я устала, а тут еще отец приехал... Вот что тебе еще надо? Что им всем от меня надо? Что не так?

— Тише, тише... Все так... Просто не надо притворяться, будь собой, со всеми твоими заморочками. И бояться ничего не надо, теперь все будет хорошо, — Дрон, успокаивая, поцеловал в макушку Еву. Потом, не чувствуя сопротивления, нежно стал целовать мокрые от слез глаза. Губы девушки дернулись толи в улыбке, толи в ухмылке, по зареванному лицу определить было трудно, Дрон же решил, что девушка улыбнулся, — Вот, что нужно... Я хочу, чтобы ты была живой, настоящей. А идеальных людей не бывает. Это все знают, поэтому просто будь собой.

Ева опешила от такого откровения. Дрон же, пользуясь моментом, поцелуями-бабочками собирал слезы с лица ошарашенной Евы. Девушка с удивлением поняла, что это не просто приятно, это сводит с ума. Из гостиной послышался смех и она вспомнила, что там гости:

— Дрон, остановись, — тихо, но твердо попросила девушка.

— Мы недолго, — не внятно пробурчал мужчина, его рот был занят более приятными вещами, и отвлекаться на разговоры не было никакого желания.

— Андрон, — в голосе Евы появился страх. Природа брала свое, и уже через минуту самоконтроль мог отключиться у обоих, — Гости заждались.

Мужчина плохо фокусировал взгляд, но постарался взять себя в руки:

— Да, ты права. Надо умыться и идти.

Остаток вечера Ева пребывала, как в тумне, но не том, ужасном, который вел к сумасшествию. После того странного разговора с Андроном ей стало легче, и до нее наконец-то дошло, что угроза со стороны отца миновала.

Послесловие

Андрон прилетал каждые выходные. Он проводил много времени с сыном, как будто наверстывая упущенное. С Евой же их отношения скорее напоминали дружеские. Дрон не сдавался, приучал девушку к своему присутствию в ее жизни. Не давил, но и не скрывал свои планы.

Мужчина в очередной раз собирался к сыну и Еве, в этот раз уезжал из дома родителей:

— Ма, у тебя снова появились секреты от меня? — Дрон помахивал файлом и счастливо улыбался.

— Где ты это взял? — расстроено спросила Лиля.

— Там, где ты его оставила, на столе у отца. Ева в курсе? Кто составлял? Её адвокат? Когда ты собиралась мне об этом сказать? — вопросы сыпались, как горох из худого мешка.

— Это несостоявшийся проект.

— В смысле? Можешь рассказать подробно, я устал догадываться.

— Это была идея Евы, еще тогда, когда Борис грозился отобрать Ваню. Но потом ситуация изменилась и она передумала, прости сынок, — Я хотела, как лучше. Это решение она приняла почти сразу после комиссии из опеки. Ева была на взводе. Сам понимаешь, такие решения самые неудачные. И я просто дала ей время подумать.

Отчаяние в глазах сына было таким, как в детстве. Громадным, всепоглощающим. Казалось, что у мужчины рухнул мир перед глазами.

— Сынок...

— Зачем, мама? Мы бы уже были женаты, я вымолил бы прощение потом. Она бы поняла, что я не зверь.

— Сынок, она бы тебя еще больше ненавидела, поверь. Просто поверь. Ты докажешь. Если любишь, то докажешь обязательно. А это было не ваше время и, снова, плохие обстоятельства.

— Наверное, ты права.

Дрон, молча, ушел в кабинет. Права, как всегда права. И от этого еще горше. Он стоял в центре комнаты и невидящим взглядом смотрел на контракт, соображая, что за бумага у него в руках. Потом подошел к столу, достал документ из файла и поставил на нем свою размашистую подпись, затем положил его в стопку документов, которые собирался взять с собой. Читать не стал. Он согласен на любые ее условия.

Дверь в квартиру Дрон открыл своим ключом, Ева сама настояла, чтобы он был у мужчины. Свет горел только на кухне, оттуда, не смотря на поздний вечер, доносились голоса.

— Я выйду замуж только за любимого человека. Mam, с того разговора ничего не изменилось. Я хочу прожить свою жизнь в любви.

— А как же Ванечка?

— Ванечку я люблю, и полюбит мой супруг. Да и отца у ребенка никто не забирает. Я же не запрещаю им видеться.

— Еня, может быть, ты хотя бы позволишь Андрону усыновить мальчика? — Римма по-прежнему мечтала увидеть зятем Андрона и не пыталась это скрыть. Правда, теперь ей

хватало ума не давить на дочь.

— Я боюсь. Мам, пожалуйста, не давите на меня. Я до сих пор живу в стрессе. Страх потерять сына никуда не делся. Да, я понимаю, что если вы захотите, то вам ничто не помешает...

— Тихо, тихо, — грустно рассмеялась Римма, — Мы обещали тебе, что все будет только с твоего согласия, так и будет. Больше даже не думай сомневаться.

— Спасибо, — Ева с благодарностью посмотрела на мать, — И прости меня за то, что не оправдала твоих надежд. Каждый человек заслуживает любви, я тоже...

— Он тебя любит, Женечка...

— А я еще не полюбила никого...

«Полюбишь, обязательно полюбишь», — подумал, стоявший за дверью Андрон.

Через два дня, когда мужчина собирался снова домой, в спальне любимой женщины, на кровати он оставил файл с подписанным договором и красную бархатную коробочку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net